

**KRIMINĀLTIESĪBU,
KRIMINĀLPROCESA
UN KRIMINĀLISTIKAS
JAUTĀJUMI**

**ВОПРОСЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ**

AR DARBA SARKANĀ KAROGA ORDENI APBALVOTA
P. STUCKAS LATVIJAS VALSTS UNIVERSITĀTE
ЛАТВИЙСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. П. СТУЧКИ

ZINĀTNISKIE RAKSTĪ УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ **93** SEJUMS

JURIDISKĀS ZINĀTNES
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

KRIMINĀLTIESĪBU, KRIMINALPROCESA
UN KRIMINALISTIKAS JAUTĀJUMI
ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

RĪGA 1968 РИГА

4/5489

1/100

Сдано в набор 16 июля 1968 г. Подписано в печать 30 сентября 1968 г. Формат бумаги 60x84^{1/16}. Объем 14 физ. листов. Тираж 500 экз. Заказ № 4327. ЯТ 03114. Цена 98 коп. Отпечатано в типографии № 1 «Циня» Управления полиграфической промышленности Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР. Рига, ул. Блаумана, 38.40.

Redaktors — Docents. jurid. zinātņu kandidāts S. GRAUZINIS

Редактор — Доцент, кандидат юрид. наук ТРАУЖИНИС С. К.

М. БЛУМ

Доцент, канд. юрид. наук

ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. В теории советского уголовного права под специальными источниками уголовного права понимают формы выражения уголовноправовых норм или акты государственных органов, устанавливающие, отменяющие или изменяющие уголовноправовые нормы¹.

Из ст. 3 и 7 Основ уголовного законодательства Союза

¹ Следует отметить, что в советской юридической литературе термин «источник права» понимается по-разному. Во-первых, он отождествляется с термином «источник познания права», дающим возможность познать право различных исторических эпох. Во-вторых, под источником права понимаются те факторы, которые обуславливают возникновение правовых норм, при этом различаются источник права в «материальном (обычном, широком) смысле», под которым понимаются материальные условия жизни общества, являющиеся причиной возникновения норм права, и источник права в «юридическом (формальном или специальном) смысле», под которым понимаются различные формы закрепления результата нормотворческой деятельности государства, формы установления или выражения правовых норм (С. А. Голунский и М. С. Строгович. Теория государства и права, М., 1940, стр. 173; А. И. Денисов. Теория государства и права. Юриздат, М., 1948, стр. 430—431; М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. М., 1948, стр. 224; А. А. Герцензон. Уголовное право. Часть общая. РИО ВЮА, М., 1948, стр. 164—166; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 362—364; А. С. Шляпочников. Толкование советского уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 8—21; Теория государства и права. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 405—406). Многие теоретики права отказались от понятия «источник права в юридическом смысле», заметив его понятием «формы выражения (изложения) правовых норм» (А. М. Васильев. Нормативные акты советского социалистического государства. ВЮЗИ, М., 1955, стр. 3—4; А. М. Васильев. Формы выражения

СССР и союзных республик вытекает, что преступность и наказуемость деяния устанавливаются только уголовным законом. Поэтому нормативным актом, который, бесспорно, должен быть признан специальным источником советского уголовного права, является советский уголовный закон.

Согласно Конституции СССР и конституциям союзных республик, принятие уголовных законов относится к компетенции только высших органов государственной власти — Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик.

Советский уголовный закон выражает суверенную волю советского народа, руководимого Коммунистической партией. Он принимается высшим представительным органом государства — Верховным Советом СССР, а уголовные законы союзных республик — Верховным Советом союзной республики в особом порядке, установленном Конституцией СССР и конституциями союзных республик.

По содержанию советский уголовный закон регулирует охрану социалистических общественных отношений и прав граждан от преступлений путем применения к виновным наказания. В теории советского уголовного права последних лет господствующим является мнение, что уголовный закон является **единственным** источником уголовного права².

Так, А. С. Шляпочников утверждает, что «если под понятием специального источника уголовного права понимать такие правовые формы, в которые государство облекает борьбу с преступностью, определяя ими, какие общественно опасные деяния признаются преступлениями, и меры наказания, то такими правовыми формами могут быть **единственно** уголовные законы»³.

норм советского социалистического права, ВЮЗИ, М., 1960; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 378—379; Имре Сабо. Социалистическое право. «Прогресс», М., 1964, стр. 156—224; Теория государства и права. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 369—372).

О. Ф. Иващенко полагает, что термин «форма права» наиболее приемлем, потому что он точнее характеризует соотношение между природой государственной воли и способами ее выражения. Он считает, что термин «источник права» означает скорее орган государства, устанавливающий государственную волю, нежели способ ее выражения (Теория государства и права. МГУ, М., 1967, стр. 296).

Однако нам представляется, что термин «источник права» удачнее потому, что раскрывает значение нормативных актов как «способов оформления решений органов государственной власти, направленных на создание, изменение или отмену правовых норм» (Общая теория советского права, «Юридическая литература», М., 1966, стр. 131).

² Имеется и другая точка зрения, на которой мы остановимся несколько ниже.

³ А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 21.

Такого же мнения придерживаются Н. Д. Дурманов⁴, А. А. Герцензон⁵, С. Г. Келина⁶, И. Ю. Ляпунов⁷ и др.

Б. С. Утевский, характеризуя развитие советского уголовного законодательства в течение сорока лет как путь последовательного укрепления социалистической законности, также отметил все большее осуществление «перехода от положения, согласно которому источником советского уголовного права признавался не только закон, но и другие нормативные акты, к положению, когда единственным источником уголовного права являются только уголовные законы»⁸.

2. Однако все эти авторы в понятие «уголовный закон как источник уголовного права» вкладывают различное содержание.

Некоторые авторы под уголовным законом понимают только нормативный акт, принятый высшим представительным органом государственной власти Союза ССР или союзных республик — Верховным Советом Союза ССР или Верховным Советом союзной республики в установленном Конституцией порядке, и ничего не говорят об указах Президиумов Верховного Совета Союза ССР и союзных республик как источнике уголовного права⁹.

Другие авторы признают, что общеобязательные нормы уголовноправового характера содержатся также в указах Президиума Верховного Совета СССР и указах Президиума Верховного Совета союзной республики, которые подлежат последующему обязательному утверждению на сессиях соответствующих Верховных Советов, после чего также становятся законами¹⁰, получают силу закона. Поэтому, говоря об уголовных законах, они подразумевают и указы уголовнопра-

---

⁴ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ., М., 1967, стр. 39; Советское уголовное право. Часть общая. Госюриздат, М., 1962, стр. 25—26.

⁵ См. Уголовное право. Общая часть. Юриздат, М., 1948, стр. 224—226; А. А. Герцензон. Уголовное право. Часть общая. РИА ВЮА, М., 1948, стр. 166.

⁶ См. Советское уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 21.

⁷ См. Уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 49.

⁸ Б. С. Утевский. Сорок лет развития советского уголовного законодательства. В сб. Вопросы советского социалистического права. Госюриздат, М., 1958, стр. 255.

⁹ См. Советское уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 21.

¹⁰ См. Уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 49.

вового характера¹¹. На вопрос о том, является ли эта категория указов самостоятельным источником уголовного права до утверждения их на сессиях соответствующих Верховных Советов, в литературе не дается ответа.

Нам кажется, что пора со всей определенностью сказать, что законодательные указы наравне с законами являются источником советского уголовного права, так как до утверждения такие указы «выполняют роль закона, т. е. являются актами законодательного значения»¹². Они по своей юридической природе наиболее близко примыкают к закону. Предположения, высказанные некоторыми авторами в период кодификации общесоюзного и республиканского уголовного законодательства о том, что после упрядочения уголовного законодательства, после приведения его в соответствие с требованиями жизни и практики отпадает необходимость в принятии указов, содержащих уголовноправовые нормы, не оправдались.

Так, И. Н. Кузнецов утверждал, что принятие Основ общесоюзного законодательства и кодификация республиканского законодательства дадут возможность отразить в советском законодательстве изменения; происшедшие за последние годы в экономике и классовой структуре советского общества, а поэтому снизится потребность в нормотворческой деятельности Президиума Верховного Совета СССР в период между сессиями Верховного Совета СССР¹³.

А. С. Шляпочников также полагал, что в будущем вряд ли возникнет срочная необходимость введения новой уголовноправовой нормы, не дожидаясь очередной сессии Верховного Совета СССР¹⁴.

Однако практика советского уголовного правотворчества свидетельствует о том, что после принятия в 1958 году Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления все общесоюзные уголовные за-

---

¹¹ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 26.

¹² И. Н. Кузнецов. К вопросу о юридической природе указа Президиума Верховного Совета СССР и его соотношении с законом. В сб. Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 252.

¹³ Там же, стр. 258.

¹⁴ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 28.

коны, в том числе и вносящие дополнения и изменения в Основы уголовного законодательства, а также в Законы об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления были приняты Президиумом Верховного Совета Союза ССР в форме указов с последующим утверждением на очередных сессиях Верховного Совета СССР¹⁵.

Такова же практика уголовного правотворчества союзных республик.

Так, в Латвийской ССР за исключением уголовного кодекса республики, принятого 6 января 1961 года Верховным Советом Латвийской ССР, все уголовноправовые акты, начис 1957 года, принимались в форме указов Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, а затем утверждались на сессиях Верховного Совета республики¹⁶.

Поэтому необходимо оценить существующую практику нормотворчества Союза ССР и союзных республик с точки зрения ее допустимости и желательности.

Для текущего законодательства вполне допустима, видимо, практика законодательных указов¹⁷.

Мы полагаем, что есть все основания признать указы Президиума Верховного Совета СССР, которые изменяют, дополняют или отменяют действующие законы, принятые или утвержденные ранее Верховным Советом СССР, как и такие же указы Президиума Верховного Совета союзной республики, актами законодательного значения, как это сделали А. В. Мицкевич, И. Н. Кузнецов, С. С. Алексеев и некоторые другие.

Прав А. В. Мицкевич в том, что «законодательный указ — это акт, принятый Президиумом Верховного Совета СССР в период между сессиями, имеющий силу закона в этот период и подлежащий утверждению на очередной сессии Верховного Совета»¹⁸. Следует признать, что принятие Президиумом Верховного Совета СССР в период между сессиями указов, вносящих изменения в действующие законы, не противоречит принципу верховенства советского закона и не подрывает его ста-

---

¹⁵ См. Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1961, № 9, 19, 21, 22, 27; 1962, № 1, 8, 9, 15; 1963, № 43; 1965, № 6; Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1961, № 14, 35; 1962, № 29; 1963, № 10, 24; 1964, № 44; 1965, № 22; 1966, № 27, 37, 42; 1967, № 32.

¹⁷ См. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 77.

¹⁸ Там же, стр. 102.

бильности¹⁹, поэтому можно согласиться с предложением некоторых авторов законодательно закрепить право Президиума Верховного Совета Союза ССР и Президиумов Верховного Совета союзных республик принимать такие указы в период между сессиями²⁰.

В этой связи должен быть поставлен вопрос о том, в какой степени следует рассматривать эту категорию указов в качестве подзаконных актов. Большинство авторов соответствующих разделов учебников по теории государства и права безоговорочно относят эти указы Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховного Совета союзных республик к подзаконным актам²¹.

Противоположную позицию по этому вопросу занял А. В. Мицкевич²². Законодательные указы он не относит к подзаконным актам потому, что эти акты нуждаются в утверждении законодательного органа, т. е. сам факт последующего утверждения Верховным Советом этих указов расценивается как признак неподзаконных свойств указов, так как все прочие подзаконные указы не подлежат утверждению на сессии Верховного Совета²³. Вряд ли можно согласиться с А. В. Мицкевичем в том, что не существует никакой разницы между законом и законодательным указом, что последний полностью лишен характера подзаконного акта.

Мы полагаем, что следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что особенности соотношения законодательных указов с законом только выделяют их из числа других подзаконных актов Советского государства, но не дают оснований для отрицания за ними подзаконного характера, что «принцип верховенства закона проявляется в том, что само существование соответствующих указов полностью обусловлено последующей санкцией со стороны закона, что такие указы сохраняют свою юридическую силу лишь до момента их утверждения в законодательном порядке, а затем

¹⁹ См. И. Н. Кузнецов. К вопросу о юридической природе указа Президиума Верховного Совета СССР и его соотношение с законом. В сб. Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 261.

²⁰ См. подробнее «Законодательная техника», под редакцией проф. Д. А. Кемирова. ЛГУ, Л., 1965, стр. 65—67; А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 102—104; Л. В. Лазарев. О соотношении закона и указа. — Советское государство и право, 1965, № 5, стр. 69.

²¹ См. Основы теории государства и права. Госюридат, М., 1960, стр. 288—289; Теория государства и права. Изд-во АН СССР, 1962, стр. 418; Теория государства и права. Госюридат, М., 1965, стр. 378—379.

²² А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 100—102.

²³ Там же, стр. 101.

заменяются законом или приобретают его юридическую силу»²⁴.

Многими авторами отмечается следующая специфика законодательных указов: «они, во-первых, регулируют вопросы, подлежащие законодательному ведению. Во-вторых, в течение определенного срока — с момента вступления в силу и до момента их утверждения Верховным Советом — они фактически выполняют роль закона, не приобретая, однако, юридической силы последнего и сохраняя не только форму, но и правовое содержание указа как акта органа, который подотчетен Верховному Совету. В-третьих, они подлежат обязательному утверждению на ближайшей сессии Верховного Совета»²⁵.

Совершенно справедливо указывает И. Н. Кузнецов на то, что после того как указ приобретает юридическую силу закона, нецелесообразно сохранять за ним форму указа, поэтому в закон должны быть включены все правовые нормы утвержденного указа²⁶. Мы полагаем, что это положение следовало бы закрепить в Конституции СССР и конституциях союзных республик.

3. Признавая право на существование законодательных указов как самостоятельного источника уголовного права, вряд ли следует согласиться с использованием законодательного указа в качестве формы выражения основополагающих уголовноправовых норм. Специфическое содержание этих норм обуславливает необходимость соответствующей формы, в противном случае нарушается неразрывное единство содержания и формы уголовноправовой нормы.

Как известно, в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1958 году, дополнения и изменения вносились законодательными указами с последующим утверждением. Так, например, указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1962 года «О внесении изменений и дополнений в статьи 22 и 44 Основ уголовного законодательства» были внесены дополнения в ст. 22 Основ, которые расширили сферу применения исключительной меры наказания — смертной казни, а также изменения в

²⁴ И. Н. Кузнецов. К вопросу о юридической природе указа Президиума Верховного Совета СССР и его соотношение с законом. В сб. Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 261. Основы теории государства и права. Госюридат, М., 1963, стр. 388—389.

²⁵ Законодательная техника. ЛГУ, Л., 1965, стр. 65.

²⁶ См. И. Н. Кузнецов. К вопросу о юридической природе указа Президиума Верховного Совета СССР и его соотношение с законом. В сб. Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 263.

ст. 44, которые ограничили применение условно-досрочного освобождения от наказаний и замены наказания более мягким²⁷.

Имеют место также случаи, когда законодательные указы по существу дополняют Основы уголовного законодательства, а соответствующее дополнение Основ не производится. Так, например, в ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик предусмотрен перечень обстоятельств, отягчающих ответственность при назначении наказания. В ст. 13 указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство» предусматривается еще одно отягчающее обстоятельство — совершение преступления в нетрезвом состоянии, — которое Основами уголовного законодательства не было предусмотрено²⁸. Однако дополнения к ст. 34 Основ уголовного законодательства после опубликования этого законодательного указа не были внесены.

Таким образом, обстоятельства, отягчающие ответственность при назначении наказания, предусмотрены в настоящее время в двух общесоюзных законодательных актах, из которых основополагающим является один.

С таким положением нельзя согласиться, так как оно находится в противоречии со ст. 2 Основ уголовного законодательства, которая вообще не предусматривает существования отдельных общесоюзных законов, регламентирующих вопросы Общей части уголовного права, помимо Основ уголовного законодательства.

В данном случае может быть и не было необходимости для внесения дополнений в ст. 34 Основ уголовного законодательства, но в таком случае было бы более правильным не устанавливать новой общесоюзной уголовноправовой нормы, а рекомендовать союзным республикам внести дополнения в соответствующие статьи республиканских уголовных кодексов, поскольку ст. 34 Основ уголовного законодательства дает право уголовным кодексам союзных республик устанавливать иные обстоятельства, отягчающие ответственность при назначении наказания, кроме перечисленных в Основах уголовного законодательства.

Мы считаем неправильной существующую практику внесения дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства путем издания законодательных указов²⁹.

²⁷ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1962, № 15.

²⁸ Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30.

²⁹ См. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 77.

Нам представляется, что в уголовном правотворчестве недооценивается различие уголовных законов по их юридической силе. Только этим мы объясняем существующую практику. Необходимость внести изменения или дополнения в Основы уголовного законодательства, как показывает десятилетняя практика, возникает нечасто. Со времени принятия Основ уголовного законодательства в декабре 1958 года в течение десяти лет были дополнены только три статьи Основ (ст. 22, 38 и 44)³⁰.

Вряд ли можно серьезно утверждать, что это не могло быть сделано на соответствующих сессиях Верховного Совета Союза ССР.

4. Существующая практика нормотворчества во многом объясняется недостаточной разработкой в теории советского уголовного права вопроса о различной юридической силе уголовных законов.

В теории советского уголовного права этому вопросу уделяется недостаточно внимания, что приводит, как мы покажем ниже, к ошибочным выводам при толковании и применении основополагающих и прочих уголовных законов.

По юридической силе разграничения проводятся только между конституционными законами, с одной стороны, и уголовными законами, с другой, а внутри уголовных законов — только между общесоюзными уголовными законами и уголовными законами союзной республики.

За конституционными законами признается наибольшая юридическая сила. Они расцениваются как юридическая база советского уголовного законодательства.

Из этого делается правильный вывод о том, что уголовные законы должны соответствовать статьям Конституции СССР и конституциям союзных республик, содержащим принципиальные указания о борьбе с некоторыми преступлениями³¹.

Разграничиваются по юридической силе также общесоюзные уголовные законы и уголовные законы союзных республик. Констатируется бесспорное положение о том, что уголовные законы союзной республики не могут противоречить общесоюзным уголовным законам, а при расхождениях в содержании уголовных законов союзных республик и общесоюзных законов действуют общесоюзные законы (ст. 20 Конституции СССР).

³⁰ Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 19, 21; 1962, № 14.

³¹ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 26—28.

На этом в теории уголовного права исчерпывается анализ различной юридической силы уголовных законов.

Таким образом, упускается из виду вопрос о различной юридической силе отдельных категорий общесоюзных уголовных законов, хотя необходимость в такой классификации уголовных законов по их юридической силе вытекает из ст. 2 Основ уголовного законодательства, в которой говорится, что Основы определяют общие принципы и устанавливают общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы уголовного законодательства являются основополагающим общесоюзным законом по характеру и значимости содержащихся в нем уголовноправовых норм, поэтому ему должны соответствовать все прочие уголовные законы не только республиканские, но и обесоюзные.

Мы полагаем, что только недооценка значения Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик как основополагающего закона, как закона более высокой категории по сравнению со всеми прочими законами привела некоторых авторов к неправильному толкованию ст. 6 Основ уголовного законодательства.

В ч. 2 ст. 6 Основ уголовного законодательства записано, что закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу, т. е. распространяется также на деяния, совершенные до издания этого закона. Никаких исключений по этому поводу Основы уголовного законодательства не содержат, а потому, как мы полагаем, таких исключений нет и быть не может. Нам представляется, что, без соответствующего изменения Основ уголовного законодательства, ни один уголовный закон, устраняющий наказуемость деяния или смягчающий наказание, не может быть лишен обратной силы. В противном случае Основы теряют специфику основополагающего закона. Нельзя также согласиться с мнением некоторых авторов о том, что при наличии соответствующего специального указания в самом законе уголовному закону, устраняющему или смягчающему наказуемость, обратная сила не придается³².

В качестве примера такого закона, на основании которого уголовному закону, смягчающему наказание, не придается обратная сила, приводится Закон СССР об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятый 25 декабря 1958 года³³, который не распространил более краткие максимальные сроки лишения сво-

³² См. Советское уголовное право. Часть общая. Госюриздат, М., 1962, стр. 55.

³³ Ведомости Верховного Совета СССР, 1959, № 1.

боды, установленные ст. 23 Основ, на лиц, осужденных до введения Основ в действие за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного и общественного имущества в крупных размерах и разбой.

Так же оценивается постановление Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 года «О неприменении к злым нарушителям режима в местах заключения смягчения мер наказания в связи с введением в действие нового уголовного кодекса РСФСР»³⁴.

Это постановление было принято в связи с представлением Президиума Верховного Совета РСФСР. Оно разрешало Президиуму Верховного Совета РСФСР предоставить право судам не применять смягчения мер наказания к лицам, осужденным к лишению свободы, которые в период отбывания наказания не встали на путь исправления, а злобно нарушают режим или систематически уклоняются от работы, либо ведут паразитический образ жизни, если приговоры в отношении этих лиц вступили в силу до введения в действие Уголовного кодекса РСФСР.

Исходя из этого постановления, некоторыми авторами делается вывод, что специальный нормативный акт может не придать более мягкому уголовному закону обратную силу, хотя этого требует ч. 2 ст. 6 Основ уголовного законодательства.

В этом последнем случае признается, что постановлением Президиума Верховного Совета СССР (даже не законодательным указом) могут быть предусмотрены изъятия из Основ уголовного законодательства³⁵.

Нам представляется, что ни Закон об утверждении Основ уголовного законодательства, ни тем более постановление Президиума Верховного Совета Союза ССР от 21 июня 1961 года не предусматривают никаких изъятий из положений ст. 6 Основ уголовного законодательства, а регулируют самостоятельный вопрос о применении более мягкого уголовного закона в отношении лиц, приговор о которых вступил в законную силу³⁶.

Мы полагаем, что невозможно совместить тезис о том, что «уголовный закон является единственным источником уголовного права» с признанием того, что постановление Президиума

³⁴ Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 26.

³⁵ См. Советское уголовное право. Часть общая. Госюриздат, М., 1962, стр. 56.

³⁶ См. подробнее М. И. Блум. Вопросы действия советского уголовного закона во времени. — Ученые записки Латвийского государственного университета, т. 44, вып. 4, Рига, 1962, стр. 37 и след.

днума Верховного Совета СССР может предусмотреть изъятие из положений Основ уголовного законодательства³⁷.

Некоторые авторы признают возможность придания обратной силы и новому более суровому уголовному закону, несмотря на то, что в ч. 3 ст. 6 Основ содержится прямое указание на то, что закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание, обратной силы не имеет³⁸.

Н. Д. Дурманов признает возможность придания обратной силы более суровому уголовному закону, только если на это указано в самом новом законе или в другом специальном нормативном акте³⁹.

Признание того, что любым уголовным законом или даже иным нормативным актом можно предусмотреть изъятие из положений Основ об обратной силе более мягких законов, сводит на нет это принципиальное положение советского уголовного законодательства, вытекающее из заложенных в советском уголовном законодательстве принципов социалистического гуманизма.

Нам представляется, что признание Основ уголовного законодательства основополагающим законом несовместимо с утверждением о том, что любой закон и даже подзаконный акт может содержать изъятия из положений Основ, противоречащие по существу положениям самих Основ.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик справедливо названы Председателем Верховного Суда СССР А. Ф. Горкиным законами «большой государственной важности»⁴⁰, а Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко охарактеризовал их как государственный акт «большого политического значения», целью которого является «дальнейшее укрепление социалистической законности, а значит, и мощи Советского государства»⁴¹. Р. А. Руденко в своем выступлении на научной сессии ВИЮН, посвященной новому общесоюзному законодательству в области уголовного права, судостроительства и судопроизводства, подчеркнул, что «эти за-

³⁷ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 42; 276—277; Советское уголовное право. Часть общая. Госюриздат, М., 1962, стр. 56.

³⁸ Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Госюриздат, М., 1960, стр. 24.

³⁹ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 267.

⁴⁰ Важный этап в развитии советского права. — Труды научной сессии ВИЮН. М., 1960, стр. 121; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1954, № 1, стр. 1.

⁴¹ Там же, стр. 3.

коны содержат действительно руководящие начала в той области, к которой каждый из них относится»⁴².

Как известно, принятию Основ уголовного законодательства предшествовало длительное обсуждение проектов, которые по решению Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР были опубликованы в журнале «Советы депутатов трудящихся», а также в юридических журналах для предварительного обсуждения.

Только после тщательного обсуждения с учетом замечаний и предложений, поступивших от трудящихся, юридических ведомств, советских и партийных органов Основы уголовного законодательства Комиссией законодательных предположений были внесены на рассмотрение и утверждение Верховного Совета СССР.

Широкое обсуждение Основ уголовного законодательства способствовало их совершенствованию. Это обстоятельство также должно быть учтено при решении вопроса о том, каким нормативным актом могут быть внесены дополнения и изменения в Основы уголовного законодательства.

Следует учесть, что авторитет уголовного закона, в особенности авторитет и незыблемость такого уголовного закона, как Основы уголовного законодательства, является немаловажным фактором в борьбе за соблюдение и укрепление законности. Поэтому совершенно справедливо следует признать высказанное в литературе предложение о том, что изменение Основ должно происходить только на сессиях Верховного Совета СССР. Это гарантировало бы большую стабильность Основ и соответствие им текущего законодательства⁴³.

5. Многие авторы источником советского уголовного права считают не только закон и «законодательный указ», но и другие нормативные акты. Так, И. И. Солодкин утверждает, что Совет Министров СССР и Советы Министров союзных республик в соответствии с уже действующими уголовными законами и в их развитие могут издавать постановления, содержащие уголовноправовые нормы⁴⁴.

М. Д. Шаргородский также считает, что в советском уголовном праве уголовный закон (закон, изданный Верховным Советом СССР, а также Указ Президиума Верховного Совета

⁴² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1956, № 1, 5.

⁴³ См. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 76—77; И. Н. Кузнецов. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 120.

⁴⁴ См. Советское уголовное право. Частная. ЛГУ, Л., 1960, стр. 145.

СССР, в последующем утверждаемый Верховным Советом СССР) является только основным источником. Он признает, что нормы уголовного права, кроме закона, содержатся и в подзаконных актах, издаваемых органами государственной власти и органами управления, имеющих «иногда прямое, иногда косвенное отношение к вопросам уголовного права»⁴⁵.

М. Д. Шаргородский, хотя и утверждает, что уголовная ответственность устанавливается только законом или указом, все же признает, что может иметь место установление уголовных санкций и постановлением Совета Министров, но лишь в пределах бланкетных санкций, установленных уголовным законом, а также путем ссылки на положения уголовного законодательства или путем введения в постановление общей фразы об уголовной ответственности по действующим законам⁴⁶.

Для уяснения содержания многих уголовноправовых норм действительно приходится обращаться к анализу не только уголовных законов, но и иного нормативного материала (постановлений и распоряжений Совета Министров СССР, Советов Министров союзных республик, приказов и инструкций председателей государственных комитетов и министров СССР, а также союзных республик, решений и распоряжений местных Советов депутатов трудящихся).

Так, например, уголовноправовые нормы, содержащиеся в статьях 105-III УК Латвийской ССР, запрещающие причинение различной тяжести телесных повреждений, могут быть поняты только в результате анализа Правил по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденных Министром здравоохранения Латвийской ССР. Раскрыть содержание уголовноправовой нормы о незаконном производстве аборта можно не только путем анализа ст. 113 УК Латвийской ССР, но и путем анализа Инструкции Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности.

Уяснение уголовноправовой нормы, содержащейся в ст. 116 УК Латвийской ССР, требует анализа Положения о правах и обязанностях медицинской сестры и Положения о правах и обязанностях акушерок, утвержденных Министерством здравоохранения СССР.

Содержание уголовноправовой нормы, предусмотренной ст. 83 УК Латвийской ССР, может быть раскрыто путем дополнительного анализа постановления ЦИК и СНК СССР от

⁴⁵ М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. Юриздат, М., 1948, стр. 30.

⁴⁶ Там же, стр. 36.

7 января 1937 года «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте» и целого ряда последующих нормативных актов; содержание уголовноправовой нормы, предусмотренной в ст. 80 УК Латвийской ССР, может быть раскрыто путем анализа правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, изданных министерствами путей сообщения, морского флота, речного флота и Главным управлением гражданского воздушного флота, а содержание уголовноправовой нормы, предусмотренной в ст. 213 УК, — путем анализа «Правил движения по улицам и дорогам СССР», «Правил технической эксплуатации автотранспорта» и др.

Перечень уголовноправовых норм, содержание которых может быть полностью раскрыто только путем анализа (кроме статьи уголовного закона, в которой эти нормы отражены) дополнительного нормативного материала, на этом не исчерпывается. Достаточно сказать, что такими являются все уголовноправовые нормы, запрещающие нарушать существующие правила техники безопасности и другие правила производственно-технической дисциплины, правила хранения, учета, пересылки и использования различных веществ, нормы, запрещающие нарушать существующие ветеринарные правила, правила борьбы с болезнями и вредителями растений, правила производства взрывных работ, правила, регулирующие рыболовство, охоту и порубку леса, а также занятия любыми промыслами.

Значение подзаконных актов при применении уголовноправовых норм очень велико. Эти акты дают возможность раскрыть конкретное содержание уголовноправовых норм⁴⁷, но не могут быть признаны источниками уголовного права, потому что они не устанавливают, не изменяют и не отменяют уголовноправовых норм, а только детализируют содержание этих норм⁴⁸.

Однако следует учесть сказанное М. П. Карпушиным в отношении бланкетных диспозиций, содержащих ссылки на различные правила, нарушение которых составляет объективную сторону преступления. По его справедливому мнению, такие правила должны устанавливаться самим законодателем или другим органом по специальному указанию законодателя, либо в уголовном законе следует оговорить об ответствен-

⁴⁷ Н. Д. Дурманов совершенно справедливо указывает, что значение подзаконных актов не сводится только к толкованию уголовных законов, как это полагает А. С. Шляпочников, оно гораздо шире (Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 43).

⁴⁸ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 43.

ности за правила, установленные в ином порядке⁴⁹. «Несоблюдение этого требования, — указывает М. П. Карпушин, — может привести к тому, что уголовноправовая норма — акт высшего органа государственной власти — может превратиться в чистый бланк, пустую форму, содержание которой будут дополнять не законодатель, а другие органы и даже отдельные должностные лица, по своему усмотрению... В этом плане, под этим углом зрения следует вообще строго и вдумчиво проанализировать бланкетные диспозиции в советском уголовном праве»⁵⁰.

Совершенно справедливо указывает А. В. Мицкевич, что «нормативный акт является источником права не потому, что в нем изложено содержание правовых норм, а потому, что изданием данного акта официально закрепляется решение органа о создании правовых норм, об их изменении или отмене»⁵¹.

Введение в постановление Совета Министров общей фразы об уголовной ответственности также не создает новых уголовноправовых норм.

В качестве примера можно привести постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания»⁵², в котором указывалось, что «всякая попытка урезать общественные земли колхоза в пользу личного хозяйства колхозников, а равно всякое увеличение приусадебных участков сверх размеров, предусмотренных уставом сельскохозяйственной артели, будут рассматриваться как уголовное преступление, а виновные будут подлежать привлечению к суду». В постановлении было указано, что под суд будут отданы должностные лица, допускающие разбазаривание общественных колхозных земель и увеличение размеров приусадебных участков колхозников сверх предусмотренных Уставом норм, а также председатели колхозов, допускающие сдачу сенокосов на колхозных полях и лугах, а также в лесах под индивидуальные сенокосы колхозников и прочих лиц.

Данное постановление только ориентирует судебно-прокурорских работников на более активную борьбу с разбазариванием земель колхозов на основании действующего законодательства, не создавая новых правовых норм, а потому не мо-

⁴⁹ См. М. П. Карпушин. О соотношении общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. — Советское государство и право, 1965, № 4, стр. 69—70.

⁵⁰ Там же, стр. 70.

⁵¹ Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 138.

⁵² «Известия» от 28 мая 1939 г., № 122.

жет рассматриваться в качестве самостоятельного источника уголовного права.

Аналогичным по характеру и значимости является постановление Совета Министров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 19 сентября 1946 года⁵³ «О мерах ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

В этом постановлении осуждались нарушения Устава сельскохозяйственной артели: неправильное расходование трудодней, расхищение общественных земель колхозов, растаскивание колхозной собственности, злоупотребления со стороны районных и других партийных и советских работников, нарушение демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели.

Эти нарушения квалифицировались как извращение политики партии и правительства в колхозном строительстве, поэтому в постановлении указывалось на необходимость привлечь виновных «к судебной ответственности как уголовных преступников».

Данным постановлением запрещалось «под страхом уголовной ответственности районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб, продукты, деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований, финансирования районных строителств». Это постановление имело большое значение в укреплении колхозного строя и развитии демократии в колхозах, однако и оно не устанавливало новых уголовных норм. В постановлении говорилось о привлечении к ответственности должностных лиц и членов колхозов за совершенные ими преступления в соответствии с действовавшим в то время уголовным законодательством.

Нельзя согласиться поэтому с мнением М. Д. Шаргородского о том, что ссылки в подзаконных актах на положения уголовного законодательства могут быть расценены как источники уголовного права.

Таким образом мы приходим к выводу, что все подзаконные акты, за исключением законодательных указов, которые являются подзаконными актами *sui generis*, не могут быть признаны источником советского уголовного права.

6. В юридической литературе существуют различные точки зрения по вопросу о признании за актами легального толкования законов функции правотворчества. Некоторые юристы

⁵³ См. «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» от 20 сентября 1946 г., № 222.

признают их актами правотворчества⁵⁴. Однако в последнее время в литературе по общей теории советского права⁵⁵, как в литературе по советскому уголовному праву⁵⁶, акты легального толкования относятся к актам нормативного толкования законов, назначение которых, в отличие от источников права, не устанавливать, изменять или отменять правовые нормы, а официально разъяснять содержащиеся в толкуемом источнике права правовые нормы.

К актам нормативного толкования справедливо относят акты, имеющие обязательную силу, издаваемые уполномоченными на то органами государственной власти.

Как известно, согласно ст. 49 Конституции СССР, толкование действующего общесоюзного законодательства дает Президиум Верховного Совета СССР. Конституциями союзных республик право толкования республиканского законодательства предоставлено Президиумам Верховных советов союзных республик.

Совершенно справедливым является указание А. С. Шляпочникова, что ни одно толкование закона не создает новых норм и не является нормотворчеством, что поэтому новых норм не создает и легальное (в том числе и аутентическое) толкование закона⁵⁷.

Такого же мнения придерживается П. Е. Недбайло, который указывает, что «в отличие от нормотворческих актов, акты толкования не содержат и не устанавливают новых правовых норм, т. е. не являются источниками права даже в тех случаях, когда они имеют общеобязательное значение»⁵⁸.

В качестве примера акта нормативного разъяснения может служить постановление Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1964 года «О применении статьи 44 Основ уголовного законодательства», в котором указано, что «если лицо отбывает наказание за совершение двух и более преступлений, при осуждении за одно из которых условно-досрочное освобождение или замена неотбытой части наказания более

⁵⁴ См. И. Н. Кузнецов. К вопросу о юридической природе указа Президиума Верховного Совета СССР и его соотношение с законом. В сб. Вопросы советского государственного права. Изд-во АН СССР, 1959, стр. 237—240.

⁵⁵ См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 139.

⁵⁶ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюр-издат, М., 1960, стр. 24.

⁵⁷ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюр-издат, М., 1960, стр. 141.

⁵⁸ П. Е. Недбайло. О толковании советских законов. — Доповиди та повідомлення Львівського державного університету. Львів, 1957, стр. 182.

мягким наказанием могут быть применены после фактического отбытия не менее двух третей назначенного срока наказания, а за другое — по отбытии не менее половины назначенного срока наказания, к такому лицу условно-досрочное освобождение или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием могут быть применены по отбытии не менее двух третей срока наказания, назначенного по совокупности преступлений по нескольким приговором⁵⁹. Это постановление является нормативным разъяснением действующего закона (ст. 44 Основ уголовного законодательства).

Оно не может рассматриваться как издание новой нормы, ибо его назначение «обеспечение единообразного применения и понимания толкуемого закона, устранение при помощи толкования различного понимания закона в судебной практике»⁶⁰.

Актом нормативного разъяснения является также постановление Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 24 июня 1966 года «О применении статьи 137 Уголовного кодекса Латвийской ССР»⁶¹. Этим постановлением Президиум Верховного Совета Латвийской ССР разъяснил, что следует понимать под нарушением правил об отделении церкви от государства и школы от церкви, влекущим уголовную ответственность по статье 137 Уголовного кодекса Латвийской ССР.

Непризнание за актами нормативного толкования нормотворческой функции — качества источников права — имеет большое практическое значение. Так, например, упомянутое выше постановление Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1964 года «О применении статьи 44 Основ уголовного законодательства» как акт легального толкования имеет обратную силу именно потому, что им не установлена новая уголовная норма.

Однако неправильным является также признание нормативного акта, установившего новую уголовноправовую норму, актом нормативного толкования уголовного закона (что нередко имеет место). Так, например, ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 29 октября 1964 года «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)»⁶² установила, что побег из лечебно-трудового профилактория или с пути следования в

⁵⁹ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1964, № 18.

⁶⁰ А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат. М., 1960, стр. 142.

⁶¹ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1966, № 27.

⁶² Там же, 1964, № 44.

профилакторий наказывался в соответствии со ст. 180 УК Латвийской ССР. Однако в этой статье ничего не говорится о профилактории. Статья предусматривает уголовную ответственность только за побег с места ссылки или с пути следования в ссылку. Таким образом, указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР установлена новая уголовноправовая норма. Ее следовало включить в Уголовный кодекс Латвийской ССР, дополнив соответствующим образом ст. 180. Однако этого сделано не было. Ст. 6 данного указа применяется самостоятельно, хотя в соответствии со ст. 2 Основ уголовного законодательства и ст. 2 УК Латвийской ССР республиканское уголовное законодательство составляет только УК Латвийской ССР. Ст. 6 указа от 29 октября 1964 года, как видно, расценена только как акт нормативного толкования ст. 180 УК Латвийской ССР, для чего не было никаких оснований.

Следует признать, что правильно поступила Молдавская ССР, дополнив соответствующую статью УК Молдавской ССР (ст. 201) указанием на то, что уголовно наказуемым деянием является (наряду с побегом с места ссылки) также побег из лечебно-трудового профилактория.

А. В. Мицкевич правильно раскрыл юридическую природу указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР и Президиумов Верховных Советов союзных республик, дающих нормативное толкование закона, признав их актами надзорного характера, актами верховного контроля за правоприменительной деятельностью судов⁶³.

Таким образом, акты нормативного толкования уголовных законов не могут рассматриваться в качестве самостоятельных источников уголовного права. Из этого, однако, следует, что толкование законов не должно выходить за его пределы и превращаться в правотворчество.

7. К актам нормативного разъяснения действующего законодательства многими авторами относятся также и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и пленумов верховных судов союзных республик⁶⁴. Однако следует отметить, что вопрос о юридической природе руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда СССР в уголовно-правовой литературе в течение длительного времени был весьма спорным. Спорным он был и в литературе по общей теории права.

⁶³ См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 143—144.

⁶⁴ См. там же, стр. 139; А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 143—144.

М. М. Исаев причислял руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР к источникам уголовного права⁶⁵. Такого же мнения придерживались М. Д. Шаргородский⁶⁶ и В. И. Каминская⁶⁷.

В ранее действовавшем законодательстве — в ст. 75 Закона от 16 августа 1938 года «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» было установлено, что Пленум Верховного Суда СССР дает руководящие указания на основе обобщения судебной практики. Нам представляется, что такая формулировка не давала основания для вывода о том, что Пленум Верховного Суда СССР наделен правом заниматься нормотворчеством. Однако многие авторы пришли к такому выводу. Так, М. Д. Шаргородский в свое время писал, что Закон о судостроительстве СССР и союзных республик устанавливает, что Пленум Верховного Суда СССР дает руководящие указания по вопросам судебной практики (ст. 75), а значит, они являются источником права⁶⁸.

М. Д. Шаргородский исходил из того, что, поскольку руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР (не по конкретным делам, а по общим вопросам) даются судам по вопросу о квалификации конкретных деяний по определенным статьям Уголовного кодекса, имеют для судов обязательное значение, то они являются источником права⁶⁹.

В ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР, утвержденном Законом от 12 февраля 1957 года, установлено, что Пленум Верховного Суда СССР рассматривает материалы обобщения судебной практики и судебной статистики и дает руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел⁷⁰, поэтому нет никакого основания утверждать, что руководящие разъяснения Пленума являются источником советского уголовного права. Большинство авторов и не причисляют руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР к источникам советского уголовного права, указывая на то, что Пленуму

⁶⁵ См. М. М. Исаев. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. Юриздат, М., 1948, стр. 31.

⁶⁶ М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. Юриздат, М., 1948, стр. 42; М. Д. Шаргородский. Вопросы общей части уголовного права. ЛГУ, Л., 1958, стр. 5.

⁶⁷ В. И. Каминская. Роль Верховного Суда СССР в развитии советского социалистического права. — Советское государство и право, 1948, № 6, стр. 43.

⁶⁸ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. Юриздат, М., 1948, стр. 42.

⁶⁹ Там же, стр. 41—42.

⁷⁰ Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 4.

Верховного Суда СССР не дано право вносить новые положения в законодательство⁷¹.

Нам представляется, что следует согласиться с И. Б. Новицким⁷², Т. Н. Добровольской⁷³ и А. В. Мицкевичем⁷⁴ и рассматривать руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, как и руководящие разъяснения Пленумов Верховных судов союзных республик, как акты судебного надзора, решительно отвергнув признание их актами правотворчества.

А. С. Шляпочников рассматривает руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР как важнейшую форму легального толкования советских уголовных законов, потому что они даются не в порядке осуществления советского правосудия, а «для обеспечения его надлежащего качества, для предотвращения имеющих место колебаний при применении того или иного уголовного закона», потому что они обязательны для органов советского правосудия. Он предостерегает от возможного превращения разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в акты нормотворчества⁷⁵.

С этих позиций и следует критически подходить к изданию разъяснений Пленумом Верховного Суда СССР и таких же разъяснений Пленумами Верховных судов союзных республик с тем, чтобы предотвратить нормотворчество со стороны этих органов. Как известно, отдельные подобные случаи имели место в практике деятельности Пленума Верховного Суда СССР прежних лет.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 22 августа 1947 года «О порядке применения судами указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.» дал перечень законов, не подлежащих применению в связи с принятием указов от 4 июня 1947 года, хотя отмена действующих уголовных законов, содержащих уголовноправовые нормы, составляет нормотворческую деятельность, отне-

⁷¹ См. А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 31, 34; И. С. Тишкевич. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источников права? — Советское государство и право, 1955, № 6, стр. 30; П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 354—359; Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон, МГУ, М., 1967, стр. 44—46.

⁷² См. И. Б. Новицкий. Источники советского гражданского права. Госюриздат, М., 1959, стр. 140.

⁷³ Т. Н. Добровольская. Верховный Суд СССР. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 68.

⁷⁴ Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 142.

⁷⁵ А. С. Шляпочников. Толкование уголовного закона. Госюриздат, М., 1960, стр. 143—144.

сенную Конституцией СССР только к компетенции законодательного органа СССР⁷⁶.

В качестве примера такого же правотворчества можно привести постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 7 сентября 1961 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности», которым разъяснялось судам, что реализацию заведомо похищенных ценностей следует рассматривать как соучастие и квалифицировать по ст. 17 и соответствующей статье УК РСФСР, предусматривающей ответственность за хищение государственного и общественного имущества⁷⁷.

Как следует из мотивирующей части этого постановления, такое разъяснение давалось нижестоящим судам в связи с тем, что некоторые суды не признавали соучастниками хищений лиц, участвовавших в реализации предметов, заведомо добытых преступным путем, и прекращали производство по таким делам.

В качестве примера в упомянутом постановлении Пленума приводится прекращенное Октябрьским районным народным судом г. Архангельска дело в отношении Пахомова и Котолына, которые приняли участие в сокрытии и реализации похищенных из магазина товаров на сумму 685 рублей⁷⁸.

Однако следует иметь в виду, что принятый 27 октября 1960 года и введенный в действие с 1 января 1961 года УК РСФСР не предусматривал уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство хищения государственного или общественного имущества, если оно не было совершено особо опасным рецидивистом или в крупных размерах (ст. 189 УК РСФСР, 1960). Не была предусмотрена также и уголовная ответственность за реализацию имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208 УК РСФСР в редакции 1960 г. предусматривала уголовную ответственность только за **приобретение** имущества, заведомо добытого преступным путем). Поэтому суды прекращали производство по этим делам за отсутствием состава преступления в действиях виновных.

Этот пробел в действовавшем в то время уголовном законодательстве РСФСР Пленум Верховного суда РСФСР, как видно, и пытался восполнить своим постановлением от 7 сентября 1961 г. Приходя к выводу, что прекращение производств уголовных дел в отношении лиц, участвующих в

⁷⁶ См. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1957. М., 1958, стр. 16.

⁷⁷ См. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1961, № 3, стр. 7.

⁷⁸ Там же, стр. 6.

реализации предметов, заведомо добытых преступным путем, «ведет к серьезному ослаблению борьбы с хищениями социалистической собственности»⁷⁹, Пленум Верховного суда РСФСР счел необходимым «дополнить» уголовный закон (ст. 17 Основ уголовного законодательства ст. 17 УК РСФСР) и признать соучастниками в хищении не только лиц, заранее обещавших сокрыть преступление или реализовать похищенное социалистическое имущество, но и заранее не обещавших совершить такие действия.

Это постановление Пленума Верховного суда РСФСР как несоответствующее постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» утратило свою силу⁸⁰, а затем было отменено постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 11 сентября 1962 года⁸¹.

Имевшие место пробелы в УК РСФСР 1960 года Законом РСФСР от 25 июля 1962 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» были восполнены: была предусмотрена уголовная ответственность за сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 208 УК РСФСР редакции 1962 г.) и за укрывательство хищения государственного или общественного имущества при отягчающих обстоятельствах (ст. 189 УК РСФСР в редакции 1962 г.)⁸².

За последние годы Пленумом Верховного Суда Союза ССР, как и пленумами Верховных судов союзных республик было принято большое количество постановлений, имеющих неопределимое значение для правильного применения советских уголовных законов, для правильной квалификации многих категорий преступлений, для правильного назначения наказания.

В руководящих разъяснениях Пленума вскрываются наиболее типичные ошибки судов при применении уголовных законов к лицам, совершившим преступления.

Очень много спорных вопросов толкования советского уголовного законодательства нашли разрешение в постановле-

⁷⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1961, № 3, стр. 6.

⁸⁰ См. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963. М., 1964, стр. 302—305.

⁸¹ Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961—1963, «Юридическая литература», М., 1964, стр. 26.

⁸² См. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1962, № 29.

ниях Пленума Верховного Суда СССР только за послевоенный период.

Однако, как нам представляется, в руководящих разъяснениях по применению уголовных законов к отдельным категориям преступлений наряду с толкованием законов содержатся также и некоторые элементы правотворчества. Так, например, в пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 августа 1966 года «Об улучшении деятельности судебных органов по борьбе с преступностью» дается толкование ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 2 и 3 ст. 9 Указа от 26 июля 1966 года. В этом пункте постановления разъясняется судам, что уголовной ответственности за совершенное злостное хулиганство, предусмотренное ч. 2 и 3 ст. 9 Указа от 26 июля 1966 года (ч. 2 и 3 ст. 204 УК Латвийской ССР) подлежат лица, которым исполнилось четырнадцать лет⁸³.

Это разъяснение не вызывает возражений по существу. Поскольку в ст. 10 Основ уголовного законодательства установлено, что уголовной ответственности за совершенное злостное хулиганство подлежат лица, которым исполнилось четырнадцать лет, можно согласиться с тем, что за хулиганство, совершенное «с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений» должны подлежать уголовной ответственности лица, достигшие четырнадцатилетнего возраста. Однако нам представляется, что этот вопрос должен был быть решен в законодательном порядке. В законодательстве пятнадцати союзных республик в статье, определяющей ответственность несовершеннолетних, не только названы те преступления, за совершение которых несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати лет подлежат уголовной ответственности, но перечислены и те статьи или части статей, в которых описаны признаки названных преступлений.

Так, в ст. 10 УК РСФСР (редакция 1960 г.) указывалось, что лица, совершившие злостное хулиганство (ст. 206 ч. 2), подлежат уголовной ответственности в возрасте от четырнадцати лет. В ст. 10 УК Латвийской ССР (редакция 1961 г.) также называлось злостное хулиганство как преступление, за которое уголовная ответственность установлена с четырнадцати лет и делается ссылка на ч. 2 ст. 204 УК Латвийской ССР.

⁸³ См. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 5, стр. 18.

Для того, чтобы союзные республики имели право привлекать за хулиганство, предусмотренное ч. 3 ст. 206 УК РСФСР или ч. 3 ст. 204 УК Латвийской ССР, несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, совершивших такое преступление, необходимо внести соответствующее дополнение в эти статьи союзных республик. Однако своевременно это было сделано лишь некоторыми республиками.

Так, в УК РСФСР⁸⁴, УК Украинской ССР⁸⁵ и УК Белорусской ССР⁸⁶, были внесены соответствующие дополнения уже в августе 1966 года. В сентябре 1966 года были внесены соответствующие дополнения в УК Таджикской ССР⁸⁷ и в УК Туркменской ССР⁸⁸, а в октябре 1966 года — в УК Молдавской ССР⁸⁹, в УК Литовской ССР⁹⁰, в декабре 1966 года — в УК Эстонской ССР⁹¹.

В уголовные кодексы Армянской ССР⁹² и Латвийской

---

⁸⁴ См. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1966, № 32, ст. 769.

⁸⁵ См. Указ Президиума Совета Украинской ССР от 17 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Украинской ССР» 1966, № 32, ст. 195.

⁸⁶ См. Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 26 августа 1966 г. «О внесении дополнений и изменений в УК Белорусской ССР». — Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР, 1966, № 25, ст. 310.

⁸⁷ См. Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 29 сентября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Таджикской ССР». — Ведомости Совета Таджикской ССР, 1966, № 18, ст. 135.

⁸⁸ См. Указ Президиума Верховного Совета Туркменской ССР от 10 сентября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в УК Туркменской ССР». — Ведомости Верховного Совета и Правительства Туркменской ССР, № 17.

⁸⁹ См. Указ Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 12 октября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Молдавской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Молдавской ССР, 1966, № 10, ст. 135.

⁹⁰ См. Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 24 октября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Литовской ССР в связи с усилением ответственности за хулиганство». — Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской ССР, 1966, № 30.

⁹¹ См. Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 24 декабря 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Эстонской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Эстонской ССР, 1966, № 57, ст. 425.

⁹² См. Указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР, от 29 июля 1967 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Армянской ССР». — Ведомости Верховного Совета Армянской ССР, 1967, № 14.

ССР⁹³ соответствующие изменения в ст. 10 были внесены только в июле 1967 года.

Если бы в самом указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство» был решен вопрос о возрасте несовершеннолетних, достижение которого дает право привлекать их к уголовной ответственности за совершенное хулиганство с применением оружия или других предметов, специально приспособленных для нападения, союзные республики обязаны были бы внести **своевременно** необходимые дополнения в республиканские уголовные кодексы.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР не может заменить законодательной регламентации вопроса — необходимости внесения изменений в уголовное законодательство союзных республик.

Нам представляется, что вопрос о возрасте лица, подлежащего уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (ст. 210 УК Латвийской ССР), также должен быть установлен в законодательном порядке, а не путем разъяснения Пленумом Верховного Суда СССР, как это сделано в пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», установившем, что за вовлечение несовершеннолетних в преступления могут быть привлечены к ответственности только совершеннолетние⁹⁴.

Решение вопроса о возрасте субъекта преступления, предусмотренного ст. 210 УК Латвийской ССР, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР не вызывает по существу возражений, однако этот вопрос должен быть решен в законодательном порядке, потому что ст. 10 Основ уголовного законодательства, как и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик, не дают оснований для такого толкования.

В ст. 210 УК Латвийской ССР предусмотрен специальный субъект уголовной ответственности. Это должен быть непосредственно указано в самой уголовноправовой норме, содержащейся в ст. 210. Постановление Пленума Верховного Суда СССР не может восполнить закон.

Таким образом, мы приходим к выводу, что постановления

⁹³ См. Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 27 июля 1967 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Латвийской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1967, № 32.

⁹⁴ См. Сборник постановлений Верховного Суда СССР, 1924—1963. М., 1964, стр. 311.

Пленума Верховного Суда СССР, как и постановления Пленумов Верховных судов союзных республик, не являются источниками советского уголовного права, а только обязательным толкованием законов для всех нижестоящих судов и участников процесса.

* *

*

На основании изложенного следует признать, что источниками советского уголовного права являются уголовный закон и законодательный указ, имеющий силу закона, однако формой выражения основополагающих уголовноправовых норм должен быть признан только закон.

Мы полагаем, что на этом перечень источников советского уголовного права исчерпывается. Ни один другой подзаконный акт не может быть признан источником советского уголовного права.

М. БЛУМ

Доцент, канд. юрид. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕСОЮЗНОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Вопросы соотношения общесоюзного уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик заслуживают самого глубокого изучения.

Теоритически обоснованные предложения о более четком разграничении компетенций общесоюзного уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик должны способствовать развитию и совершенствованию как общесоюзного уголовного законодательства, так и уголовного законодательства союзных республик, укреплению законности и правопорядка в стране.

Разработке этих вопросов в теории советского уголовного права уделяется недостаточное внимание. Только в последнее время некоторые советские ученые стали заниматься изучением вопросов соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства¹, однако сделано в этой области еще явно недостаточно. Для того, чтобы более глубоко разобраться в этих вопросах, следует проследить, как исторически складывалось соотношение между общесоюзным и республиканским уголовным законодательством. Использование

¹ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 148—195; М. Н. Карпушин. О некоторых вопросах соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. — Советское государство и право, 1965, № 4, стр. 63—71; В. А. Кирич, К вопросу о соотношении общесоюзного и республиканского законодательства. — Советское государство и право, 1963, № 8, стр. 111—122.

исторического опыта правотворчества в области уголовного законодательства может облегчить решение многих вопросов соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства на данном этапе развития Советского государства.

1. До образования Союза ССР законодательные акты уголовно-правового характера издавались каждой советской социалистической республикой.

Впервые компетенция Союза ССР и компетенция союзных республик в области уголовного законодательства были установлены Конституцией СССР 1924 года, которая отнесла к ведению Союза ССР «установление основ... уголовного законодательства Союза ССР» (пункт «п» ст. 1) и «право амнистии, распространяемое на всю территорию Союза ССР» (пункт «ц» ст. 1)².

В соответствии с этими положениями Конституции СССР на второй сессии ЦИК СССР II созыва была уточнена компетенция Союза ССР в области уголовного законодательства³. На этой сессии 31 октября 1924 года были приняты «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», которые к ведению Союза ССР отнесли издание общих начал уголовного законодательства и установление отдельных видов государственных и воинских преступлений и порядка применения к ним мер наказания. Упомянутое положение вытекало из Введения и ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Установление всех прочих преступлений и наказания за них было отнесено ст. 3 Основных начал к компетенции уголовного законодательства союзных республик.

Кроме того, Президиуму ЦИК СССР предоставлялось «право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики»⁴.

В этом направлении развивалось общесоюзное уголовное законодательство и уголовное законодательство союзных республик.

В 1927 году ст. 3 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик, разграничивавшая ком-

² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Официальное издание ЦИК Союза ССР. М., 1924.

³ Подробнее о дебатах в связи с толкованием конституционного понятия «основы уголовного законодательства Союза ССР». см. в работе Н. Д. Дурманова «Советский уголовный закон». М., 1967, стр. 152—154.

⁴ Постановление ЦИК СССР 31 от октября 1924 г. СЗ СССР, 1924, № 24.

петенцию Союза ССР и союзных республик в области уголовного законодательства, была несколько изменена. В новой реакции ст. 3 Основных начал гласила: «Отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер социальной защиты определяются уголовными законами союзных республик, причем разделы о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлений против порядка управления) и воинских подлежат включению в уголовные кодексы союзных республик в тексте положений, издаваемых ЦИК Союза ССР. Президиуму ЦИК Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики, со внесением на утверждение сессии ЦИК Союза ССР»⁵.

В дальнейшем общесоюзным законодательством вносились дополнения и изменения в Основные начала уголовного законодательства.

В 1927 году были приняты Положения о государственных и воинских преступлениях⁶, которые со временем дополнялись и изменялись.

В соответствии с указаниями Основных начал уголовного законодательства в союзных республиках разрабатывались и принимались новые уголовные кодексы. Уголовный кодекс РСФСР был принят второй сессией ВЦИК XII созыва 22 ноября 1926 года и введен в действие с 1 января 1927 года⁷.

В течение 1926—1928 годов были изданы новые уголовные кодексы во всех союзных республиках⁸. Новые союзные республики издавали свои уголовные кодексы⁹ или же временно

---

⁵ Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. «Об изменении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик». СЗ СССР, 1927, № 12.

⁶ См. Постановление ЦИК СССР от 25 февраля 1927 г. СЗ СССР, 1927, № 12 и Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1927 г., СЗ СССР, 1927, № 50.

⁷ См. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года». СУ, 1926, № 80, ст. 600.

⁸ УК УССР, СУ УССР, 1927, № 58—59; УК БССР, СЗ БССР, 1928, № 30, ст. 287; УК Грузинской ССР, СУ, 1928, № 4, ст. 34; УК Азербайджанской ССР, введен в действие постановлением ЦИК и СНК Азербайджанской ССР 3 декабря 1927 г.; УК Армянской ССР, СЗ и распоряжений, 1927, № 14, ст. 74—75; УК Туркменской ССР, утвержден второй сессией ЦИК Туркменской ССР 28 сентября 1927 г.

⁹ УК Таджикской ССР, введен в действие постановлением второй сессии ЦИК Таджикской ССР 20 августа 1935 г.

распространяли на свои территории действие УК РСФСР или УК УССР¹⁰.

В уголовные кодексы союзных республик были включены все положения Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, однако это вовсе не означало, что все вопросы Общей части уголовных кодексов регламентировались общесоюзным законодательством.

Основные начала предоставили уголовным кодексам союзных республик право решать самостоятельно целый ряд вопросов. Так, уголовные кодексы союзных республик самостоятельно установили возраст несовершеннолетних, по достижении которого за совершение общественно опасного деяния возможно привлечение к уголовной ответственности.

УК РСФСР 1926 года в первые годы своего действия совершенно исключил уголовную ответственность несовершеннолетних до 14 лет, а постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 года было запрещено применять меры уголовного наказания к несовершеннолетним в возрасте до 16 лет¹¹.

Основные начала не давали определения понятий соучастия и отдельных соучастников, предоставляя тем самым эти вопросы решать уголовным кодексам союзных республик.

Основные начала не решили вопроса об ответственности за прикосновенность к преступлению. Это было сделано уголовным законодательством союзных республик.

Перечень мер наказания, установленный в Основных началах, также не являлся исчерпывающим. Союзным республикам принадлежало право устанавливать и иные меры наказания в соответствии с основными началами и общими принципами уголовного законодательства Союза ССР.

В целях проведения определенной линии единой судебной политики по борьбе с некоторыми категориями преступлений постановления ЦИК и СНК СССР в соответствии со ст. 3 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик давали указания союзным республикам о внесении соответствующих изменений и дополнений в республиканское законодательство. Этим правом ЦИК СССР пользовался весьма широко, таким образом укрепляя единство уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и систематически направляя развитие уголовного законодательства союзных республик.

¹⁰ На территориях Казахской и Киргизской союзных республик с 1936 года, а на территориях Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик — с 1940 г. действовал УК РСФСР 1926 г., на территории Молдавской ССР действовал с 1940 г. УК УССР 1927 г.

¹¹ СУ РСФСР, 1929, № 82.

Так, например, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1927 года «О ростовщичестве»¹² предлагалось центральным исполнительным комитетам союзных республик установить в качестве признака преследуемого в уголовном порядке ростовщичества — взимание процентов по займу свыше предельной нормы, причем давалось указание признать ростовщичество квалифицированным, если оно производилось в виде промысла либо с использованием стесненного положения заемщика.

В соответствии с этим постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1928 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР было внесено изменение в ст. 173 УК РСФСР 1926 года¹³.

27 декабря 1927 года в постановлении ЦИК и СНК СССР «О мерах к усилению борьбы с самогонварением» предлагалось центральным исполнительным комитетам союзных республик установить в числе мер наказания за преследуемые в уголовном порядке изготовление, хранение и сбыт самогона, штраф до 500 руб.¹⁴

На этом основании 16 января 1928 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР были внесены соответствующие изменения в ст. 102 и 103 УК РСФСР, 1926 года¹⁵.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 года «Об уголовной ответственности за выпуск недоброкачественной продукции и за несоблюдение стандартов» предлагалось центральным исполнительным комитетам союзных республик предусмотреть в уголовных кодексах за массовый и систематический выпуск промышленными и торговыми предприятиями недоброкачественных изделий лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до одного года; за несоблюдение обязательных стандартов — лишение свободы сроком до двух лет или принудительные работы на срок до одного года¹⁶.

В соответствии с этим постановлением ЦИК и СНК СССР постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1931 года был дополнен УК РСФСР статьями 128а и 128б, которые предусматривали уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции¹⁷. Аналогичные дополнения вносились в уголовные кодексы всех прочих союзных республик.

В последующие годы вплоть до принятия новой Конституции СССР ЦИК и СНК СССР было принято большое коли-

¹² СЗ СССР, 1927, № 48.

¹³ СУ РСФСР, 1928, № 38.

¹⁴ СЗ СССР, 1928, № 2.

¹⁵ СУ РСФСР, 1928, № 10.

¹⁶ СЗ СССР, 1930, № 2.

¹⁷ СУ РСФСР, 1931, № 15.

чество постановлений, в соответствии с которыми союзные республики вносили изменения и дополнения в республиканское уголовное законодательство.

Эти постановления предусматривали ответственность за хищнический убой скота¹⁸, за создание лжекооперативов и участие в них¹⁹, за поломку и порчу сельскохозяйственных машин²⁰, за заявку за границей изобретений²¹, за незаконный убой и хищническую эксплуатацию лошадей²², за выпуск недоброкачественной продукции²³, за мужеложство²⁴, за спекуляцию²⁵, за обворовывание потребителей²⁶, за посев опийного мака и индийской конопли²⁷, за злостное хулиганство и изготовление, хранение и сбыт холодного оружия²⁸, за переплавку и использование государственной разменной монеты²⁹, за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов³⁰, за нарушение производственно-технической дисциплины во взрывоопасных цехах³¹, за нарушение правил въезда и проживания в запретных зонах³², за изготовление, хранение, приобретение и сбыт сильнодействующих ядовитых веществ³³, за неза-

¹⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 г. (СЗ СССР, 1930, № 6) и постановление ЦИК и СНК СССР 1 ноября 1930 г. (СЗ СССР, 1930, № 57).

¹⁹ Постановление СНК СССР от 28 декабря 1928 г. (СЗ СССР, 1929, № 3), и постановление СНК СССР от 23 ноября 1930 г. (СЗ СССР, 1930, № 57).

²⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 февраля 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 9).

²¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 9 апреля 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 21).

²² Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 декабря 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 71).

²³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 8 декабря 1933 г. (СЗ СССР, 1933, № 73).

²⁴ Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 декабря 1933 г. (СЗ СССР, 1934, № 1) и постановление ЦИК СССР от 7 марта 1934 г. (СЗ СССР, 1934, № 15).

²⁵ Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. (СЗ СССР, 1932, № 65).

²⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июля 1934 г. (СЗ СССР, 1934, № 41).

²⁷ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 октября 1934 г. (СЗ СССР, 1934, № 56).

²⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 г. (СЗ СССР, 1935, № 18).

²⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. (СЗ СССР, 1935, № 19).

³⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. (СЗ СССР, 1935, № 30).

³¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. (СЗ СССР, 1935, № 38).

³² Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июля 1935 г. (СЗ СССР, 1935, № 45).

³³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1936 г. (СЗ СССР, 1936, № 18).

конное производство аборта³⁴, за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им зарплаты по мотивам беременности³⁵, за незаконный выезд за границу или въезд в СССР³⁶ и др.

Постановления ЦИК и СНК СССР вносили значительные изменения не только в Особенную, но и в Общую часть уголовных кодексов союзных республик. Большое принципиальное значение имело, например, постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних», установившее возраст, начиная с которого несовершеннолетние, участвующие в совершении перечисленных в постановлении преступлений могли привлекаться к уголовной ответственности³⁷.

Основные начала уголовного законодательства 1924 года, как уже было сказано, этот вопрос относили к компетенции союзных республик, а постановление 1935 года предложило союзным республикам привести республиканское уголовное законодательство в соответствие с этим постановлением.

Вносились дополнения в республиканское уголовное законодательство и в связи с дополнениями Положений о государственных и воинских преступлениях.

Дополнения в уголовные кодексы союзных республик вносились по указанию ЦИК и СНК СССР также в связи с признанием Союзом СССР международных конвенций. Так, постановлением ЦИК СССР от 5 марта 1926 года было предложено центральным исполнительным комитетам союзных республик дополнить уголовные кодексы республик специальными статьями, обусловленными Брюссельскими конвенциями 1910 года о столкновении судов и об оказании помощи и спасении на море и Парижской конвенцией об охране подводных телеграфных кабелей 1884 года³⁸.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1935 года предложило правительствам союзных республик дополнить уголовные кодексы статьей, предусматривающей ответственность за изготовление, хранение и рекламирование порнографических

³⁴ Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. (СЗ СССР, 1936, № 34).

³⁵ Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. (СЗ СССР, 1936, № 51).

³⁶ Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 октября 1936 г. (СЗ СССР, 1936, № 52).

³⁷ СЗ СССР, 1935, № 19.

³⁸ Постановление ЦИК СССР от 5 марта 1926 г. «О дополнении уголовных кодексов союзных республик статьями, вытекающими из признания имеющих силу для Союза ССР Брюссельских конвенций от 23 сентября 1910 г. о столкновении судов и оказании помощи и спасения на море» и Парижской конвенции от 14 марта 1884 г. «Об охране подводных телеграфных кабелей». СЗ СССР, 1926, № 22.

изданий и иных предметов в соответствии с признанными СССР международными конвенциями от 4 мая 1910 года и 12 сентября 1923 года³⁹.

Некоторые постановления ЦИК и СНК СССР не стремились добиться единообразного решения того или другого вопроса, а преследовали цель наметить общую линию борьбы с отдельными преступлениями. Так, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 февраля 1932 года «Об усилении борьбы с хищениями и пропажей почтовых отправлений» указывалось на необходимость усилить борьбу с хищениями и пропажей почтовых отправлений и предлагалось правительствам союзных республик установить более суровую ответственность за это преступление и обеспечить привлечение к уголовной ответственности всех, совершивших подобного рода преступления, и быстрое рассмотрение судами дел о таких преступлениях⁴⁰.

Следует отметить, что законодательство СССР часто давало союзным республикам указания о внесении того или другого дополнения в республиканские уголовные кодексы в *определенный срок*. Так, например, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1927 года «О мерах к усилению борьбы с самогоноварением» предлагается союзным республикам установить определенную уголовноправовую норму в *двухнедельный срок*⁴¹.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 года «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» было предложено союзным республикам дополнить уголовные кодексы соответствующей нормой *немедленно*⁴². Это указание и было выполнено в кратчайший срок. Так, 20 января 1930 года постановлением ВЦИК и СНК РСФСР УК РСФСР был дополнен в соответствии с этой статьей ст. 79^{1 43}.

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 г. «О мерах борьбы с хулиганством» было дано указание правительствам союзных республик внести соответствующие изменения в законодательство республики в *двухнедельный срок*⁴⁴.

Этот неполный перечень постановлений ЦИК и СНК СССР, которые предусматривали внесение дополнений в уго-

---

³⁹ СЗ СССР, 1935, № 56.

⁴⁰ Там же, 1932, № 9.

⁴¹ Там же, 1928, № 2.

⁴² Там же, 1930, № 6.

⁴³ СУ РСФСР, 1930, № 3.

⁴⁴ СЗ СССР, 1929, № 76.

ловные кодексы союзных республик, свидетельствует об огромной работе общесоюзного законодателя, направлявшего уголовное законодательство союзных республик.

ЦИК СССР были приняты и два самостоятельных уголовных закона, которые не предполагалось включить в уголовные кодексы союзных республик, — это Постановление Президиума ЦИК СССР 21 ноября 1929 года «Об объявлении вне закона должностных лиц — граждан Союза ССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР»⁴⁵ и Постановление ЦИК и СНК СССР 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности»⁴⁶. Эти постановления по существу предусматривали уголовную ответственность за государственные преступления, однако включены в Положение о государственных преступлениях не были. Кроме того, вносились изменения и дополнения в уголовные кодексы всех союзных республик по инициативе самих республик с учетом потребности судебной практики.

Таким образом, в период действия Конституции СССР 1924 года развивалось общесоюзное уголовное законодательство и уголовное законодательство союзных республик, составляя единую систему уголовного законодательства, причем необходимо отметить, что в результате направляющей деятельности ЦИК и СНК СССР по многим категориям преступлений были достигнуты единая линия развития уголовного законодательства союзных республик и единообразное понимание многих составов преступлений, но различия в уголовных законодательствах союзных республик по вопросам не только Особенной части, но и Общей были весьма значительными.

2. Конституция СССР 1936 года внесла существенные изменения в компетенцию Союза ССР в области уголовного законодательства. Конституцией было установлено, что к компетенции СССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления относится принятие уголовного кодекса.

В довоенный период началась разработка проекта УК СССР, которая продолжалась и в послевоенный период. Уголовные кодексы союзных республик оставались в силе, потому что уголовный кодекс СССР не был принят, но

⁴⁵ СЗ СССР, 1935, № 18.

⁴⁶ Там же, 1932, № 62.

правотворчество союзных республик в области уголовного законодательства прекратилось вплоть до 1957 года. Уголовное законодательство Союза ССР успешно развивалось как в довоенный, так и в послевоенный периоды. Общесоюзные уголовные законы, принятые в довоенный период, были в основном включены в действующие уголовные кодексы союзных республик. Они регламентировали ответственность за самовольное оставление предприятий и учреждений рабочими и служащими и за прогул без уважительной причины⁴⁷, за выпуск недоброкачественной продукции⁴⁸, за самовольный уход с работы трактористов и комбайнеров, работающих на машино-тракторных станциях⁴⁹, за нарушение правил воинского учета, за мелкие кражи на производстве и за хулиганство⁵⁰, за продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов⁵¹, за самовольный проезд в товарных поездах и самовольную остановку поезда стоп-краном⁵².

В этот период были внесены изменения и дополнения в Основные начала уголовного законодательства и Положения о государственных и воинских преступлениях.

Общесоюзные уголовные законы, принятые в период Отечественной войны, применялись непосредственно. Это было вполне закономерно, потому что они были рассчитаны только на условия военного времени.

В период Отечественной войны были приняты общесоюзные уголовные законы, предусматривавшие ответственность за распространение в военное время ложных слухов⁵³, за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности⁵⁴, за уклонение от мобилизации для работ на производстве и строительстве⁵⁵, за хищение горю-

⁴⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 20.

⁴⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 23.

⁴⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 25.

⁵⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1940 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1940, № 28.

⁵¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 8.

⁵² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1941 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 16.

⁵³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 32.

⁵⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1941, № 2.

⁵⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1942, № 6.

чего в МТС и совхозах⁵⁶, за необеспечение руководителями предприятий полной эвакуации рабочих, служащих и инженерно-технических работников⁵⁷, за незаконное награждение орденами и медалями СССР⁵⁸, за разглашение государственной тайны⁵⁹.

В послевоенный период было принято большое количество общесоюзных уголовных законов. Эти законы применялись в основном непосредственно. Соответствующие изменения и дополнения в уголовные кодексы не вносились. С принятием общесоюзных законов утрачивали силу соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик. Непосредственное применение общесоюзных уголовных законов было вполне закономерным, потому что дальнейшее развитие уголовного законодательства в союзных республиках не предполагалось.

Таким образом, в союзных республиках наряду с уголовными кодексами союзных республик, содержащими много ранее принятых общесоюзных уголовных законов, действовало большое количество непосредственно применяемых общесоюзных уголовных законов, которые предусматривали уголовную ответственность за различные преступления: за хищение государственного и общественного имущества⁶⁰, за некоторые преступления против личной собственности граждан⁶¹, за разглашение государственной тайны⁶², за

---

⁵⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1942, № 26.

⁵⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1942, № 38.

⁵⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1943, № 18.

⁵⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 ноября 1943 г. — Ведомости Верховного Совета СССР, 1943, № 49.

⁶⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 19; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г. «Об уголовной ответственности за мелкое хищение государственного и общественного имущества». — Уголовный кодекс РСФСР. Госюриздат, М., 1957, стр. 109.

⁶¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 19.

⁶² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 20.

изготовление и продажу самогона⁶³, за изнасилование⁶⁴, за поправу посевов в колхозах и совхозах⁶⁵, и др.

В послевоенный период общесоюзным уголовным законодательством был решен вопрос об отмене смертной казни⁶⁶ и установлены изъятия из этого закона⁶⁷, а также введено досрочное⁶⁸ и условно-досрочное⁶⁹ освобождение из мест заключения и др.

Таким образом, несмотря на отсутствие единого УК СССР, в уголовном законодательстве союзных республик различий становилось все меньше; в нем содержалось все больше одинаковых уголовноправовых норм. Положение Конституции СССР 1936 года об отнесении уголовного законодательства к исключительной компетенции Союза ССР было на практике реализовано, как мы видим, лишь частично в виде отдельных общесоюзных уголовных законодательных актов⁷⁰.

Однако расхождения в решении некоторых вопросов Общей части и в еще большей степени вопросов Особенной части в уголовных кодексах союзных республик сохранились, поскольку продолжали действовать принятые еще до 1936 года уголовные кодексы союзных республик.

3. В соответствии с решениями XX съезда КПСС о расширении прав союзных республик в области хозяйственного, культурного и государственного строительства, а также в

⁶³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1948 г. «Об уголовной ответственности за изготовление и продажу самогона». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1948, № 14.

⁶⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование». — Московский большевик, 1949, № 4.

⁶⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. «Об ответственности за поправу посевов в колхозах и совхозах». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1955, № 1.

⁶⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1947 г. «Об отмене смертной казни». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1947, № 17.

⁶⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1950, № 3 и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1954, № 11.

⁶⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет». — Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Госюриздат, М., 1957, стр. 31.

⁶⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения». — Уголовное законодательство СССР и союзных республик. Госюриздат, М., 1957, стр. 32.

⁷⁰ См. Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик, том 1. Госюриздат, М., 1963, стр. 4.

области законодательства Верховный Совет СССР 11 февраля 1957 года принял закон, в соответствии с которым принятие уголовного кодекса было отнесено к компетенции союзных республик⁷¹.

В соответствии с этим законом был изменен пункт «к» ст. 14 Конституции СССР. Было установлено, что ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти подлежит «установление основ законодательства о судеустройстве, основ гражданского и уголовного законодательства».

Соответственно были внесены изменения и в конституции союзных республик. Так, в Конституции Латвийской ССР записано, что к ведению Латвийской ССР в лице ее высших органов государственной власти и органов государственного управления подлежит «законодательство об устройстве судов Латвийской ССР и судопроизводстве, принятие гражданского и уголовного кодексов, законодательство о труде и законодательство о браке и семье (пункт «о» ст. 19). Такое раскрытие конституционного понятия основ уголовного законодательства является единственно правильным⁷².

Таким образом, уголовное законодательство было отнесено к совместной компетенции Союза ССР и союзных республик. Это положение еще более четко сформулировано в ст. 2 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятых 25 декабря 1958 года, в которой говорится: «Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик состоит из настоящих Основ, определяющих принципы и устанавливающих общие положения уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, общесоюзных законов, предусматривающих ответственность за отдельные преступления, и уголовных кодексов союзных республик. Общесоюзные уголовные законы определяют ответственность за государственные и воинские преступления, а в необходимых случаях также и за иные преступления, направленные против интересов Союза ССР»⁷³.

Мы полагаем, что Основы уголовного законодательства правильно раскрыли содержание пункта «х» ст. 14 Конституции СССР в том смысле, что утвердили за общесоюзным законодателем права принимать уголовные законы,

⁷¹ См. Закон «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов». — Ведомости Верховного Совета СССР, 1957, № 4.

⁷² См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 156—157.

⁷³ Ведомости Верховного Совета СССР, 1959, № 1.

устанавливающие уголовную ответственность за некоторые виды преступлений.

Следует согласиться с Н. Д. Дурмановым, что под понятием основ уголовного законодательства в Конституции СССР понимается не один определенный законодательный акт, а основные начала данной отрасли законодательства.

Считаем недопустимым ограничить возможности законодательных органов Союза ССР определять преступность и наказуемость отдельных видов преступлений, не говоря уже о преступлениях государственных и воинских.

Любое ограничение в этом смысле противоречило бы существующему принципиальному единству уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Следует отметить, что в течение последних десяти лет со времени принятия Основ уголовного законодательства было принято большое количество Указов Президиума Верховного Совета Союза ССР, предусматривающих уголовную ответственность за различные преступления: от 5 мая 1961 года «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»⁷⁴; от 24 мая 1961 г. «Об ответственности за приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов»⁷⁵ от 1 июля 1961 года «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях»⁷⁶, от 29 декабря 1961 года «Об уголовной ответственности за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники»⁷⁷; от 15 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»; от 15 февраля 1962 года «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»⁷⁸; от 20 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество»⁷⁹; от 4 апреля 1962 года «О внесении изменений и дополнений в статьи 22 и 44 Основ уголовного законодательства»⁸⁰; от 21 октября 1963 года «Об усилении уголовной ответственности за самовольную без надобности остановку поезда»⁸¹; от 23 июля

---

⁷⁴ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1961, № 19

⁷⁵ Там же, № 22.

⁷⁶ Там же, № 27.

⁷⁷ Там же, 1962, № 1.

⁷⁸ Там же, № 8.

⁷⁹ Там же, № 9.

⁸⁰ Там же, № 15.

⁸¹ Там же, 1963, № 43.

1966 года «Об уголовной ответственности иностранцев и лиц без гражданства за злостное нарушение правил передвижения на территории СССР»⁸² от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство»⁸³.

Таким образом, исходя из анализа Основ уголовного законодательства, следует прийти к выводу, что к компетенции союзных республик относится, во-первых, решение тех вопросов Общей части уголовного законодательства, которые переданы союзным республикам самими Основами, во-вторых, установление уголовной ответственности за все категории преступлений за исключением государственных и воинских преступлений и иных преступлений, направленных против интересов Союза ССР.

Анализ Основ уголовного законодательства дает основание сделать вывод также и о том, что республиканские уголовноправовые нормы должны содержаться только в уголовных кодексах этих республик, а не в других уголовноправовых актах.

4. Постараемся более детально рассмотреть соотношение уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик по вопросам Общей части уголовного права.

Во-первых, отметим, что все основные принципиальные вопросы Общей части советского уголовного права решены в Основах уголовного законодательства и текстуально воспроизведены в уголовных кодексах союзных республик. В Основах уголовного законодательства регламентированы основополагающие положения о задачах уголовного законодательства, об основаниях уголовной ответственности, о назначении наказания и освобождении от наказания. В связи с этим в Основах определены пределы действия уголовного закона в пространстве и во времени, установлены понятие преступления и формы вины, обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния, понятие приготовления и покушения, соучастия, система и виды наказаний, общие начала назначения наказания и основания освобождения от наказания.

На долю республиканского уголовного законодательства приходится регламентирование тех вопросов Общей части, которые самими Основами уголовного законодательства

---

⁸² Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30.

⁸³ Там же.

отнесены к компетенции законодательства союзных республик. На союзные республики тем самым возложена обязанность разрешить эти вопросы в республиканских уголовных кодексах.

Так, к компетенции уголовного законодательства союзных республик Основы отнесли установление минимального предела всех видов наказания, порядка отбывания некоторых видов наказаний, в том числе порядка применения конфискации имущества и перечня не подлежащих конфискации предметов, а также установление пределов испытательного срока при условном осуждении, порядка наблюдения за условно осужденным и проведения с ними воспитательной работы, установление перечня тяжких преступлений, за совершение которых может быть назначено лишение свободы в виде заключения в тюрьме и к которым условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким могут быть применены после фактического отбытия не менее двух третей назначенного срока наказания.

Основы уголовного законодательства не определили признаков особо опасного рецидивиста, хотя с признанием преступника особо опасным рецидивистом установили определенные правовые последствия. Установление признаков особо опасного рецидивиста отнесено к компетенции союзных республик.

К законодательству союзных республик отнесено также установление принудительных мер воспитательного и принудительных мер медицинского характера и порядок их применения. В соответствии с требованиями Основ уголовного законодательства эти вопросы решены всеми союзными республиками, но решены различно.

Основы не только передали целый ряд важных вопросов на разрешение союзных республик, но и предоставили им широкие права в решении многих вопросов Общей части уголовного законодательства. От союзных республик зависело, воспользоваться ли этими правами и в какой мере. Основы предоставили законодательству союзных республик право самостоятельно устанавливать виды наказания, кроме указанных в Основах, предусмотреть смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, помимо перечисленных в Основах, установить более краткие сроки давности привлечения к уголовной ответственности по отдельным видам преступлений.

Союзные республики воспользовались этими правами (правда, не все в равной мере) и регламентировали в своих уголовных кодексах отнесенные к их компетенции вопросы.

Основы не возбраняют законодательству союзных республик регламентировать и другие вопросы назначения наказания и освобождения от наказания, однако и не оговаривают такие права союзных республик. В этой связи должен быть поставлен и решен принципиальный вопрос: следует ли признать за союзными республиками право решать и по-своему регламентировать вопросы, относящиеся к пределам и условиям уголовной ответственности, к назначению наказания и освобождению от наказания, на решение которых союзные республики не были специально уполномочены Основами уголовного законодательства.

В момент принятия Основ уголовного законодательства в 1958 году по вопросам Общей части уголовного законодательства компетенция Союза ССР и компетенция союзных республик были четко разграничены. Однако нормотворчество союзных республик в течение последних восьми лет, учитывая потребности прокурорско-следственной и судебной практики по борьбе с преступностью, внесло много нового.

Естественно, что не может не встать вопрос о необходимости предоставления права союзным республикам регламентировать и такие вопросы, которые в 1958 году не были предусмотрены Основами.

Как известно, все союзные республики в уголовных кодексах самостоятельно решили вопрос об освобождении от уголовной ответственности и наказания с передачей дела в товарищеский суд, а также вопрос об освобождении от уголовной ответственности и наказания с передачей виновного на поруки, расширив, таким образом, основания освобождения от уголовной ответственности, хотя в Основах такие права союзных республик особо не оговорены.

Вряд ли есть нужда обосновывать необходимость этих институтов и положительное значение их регламентации в уголовном законодательстве. Сегодня наше уголовное законодательство без этих оснований освобождения от уголовной ответственности трудно себе представить.

Однако мы полагаем, что в интересах более четкого разграничения компетенции Союза ССР и союзных республик в области уголовного законодательства следовало бы дополнить статью 43 Основ частью третьей, предусмотрев в ней право союзных республик устанавливать и другие основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, кроме предусмотренных Основами.

Таким образом, мы приходим к выводу, что права союзных республик в области уголовного законодательства

следует в необходимых случаях несколько расширить, четко указав на эти права в самих Основах.

В то же время, союзными республиками решаются и такие вопросы, которые не отнесены Основами к компетенции союзных республик и, как нам представляется, не следует относить к компетенции уголовного законодательства союзных республик. Речь идет, например, об обстоятельствах, исключающих общественную опасность действия, подпадающего под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом. В Основах уголовного законодательства предусмотрены только три таких обстоятельства: необходимая оборона (ст. 13), крайняя необходимость (ст. 14) и малозначительность (ст. 7 ч. 2). Некоторые республики предусмотрели еще одно такое обстоятельство. Например, в УК УССР предусмотрено в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего общественную опасность деяния, необходимость задержания преступника.

По существу решение этого вопроса не вызывает возражений. Нельзя отрицать и необходимость в законодательной регламентации этого вопроса. На это неоднократно указывалось в юридической литературе. Об этом свидетельствует и постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 года «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне»⁸⁴. Однако признать действия, направленные на задержание преступника и доставку его соответствующим органам власти, правомерными и приравнять их к необходимой обороне могут только Основы уголовного законодательства, а союзные республики могли бы это сделать только в том случае, если бы им Основы предоставили такие права.

Необходимость решения этого вопроса Основами уголовного законодательства стала еще более очевидной в свете Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство», ст. 16 которого гласит: «Действия гарждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР (подчекнуто нами — М. Б.) и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику»⁸⁵. Этот Указ дает частичное решение вопроса — вынужденное причинение вреда преступнику в целях его задержания признается

⁸⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1963, М., 1964, стр. 185.

⁸⁵ Ведомости Верховного Совета СССР, 1966, № 30.

обстоятельством, исключающим уголовную ответственность деяния. В дальнейшем следует установить **границы** правомерности действий, направленных на задержание преступника.

Рассмотренный вопрос не является единственным вопросом, который решается некоторыми союзными республиками, хотя Основы не предусмотрели такого решения. Так, в ст. 47 Основ уголовного законодательства перечисляются все случаи, когда лица, отбывшие наказание, признаются не имеющими судимости (институт погашения и снятия судимости). Этот перечень является исчерпывающим. Во всяком случае статья 47 Основ не предложила союзным республикам и не предусмотрела их права дополнить по своему усмотрению этот перечень. Однако некоторые союзные республики его дополнили⁸⁶. По нашему мнению, это может быть сделано только в случае, если такое право будет предусмотрено ст. 47 Основ.

Некоторые кодексы союзных республик, например УК УССР в ч. 4 ст. 55, самостоятельно установили, как следует определять течение срока погашения судимости в случаях, если лицо совершило новое преступление до истечения сроков погашения судимости за предыдущее преступление.

В упомянутой статье УК УССР установлено: «Если лицо, отбывшее наказание, до истечения срока погашения судимости вновь совершит преступление, течение срока, погашающего судимость, приостанавливается и продолжается со дня фактического отбытия наказания за последние преступления».

УК Грузинской ССР решил этот вопрос иначе. В ч. 3 ст. 57 сказано: «В случае совершения отбывшим наказание в течение сроков, указанных в настоящей статье, нового преступления, срок погашения судимости по первому преступлению исчисляется со дня отбытия наказания (основного и дополнительного) за последнее преступление».

Мы не считаем возможным в данной работе высказаться по существу этого вопроса и предложить его решение. Считаю только необходимым отметить, что в ст. 47 Основ уголовного законодательства не предусмотрено решение этого вопроса законодательством союзных республик. В большинстве союзных республик этот вопрос не регламентирован по понятным соображениям — отсутствия полномочий на его решение. Полагаем, что этот вопрос должен быть решен Основами уголовного законодательства непосредственно, потому что судебная практика диктует необходимость единообразной его регламентации во всех союзных республиках.

За последнее время некоторые уголовные кодексы союзных

⁸⁶ См. ст. 57 УК РСФСР, ст. 55 УК УССР, ст. 54 УК БССР, ст. 57 Грузинской ССР.

республик дополнили перечень преступлений, за которые могут быть привлечены к уголовной ответственности лица, совершившие преступления в возрасте от четырнадцати лет. Так, например, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1967 года была дополнена ст. 10 УК РСФСР указанием на то, что несовершеннолетние за хищение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ подлежат уголовной ответственности в возрасте от четырнадцати лет⁸⁷.

Такое же дополнение было внесено в УК Белорусской ССР⁸⁸, в УК Молдавской ССР⁸⁹, в УК Латвийской ССР⁹⁰, а также в уголовные кодексы других союзных республик⁹¹.

Однако в ст. 10 Основ уголовного законодательства дается абсолютно исчерпывающий перечень тех преступлений, за совершение которых к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, достигшие четырнадцатилетнего возраста. В этом перечне нет такого состава преступления как хищение оружия, поэтому союзные республики (без внесения соответствующего изменения в статью 10 Основ уголовного законодательства) не имели оснований для установления уголовной ответственности за хищение оружия с четырнадцатилетнего возраста.

Более правильным является решение этого вопроса УК УССР, в ст. 10 которого предусмотрена уголовная ответственность с четырнадцати лет за хищение оружия, совершенного только путем кражи, грабежа и разбоя⁹².

Для такого решения можно найти основание в статье Основ уголовного законодательства, предусматривающей уго-

---

⁸⁷ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1967 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1967, № 23 ст. 533.

⁸⁸ Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 23 июня 1967 г. — Собрание законов, Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР, 1967, № 18 ст. 253.

⁸⁹ Указ Президиума Верховного Совета Молдавской ССР «О внесении дополнений в Уголовный кодекс Молдавской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Молдавской ССР, 1967, № 7, ст. 137.

⁹⁰ Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 27 июля 1967 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Латвийской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1967, № 32.

⁹¹ Указ Президиума Верховного Совета Туркменской ССР от 15 августа 1967 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Туркменской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Туркменской ССР, 1967, № 16; Указ Президиума Верховного Совета Грузинской ССР от 17 августа 1967 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Грузинской ССР». — Ведомости Верховного Совета Грузинской ССР, 1967, № 8 ст. 385.

⁹² Уголовный кодекс Украинской ССР. Киев, 1961.

ловную ответственность с четырнадцатилетнего возраста за хищение государственного и общественного имущества путем кражи, грабежа и разбоя. В этой связи, следует обратить внимание на то, что уголовные кодексы некоторых союзных республик предусмотрели уголовную ответственность с четырнадцати лет не только за хищение оружия, но также и за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах.

Так, например, в УК Таджикской ССР установлена с четырнадцатилетнего возраста уголовная ответственность за хищение в особо крупных размерах (ст. 96 УК Таджикской ССР), которое может быть совершено любым путем, а не только путем кражи, грабежа и разбоя⁹³. Такое решение вопроса не согласуется с положениями статьи 10 Основ.

Таким образом, мы приходим к выводу, что союзными республиками должны быть решены только те вопросы Общей части уголовного законодательства, которые отнесены Основами уголовного законодательства к их непосредственной компетенции, т. е. которые им вменено в обязанность или дозволено решать.

Однако мы полагаем, что назрела необходимость не только регламентировать в Основах уголовного законодательства или вменить в обязанность союзных республик регламентировать некоторые вопросы, которые еще не решены, но и пересмотреть с позиций соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства решение некоторых уже решенных вопросов.

В данное время союзные республики решают некоторые вопросы, которые, как нам кажется, следует отнести к компетенции общесоюзного законодательства. Это вопросы определения понятия особо опасного рецидивиста и определения тяжкого преступления. В Основах уголовного законодательства должно быть дано единое понятие особо опасного рецидивиста и единое понятие тяжкого преступления.

М. П. Карпушин уже обратил внимание, что существующие разногласия в решении этих вопросов привели к тому, что фактически в каждой республике установлен различный субъект ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 72 УК Латвийской ССР), хотя ответственность за это преступление предусмотрена в Законе об уголовной ответственности за государственные преступления⁹⁴.

⁹³ Уголовный кодекс Таджикской ССР. Душанбе, 1961.

⁹⁴ См. М. П. Карпушин. О некоторых вопросах соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. — Советское государство и право, 1965, № 4, стр. 68—69.

Однако различное определение понятия особо опасного рецидивиста в законодательстве союзных республик приводит к еще более нежелательным последствиям. Так, в ст. 44 Основ уголовного законодательства предусмотрено, что условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием к особо опасным рецидивистам не применяются. Однако поскольку в союзных республиках различно определен круг преступников, которые судом могут быть признаны особо опасными рецидивистами, фактически категория преступников, к которым не могут быть применены условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким, в союзных республиках определена различно.

Различное определение понятия тяжкого преступления в уголовных кодексах союзных республик также приводит к тому, что нет единства при применении лишения свободы в виде заключения в тюрьме, различно решается вопрос о применении условно-досрочного освобождения к лицам, совершившим одинаковые преступления, но в различных республиках, даже если они отбывают наказание в одной и той же исправительно-трудовой колонии.

Таким образом, мы приходим к выводу, что применение Основ уголовного законодательства в течение десяти лет дает основание поставить вопрос о необходимости внести не только некоторые дополнения, но и некоторые изменения с позиций соотношения общесоюзного уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик.

Последний вопрос о соотношении общереспубликанского уголовного законодательства и уголовного законодательства союзных республик по вопросам Общей части, на котором, как мы полагаем, необходимо остановиться — это вопрос о включении в Общую часть уголовных кодексов союзных республик всех дополнений, вытекающих из общесоюзного уголовного законодательства.

В Основах уголовного законодательства не предусмотрено существование самостоятельных общесоюзных уголовноправовых норм по вопросам Общей части, не включенных в Основы.

Это означает, что общесоюзный законодатель регулирует эти вопросы в рамках Основ, т. е. путем внесения соответствующих изменений или дополнений в Основы уголовного законодательства. Если общесоюзный законодатель считает необходимым обеспечить определенное единство в решении вопросов Общей части, то он должен внести соответствующее изменение или дополнение в Основы уголовного законодательства.

Имеется и второй путь: если общесоюзный законодатель

не считает, что вопрос заслуживает быть решенным в Основах уголовного законодательства, он может рекомендовать союзным республикам соответствующим образом регламентировать тот или другой вопрос.

Наше общесоюзное нормотворчество в области уголовного права знает такие случаи. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» в ст. 13 предусмотрел, что «совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, является обстоятельством, отягчающим ответственность».

Суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность»⁹⁵.

Это обстоятельство, отягчающее ответственность при назначении наказания, в ст. 34 Основ уголовного законодательства ранее не было предусмотрено. Но одновременно с принятием упомянутого Указа и в дальнейшем ст. 34 Основ также не была соответственным образом дополнена.

Законодатель в ст. 19 Указа от 26 июля 1966 г. предложил Президиумам Верховных Советов союзных республик внести в законодательство союзных республик изменения и дополнения в соответствии с этим Указом.

Некоторые союзные республики внесли необходимые изменения и дополнения в соответствующие статьи Общей части уголовных кодексов. Была изменена ст. 41 УК Литовской ССР⁹⁶, дополнены ст. 36 УК Армянской ССР⁹⁷ и ст. 38 УК Белорусской ССР⁹⁸. Однако большинство республик до сих пор не привело соответствующие статьи Общей части своих уголовных кодексов в соответствие с положением ст. 13 Указа Президиума Верховного Совета СССР. Так, например, УК Латвийской ССР не дополнил ст. 37, предусматривающую перечень отягчающих ответственность обстоятельств, положением, вытекающим из упомянутого Указа, хотя в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР

⁹⁵ Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1966, № 37.

⁹⁶ Указ Президиума Верховного Совета Литовской ССР от 24 октября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Литовской ССР в связи с усилением ответственности за хулиганство». — Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской ССР, 1966, № 30.

⁹⁷ Указ Президиума Верховного Совета Армянской ССР от 31 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Армянской ССР». — Ведомости Верховного Совета Армянской ССР, 1966, № 18.

⁹⁸ Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 26 августа 1966 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс Белорусской ССР». — Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР, 1966, № 25, ст. 310.

от 29 августа 1966 года в ст. 204 УК Латвийской ССР были внесены вытекающие из Указа Президиума Верховного Совета от 26 июля 1966 г. изменения и дополнения⁹⁹.

Не внесено изменение, вытекающее из ст. 13 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР «Об усилении ответственности за хулиганство» также в УК РСФСР, хотя дополнения и изменения, вытекающие из остальных статей этого Указа были в УК РСФСР своевременно внесены¹⁰⁰.

Не выполнили требования ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года о внесении изменений и дополнений в законодательство союзных республик в соответствии с настоящим Указом также и некоторые другие республики¹⁰¹.

С таким положением нельзя согласиться. Общесоюзные законы в соответствии со ст. 2 УК РСФСР и ст. 2 УК других союзных республик подлежат обязательному включению в уголовные кодексы союзных республик. Они применяются непосредственно только до их включения в уголовные кодексы республик. Поскольку большая часть статей указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство» была включена в уголовные кодексы союзных республик, положения ст. 13 этого Указа могут в отдельных случаях оказаться вне поля зрения судов, т. е. не будут применяться, что является нарушением социалистической законности.

Изложение всего действующего уголовного законода-

⁹⁹ Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 29 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Латвийской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1966, № 37.

¹⁰⁰ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1966, № 32, ст. 769.

¹⁰¹ См. Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 17 августа 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в УК Украинской ССР». — Ведомости Верховного Совета Украинской ССР, 1966, № 32, ст. 195; Указ Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 12 октября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Молдавской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Молдавской ССР, 1966, № 10, ст. 135; Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 29 сентября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Таджикской ССР». — Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР, 1966 № 18 ст. 135; Указ Президиума Верховного Совета Туркменской ССР от 10 сентября 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Туркменской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Туркменской ССР, 1966, № 17; Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 24 декабря 1966 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Эстонской ССР». — Ведомости Верховного Совета и правительства Эстонской ССР, 1966, № 57, ст. 425.

тельства в одном законодательном акте, каким является уголовный кодекс, облегчает судебным и прокурорско-следственным работникам его применение, а гражданам — ознакомление с ним и исполнение.

5. Рассмотрим некоторые вопросы соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства, касающиеся Особенной части советского уголовного права.

Как уже отмечалось, в этой области общесоюзные уголовные законы определяют ответственность, кроме государственных и военных преступлений, в необходимых случаях и за иные преступления, направленные против интересов Союза ССР.

Если целью такой регламентации компетенции общесоюзного законодательства является обеспечение единого понимания некоторых составов преступлений и установление одинаковой наказуемости этих преступлений на территории всего Советского Союза, как полагает Н. Д. Дурманов, то об этом следовало прямо сказать, как это было сделано в Основных началах уголовного законодательства 1924 года. Мы полагаем, что в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года это право законодательных органов Союза ССР было сформулировано более удачно.

Поскольку ни законодательство, ни теория советского уголовного права не выделяют в специальную группу преступления, направленные против интересов Союза ССР (помимо государственных преступлений), то неясно, о какой специальной группе преступлений идет речь.

Кроме того, вряд ли желательно и даже целесообразно таким образом ограничивать право общесоюзного законодателя, предоставив ему право издавать только уголовные законы, направленные против интересов Союза ССР. Это с одной стороны. С другой стороны, такая редакция Основ уголовного законодательства приводит к тому, что любое преступление, ответственность за которое определяется общесоюзным законом, должно быть расценено как направленное против интересов Союза ССР. Этим определяется политическая оценка преступления. Однако вряд ли можно признать каждое из преступлений, ответственность за которое установлена общесоюзным законом, как направленное против интересов Союза ССР.

В качестве примера можно привести самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном, за что установлена уголовная ответственность Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1963 года «Об усилении уголовной ответственности за самовольную без надобности оста-

новку поезда»¹⁰². Вряд ли это преступление можно отнести к категории преступлений, посягающих на интересы Союза ССР в большей мере, чем все прочие преступления, перечисленные в уголовных кодексах союзных республик (в том числе хищение социалистического имущества в крупных размерах, убийство при отягчающих обстоятельствах и т. д.).

Мы полагаем, что если на данном этапе развития нашего государства имеется необходимость в сохранении общесоюзного и республиканского уголовного законодательства, то размежевание их компетенций следовало бы провести более четко.

Мы согласны с А. В. Мицкевичем, что «закреплено в Основах исчерпывающего перечня вопросов, подлежащих разрешению союзным законодательством, создает наиболее прочные гарантии самостоятельного осуществления республиками законодательной власти»¹⁰³.

На необходимость более четкого разделения компетенции Союза ССР и союзных республик указывал и А. И. Лепешкин¹⁰⁴.

Проанализировав действующее уголовное законодательство последних десяти лет, Н. Д. Дурманов правильно обрисовал существующее положение и пришел к выводу, что под иными преступлениями, посягающими на интересы СССР, сегодня понимаются преступления, относящиеся к любому разделу Особенной части. Он с этим положением соглашается и такое толкование Основ считает правильным, а поэтому полагает, что и впредь, когда будет признано целесообразным установить одинаковую уголовную ответственность за преступление независимо от места его совершения, высшие органы власти СССР будут издавать соответствующие законы¹⁰⁵.

В настоящее время общесоюзное уголовное законодательство безусловно развивается по этому пути.

Но следует, во-первых, разобраться в том, полностью ли оправдано установление одинаковой уголовной ответственности только по той категории преступлений, ответственность за которые сегодня предусмотрена в общесоюзных законах. Во-вторых, надо подумать, единственный ли это путь и наи-

¹⁰² Ведомости Верховного Совета и правительства Латвийской ССР, 1963, № 43.

¹⁰³ См. А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 71.

¹⁰⁴ См. А. И. Лепешкин. Назревшие вопросы развития науки советского государственного права. — Советское государство и право, 1965, № 2, стр. 8.

¹⁰⁵ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 173.

лучший ли из возможных для того, чтобы обеспечить одинаковую уголовную ответственность за некоторые преступления на всей территории ССР. В-третьих, следует убедиться в том, достигнуто ли установление одинаковой уголовной ответственности во всех республиках за те преступления, которые регламентируются общесоюзным законодательством.

Если не ограничиться установлением фактического положения, а проанализировать социально-политическую сущность тех преступлений, ответственность за которые после принятия Основ уголовного законодательства была определена общесоюзным законодательством, нельзя не отметить, что на сегодняшний день трудно установить определенную закономерность при отнесении того или иного преступления к категории регулируемых общесоюзным законодательством.

Например, вряд ли убедительно с точки зрения безусловной необходимости единого понимания состава преступлений и одинаковой их наказуемости¹⁰⁶ определять уголовную ответственность за изнасилование в общесоюзном законе, а ответственность за убийство — в законодательстве союзных республик.

Вряд ли убедительно утверждение, что за хулиганство должна быть предусмотрена одинаковая уголовная ответственность, а за убийство из хулиганских побуждений или за причинение тяжкого телесного повреждения из хулиганских побуждений в таком единстве нет необходимости.

Мы полагаем, что при решении вопроса о том, каким должно быть наказание за одно или другое преступление, необходимо (наряду с оценкой степени опасности конкретного вида преступления на определенном этапе развития нашего государства) учитывать также соотносительную степень опасности других преступлений, за которые ответственность определена в уголовных кодексах союзных республик.

Без учета этого обстоятельства может возникнуть несогласованность между сравнительной степенью опасности преступлений и тяжестью предусмотренных за эти преступления наказаний.

В ранее действовавшем законодательстве так иногда и бывало. Например, за квалифицированное убийство (ст. 136 УК РСФСР, 1926) было предусмотрено лишение свободы на срок до 10 лет, а за разбой, не сопряженный с лишением жизни, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» — лишение свободы на срок до 20 лет.

¹⁰⁶ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 157.

Такое положение не исключено и в ныне действующем законодательстве. Например, вызывает сомнение соотношение оценки степени общественной опасности умышленного убийства без отягчающих признаков, за которое в ст. 103 УК РСФСР и в ст. 98 УК Латвийской ССР предусмотрено лишение свободы на срок от трех до десяти лет, и изнасилование при отягчающих обстоятельствах, за которое предусмотрено лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет и со ссылкой или без ссылки, либо смертная казнь. Получается, что убийство несовершеннолетней из мести является, с точки зрения действующего законодательства, менее опасным преступлением, чем ее изнасилованием из таких же побуждений. Вряд ли с такой оценкой можно согласиться.

— Изолированное решение вопроса об уголовной ответственности за посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, как нам кажется, привело к тому, что за убийство работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года предусмотрена менее строгая ответственность, чем за убийство любого другого лица в связи с выполнением им своего служебного или общественного долга (пункт 3 ст. 99 УК Латвийской ССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик)¹⁰⁷.

Известная несогласованность образовалась между наказанием за хулиганские действия, если они совершены с применением или попыткой применения оружия или предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений (ч. 3 ст. 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении уголовной ответственности за хулиганство»), и наказанием за другие преступления, совершенные из хулиганских побуждений и предусмотренные уголовными кодексами союзных республик.

Так, хулиганство, сопряженное с причинением тяжких телесных повреждений по УК РСФСР наказывается лишением

¹⁰⁷ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников» предусматривается за посягательство на жизнь работников милиции и народных дружинников лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при отягчающих обстоятельствах — смертная казнь. Ст. 99 УК Латвийской ССР (как и соответствующие статьи УК других союзных республик) за убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга, предусматривается лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертную казнь.

свободы от трех месяцев до восьми лет (ч. 1 ст. 108 УК РСФСР), а хулиганские действия с попыткой применения предметов, приспособленных для нападения, — лишением свободы на срок от трех до семи лет. Хулиганские действия, сопряженные с причиной менее тяжкого телесного повреждения без применения оружия или иных приспособленных для нападения предметов наказываются лишением свободы на срок от одного года до пяти лет (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР). В то же время упомянутое хулиганство, не причинившее никаких последствий, но совершенное с попыткой применения оружия или иных предметов, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Мы полагаем, что в тех случаях, когда преступление действительно посягает на интересы Союза ССР в целом, оно должно быть отнесено к категории иных государственных преступлений.

В остальных случаях имеется другая возможность добиться единого понимания признаков тех или других преступлений и установления одинаковой строгости наказаний за эти преступления (в этом безусловно может быть общегосударственная необходимость).

Нам кажется, что во многих случаях Президиум Верховного Совета Союза ССР мог бы рекомендовать союзным республикам вносить необходимые изменения и дополнения в действующее республиканское уголовное законодательство. Кстати, следует отметить, что наше общесоюзное нормотворчество в отдельных случаях использовало такую возможность. Так, указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 года «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»¹⁰⁸ допустил применение смертной казни — расстрела — за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах и предложил Президиумам Верховных Советов союзных республик внести в уголовные кодексы союзных республик соответствующее дополнение, что ими и было сделано.

Мы полагаем, что в такой форме общесоюзный законодатель мог бы направлять правотворчество союзных республик в тех случаях, когда возникает общегосударственная необходимость в установлении одинаковой уголовной ответственности за отдельные преступления или же необходимость в усилении или смягчении наказания за определенные виды преступлений. Таким образом было бы достигнуто то единство в уголовном законодательстве союзных республик, на необходимость кото-

¹⁰⁸ Ведомости Верховного Совета СССР, 1961, № 19.

рого в некоторых случаях справедливо указывается в нашей литературе.

Наличие некоторых различий не противоречит такому единству в целом. Так, например, имеются незначительные расхождения между кодексами союзных республик в определении наказания, предусмотренного за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах.

Уголовные кодексы Украинской ССР, Литовской ССР и Латвийской ССР определили за хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах лишение свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества и *ссылкой* на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертную казнь с конфискацией имущества.

УК РСФСР определил за это же преступление лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и *ссылкой* или без ссылки или смертную казнь с конфискацией имущества.

Уголовные кодексы всех остальных республик определили за хищение в особо крупных размерах лишение свободы на срок от десяти до пятидесяти лет, но не предусмотрели ссылку как дополнительное наказание.

Конечно, такие рекомендации не могут обеспечить полное совпадение при регламентации соответствующих вопросов союзными республиками, но вряд ли в этом всегда имеется необходимость.

Следует, кроме того, учесть, что и ныне существующая практика правотворчества Союза ССР в области уголовного законодательства не во всех случаях приводит к единообразному решению того или иного вопроса в уголовных кодексах союзных республик, хотя соответствующие вопросы регламентируются общесоюзном законодательстве.

Так, например, был принят указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»¹⁰⁹, в соответствии с которым были внесены изменения в соответствующие статьи республиканских уголовных кодексов. Однако ответственность за изнасилование, совершенное повторно, как и совершенное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения, в каждом кодексе решается по-разному; различно оцениваются эти обстоятельства, с учетом которых и определено различное наказание.

Вряд ли серьезно можно утверждать, что только изнасилование без отягчающих обстоятельств и изнасилование, совер-

¹⁰⁹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1962, № 8.

шенное группой лиц или особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней относятся к «иным преступлениям, посягающим на интересы СССР» и диктуют необходимость установления одинаковой уголовной ответственности на всей территории СССР. Изнасилование же, совершенное с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения либо совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, может быть различно наказуемо в разных республиках. Для такого противопоставления нет никаких оснований, однако за последние виды изнасилования УК РСФСР предусмотрел лишение свободы на срок от пяти до десяти лет. Уголовные кодексы Латвийской ССР, Литовской ССР, Грузинской ССР, Узбекской ССР и Казахской ССР за повторное изнасилование предусмотрели лишение свободы от пяти до десяти лет. УК Украинской ССР за изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим такое преступление, предусмотрел лишение свободы на срок от трех до восьми лет.

Однако все эти кодексы не выделяют как квалифицирующий признак изнасилование, совершенное с угрозой убийством или причинением тяжких телесных повреждений, т. е. относят эти случаи к изнасилованию без отягчающих признаков, за которое в соответствии с Указом от 15 февраля 1962 года предусмотрено лишение свободы на срок от трех до семи лет.

УК Азербайджанской ССР предусмотрел только два состава изнасилования: основной и квалифицированный. Таким образом, даже повторное изнасилование этим кодексом не рассматривается в качестве квалифицированного состава, поэтому в Азербайджанской ССР это преступление, как совершенное без отягчающих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Из этих сопоставлений следует, что в уголовных кодексах союзных республик различно определяются признаки основного состава изнасилования, а потому желаемая цель достигнута только частично: усилено наказание за изнасилование, но не установлена одинаковая уголовная ответственность за изнасилование на всей территории СССР (кроме изнасилования при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 3 ст. 121 УК Латвийской ССР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик).

М. П. Карпушин уже обратил внимание на то, что в действующем уголовном законодательстве не всегда выдержано установленное законом соотношение союзного и республиканского законодательства.

Совершенно справедливо М. П. Карпушин указал, что в

законодательстве союзных республик различно определено понятие должностного лица, как и понятие особо опасного рецидивиста, поэтому в союзных республиках фактически различно определяется круг лиц, ответственных за взяточничество и за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений¹¹⁰. Прав М. П. Карпушин в том, что общесоюзные уголовноправовые нормы должны применяться *одинаково* на всей территории Советского Союза¹¹¹.

Мы полагаем, что этого следует добиваться в отношении всех государственных и воинских преступлений и иных преступлений, посягающих на интересы Союза ССР. В тех же случаях, когда общесоюзный законодатель стремится добиться единого направления в уголовноправовой борьбе с определенными преступлениями, достаточно указать это направление союзным республикам.

Поэтому мы полагаем, что ст. 2 Основ уголовного законодательства следует дополнить частью третьей, в которой предусмотреть право Верховного Совета Союза ССР и его Президиума в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой судебной политики (как это было предусмотрено Основными началами уголовного законодательства 1924 года).

Обеспечение такого права общесоюзному законодателю способствовало бы еще большему единству уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Совершенно правильно подчеркивает А. В. Мицкевич, что вопросы разграничения компетенции Союза ССР и союзных республик решаются общесоюзным законом, специально посвященным этому вопросу, но в то же время «законы СССР обладают высшей юридической силой перед республиканскими только по вопросам, входящим в компетенцию Союза ССР. По вопросам, которые отнесены к исключительному ведению союзных республик, актом высшей юридической силы является республиканский закон»¹¹².

Это соображение не может быть оставлено без внимания при решении вопроса о разделении компетенций Союза ССР и союзных республик в области уголовного правотворчества.

---

¹¹⁰ См. М. П. Карпушин. О некоторых вопросах соотношения общесоюзного и республиканского уголовного законодательства. — Советское государство и право, 1965, № 4, стр. 66—69.

¹¹¹ Там же, стр. 71.

¹¹² А. В. Мицкевич. Акты высших органов советского государства. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 73.

М. БЛУМ

Доцент, канд. юрид. наук.

СТРУКТУРА НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. Программное требование партии — строго соблюдать и обеспечить соблюдение социалистической законности — вновь было подчеркнуто на XXIII съезде партии: «Развивая демократические принципы государственного строительства, партия исходит из того, что вся деятельность советских органов и широкое творческое участие граждан в управлении делами страны должны основываться на строжайшем соблюдении социалистической законности».

В борьбе за укрепление законности и правопорядка в нашей стране все большее значение приобретает правовая наука. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» подчеркнута необходимость сосредоточить научно-исследовательскую работу в области правовых наук, в первую очередь, на разработке мер по предотвращению и ликвидации преступности и других правонарушений, укреплению законности и правопорядка в стране, совершенствованию уголовного законодательства.

Поскольку теоретический вопрос о структуре уголовноправовой нормы непосредственно связан с уяснением содержания этой нормы и правильным ее применением, то учение о структуре уголовноправовой нормы приобретает первостепенное значение. Правильное решение этого вопроса в значительной мере влияет и на совершенствование уголовного законодательства.

Однако вопрос о структуре правовой нормы остается весьма спорным и в настоящее время, несмотря на большое внимание, которое уделяется этому вопросу общей теорией советского права.

Еще более спорным является вопрос о структуре уголовно-правовой нормы, которая, по мнению большинства ученых, несколько отличается по своему строению от норм прочих отраслей права.

2. Изучением особенностей строения уголовноправовой нормы советские криминалисты начали заниматься только в последнее время.

В течение нескольких десятилетий этот вопрос в теории советского уголовного права почти не разрабатывался.

В учебной литературе и монографиях по советскому уголовному праву продолжительное время рассматривались только вопросы структуры статей Особенной части Уголовного кодекса или другого уголовного закона. Вопросы структуры уголовноправовой нормы вообще не ставились. Они подменялись вопросами строения статей Особенной части Уголовного кодекса или же смешивались оба эти понятия.

Так, в тридцатых и сороковых годах в учебной литературе по уголовному праву рассматривалось только строение статей Особенной части, содержащих описание признаков состава преступления. Ничего не говорилось о строении статей Общей части уголовных кодексов или другого уголовного закона, в которых не описывались признаки конкретных составов преступлений.

Таким образом, авторы приходили к неоспоримому и никем до сих пор не оспариваемому выводу о том, что 1) статьи Уголовного кодекса или другого уголовного закона, предусматривающие наказуемость конкретных преступных действий, состоят из двух частей — диспозиции, содержащей описание состава отдельного преступления, и санкции, определяющей наказание за совершение преступления; 2) во всех других законах или статьях законов такого деления нет и быть не может. Уголовноправовой нормы и ее структуры авторы учебников даже не касались¹.

В монографических исследованиях того периода этот вопрос не освещался.

В учебной литературе конца сороковых и пятидесятых годов говорилось о строении норм уголовного права, но по существу так же, как это делалось в теории уголовного права

¹ См. Уголовное право. Общая часть. М., 1939, стр. 132—137; Уголовное право. Общая часть. М., 1943, стр. 82—85.

предыдущих лет, описывалось лишь строение статьей Особенной части Уголовного кодекса. Анализ структуры норм уголовного права подменялся анализом статьи уголовного закона².

Не проводится разграничение между структурой уголовноправовой нормы и структурой статьи уголовного закона также в монографии проф. М. Д. Шаргородского³, где под диспозицией автор понимает ту часть уголовноправовой нормы, которая содержит описание деяния, влекущего за собой применение наказания, а под санкцией ту часть статьи Особенной части, которая устанавливает меры наказания за конкретные преступления.

Такое смешение понятий имело место, как видно, в связи с тем, что в большинстве статей Особенной части каждой уголовноправовой норме соответствует специальная статья закона. Однако такое частичное совпадение характерно только для этой категории норм права. Несовпадение же норм права со статьями закона — весьма часто встречающееся явление.

П. Е. Недбайло считает, что несовпадение норм права и их элементов со статьями закона диктуется «жизнью, удобствами законодательства и целенаправленностью нормативных актов»⁴.

3. Вопрос о структуре уголовноправовой нормы в течение длительного времени не находил правильного освещения в теории советского уголовного права, как нам представляется, по той причине, что вся проблема строения советских правовых норм до середины пятидесятых годов была недостаточно изучена в общей теории советского права⁵. В этот период по-

---

² См. Уголовное право. Общая часть. М., 1948, стр. 233—236; А. А. Герцензон. Уголовное право. Часть Общая. Издание РИО ВЮА, М., 1948, стр. 183—189; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1959, стр. 60—66.

³ См. М. Д. Шаргородский. Уголовный закон. М., 1948, стр. 80—98.

⁴ П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 67.

⁵ Н. П. Томашевский справедливо указывает, что «проблема применения норм права настолько сложна и обширна, что успешная разработка ее требует коллективных усилий со стороны специалистов различных отраслей юридических наук. Но ведущую роль должна играть общая теория права, поскольку в ее компетенцию входят многие вопросы, правильное решение которых является необходимой предпосылкой для успешной разработки проблемы применения норм права. К таким вопросам относятся, в частности, вопрос о структуре правовой нормы и вопрос о классификации ее элементов». (О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 195.)

являются лишь первые небольшие работы, посвященные норме советского социалистического права⁶.

За последние десять лет появились значительные монографические исследования по общей теории советского права, а также исследования, посвященные советской правовой норме, где должное внимание уделено структуре советских правовых норм⁷.

Больше внимание этому вопросу уделяет и учебная литература по общей теории государства и права последних лет⁸.

Изучением вопросов структуры начали заниматься также представители различных отраслей советского социалистического права⁹.

Значительный вклад в изучение структуры уголовноправовой нормы внесла монография В. Г. Смирнова «Функции советского уголовного права»¹⁰.

4. Учебная литература по советскому уголовному праву шестидесятых годов по вопросам понятия и структуры уголовноправовой нормы, к сожалению, не отражает достигнутого уровня научной разработки этой проблемы общей теорией советского права и теорией уголовного права. Авторы учебников за этот период не внесли ничего нового по сравнению с сороковыми годами.

В некоторых учебниках последних лет так же, как в учебниках тридцатых-сороковых годов, ничего не говорится о

⁶ См. Ю. Г. Ткаченко. Нормы советского социалистического права. М., 1955; его же, Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1955; А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. МГУ, М., 1956.

⁷ См. А. В. Рыбин. Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского государственного университета, том XV, вып. 3, Юридические науки, 1958; Н. П. Недбайло. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959; его же. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960; Б. В. Шейндлин. Сущность советского права. ЛГУ, Л., 1959; Вопросы общей теории советского права. Сборник статей под редакцией проф. С. Н. Братуся. Госюриздат, М., 1960; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., 1961; О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962; Законодательная техника, под редакцией проф. Д. А. Керимова. ЛГУ, Л., 1965; Общая теория советского права, под редакцией С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. Госюриздат, М., 1966.

⁸ См. Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 413—421; Теория государства и права, под редакцией проф. А. И. Денисова. МГУ, М., 1967, стр. 283—295.

⁹ См. В. С. Основин. Нормы советского государственного права. Госюриздат, 1963; П. С. Элькин. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. «Юридическая литература», М., 1967; В. Д. Сорокин. Проблемы административного процесса. «Юридическая литература», М., 1968.

¹⁰ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 7—42.

строении уголовноправовой нормы. Рассматривается по-прежнему только специфика структуры статей Особенной части уголовного кодекса¹¹.

В других учебниках смешивается вопрос о структуре уголовноправовой нормы и статьи Особенной части уголовного кодекса.

Так, Ю. И. Ляпунов, автор соответствующего раздела учебника по общей части уголовного права, изданного в 1966 году, утверждает, что нормы Общей части уголовного права по своему содержанию «представляют единое целое и в них невозможно выделить какие-либо внутренние структурные части»¹². Строение норм Особенной части уголовного права, по мнению Ю. И. Ляпунова, характерно тем, что они четко распадаются на две части: диспозицию и санкцию. Ю. И. Ляпунов, как и авторы большинства учебников по советскому уголовному праву, описывая структуру уголовноправовой нормы, ничего не говорит о таком ее структурном элементе, как гипотеза.

С. Г. Келина — один из авторов учебника по Общей части советского уголовного права (1964 г.) — также утверждает, что нормы Общей части уголовного права не имеют внутренних структурных частей, уголовноправовые нормы, относящиеся к Особенной части уголовного права, по своей структуре делятся на диспозицию и санкцию.

В отличие от других авторов учебников, С. Г. Келина упоминает о гипотезе как структурном элементе нормы права, однако только для того, чтобы объяснить отсутствие гипотезы характерной структурной особенностью уголовноправовой нормы. Гипотеза в уголовноправовой норме, по мнению С. Г. Келиной, сливается с диспозицией¹³.

Такое освещение структуры уголовноправовой нормы не позволяет уяснить регулируемую роль нормы уголовного права и не способствует правильному ее претворению в жизнь.

В учебной литературе по советскому уголовному праву до самого последнего времени должным образом не показано значение правильного анализа структуры уголовноправовой нормы для ее реализации, в частности правильного ее применения. Хотя нет и не может быть сомнения в том, что «умение находить в нормативных актах все элементы правовых норм, соединять эти элементы воедино и мысленно конструировать правовую норму, умение правильно анализировать форму из-

¹¹ См. Советское уголовное право, Госюриздат, М., 1962, стр. 37—42.

¹² Уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 58.

¹³ См. Советское уголовное право. Часть общая. «Юридическая литература», М., 1964, стр. 31.

ложения правовых норм в нормативных актах имеет существенное значение в практике применения правовых норм»¹⁴.

Поэтому как весьма положительный факт следует отметить, что изданная в 1967 году монография проф. Н. Д. Дурманова¹⁵ уделяет значительное внимание вопросам структуры уголовноправовой нормы.

Однако в работах по общей теории права и в работах по теории уголовного права вопросы структуры уголовноправовой нормы не нашли единообразного решения. Эти вопросы остаются дискуссионными¹⁶. Расхождения в их решении весьма существенны. Они проистекают из различного понимания сущности правовой нормы, особенностей правового регулирования, реализации и применения норм права, из различного понимания соотношения между содержанием правовой нормы и формой ее изложения.

Этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания советских юристов.

5. Структура уголовноправовой нормы может быть раскрыта только на основании анализа самого понятия уголовноправовой нормы.

Всеми авторами признается, что правовая норма — это общее, общеобязательное и строго определенное правило поведения. Из этого вытекает, что содержащееся в норме права правило поведения касается круга субъектов, заранее не персонифицированных, т. е. оно рассчитано на заранее неопределенное количество случаев и является общеобязательным «в тех повторяющихся общественных отношениях, которые составляют предмет ее регулирования»¹⁷.

Это положение полностью относится к норме уголовного права.

Всеми авторами подчеркивается также формальный признак правовой нормы (отличающий ее от других социальных норм) — она устанавливается или санкционируется государством в строго определенном порядке и обеспечивается возможностью применения государственного принуждения. Пра-

¹⁴ А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 193.

¹⁵ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 112—130.

¹⁶ В предисловии к сборнику статей под редакцией проф. С. Н. Братуся «Вопросы общей теории советского права» (Госюриздат, М., 1966) справедливо указывается, что вопрос о структуре правовой нормы и о классификации ее элементов является дискуссионным, поэтому было бы преждевременно считать бесспорной ту или иную точку зрения.

¹⁷ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 136.

вовая норма «есть веление социалистического государства», «это повелительное предписание государства о том, как, каким образом могут и должны действовать люди в определенных случаях. Характер государственного веления придается социалистической правовой норме охраной ее от нарушения государственным принуждением на базе убеждения большинства членов общества»¹⁸.

Возможность применения государственного принуждения является обязательным признаком нормы права¹⁹.

Для уголовноправовой нормы характерно именно то, что она **устанавливается** советским социалистическим государством. Уголовноправовых норм, которые только санкционировались бы государством, у нас нет.

Любая норма права закреплена в нормативном акте. Уголовноправовые нормы **содержатся только в законах**.

Следует согласиться с высказанным в теории права мнением, оспариваемым некоторыми авторами²⁰, о том, что любая правовая норма (в том числе и уголовноправовая) устанавливает для одной стороны должное поведение — обязанность, а для другой — правомочие, т. е. что обязательным свойством уголовно-правовой нормы является повелительно-представительный (императивно-артрибутивный) характер, причем правомочия в этом случае принадлежат специальным органам, осуществляющим правоохранительные функции (правоохранительное правомочие)²¹.

По вопросу о содержании и роли уголовноправовой нормы как регулятора общественных отношений в теории уголовного права высказаны различные точки зрения.

Спорным является вопрос о том, регулируют ли нормы уголовного права социалистические общественные отношения или только их охраняют.

Не подлежит сомнению, что нормы уголовного права регулируют отношения, возникающие в связи с совершением преступлений. В то же время многие авторы утверждают, что иные общественные отношения уголовное право только охраняет, а не регулирует. Они исключают возможность правового регулирования вне правоотношения. Так, например, М. Д. Шарго-

¹⁸ Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 409.

¹⁹ См. С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 66—67; О. Э. Лейст. Санкции в советском уголовном праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 17.

²⁰ См. С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 63—65.

²¹ См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 185—191.

родский и О. С. Иоффе указывают, что «сам факт существования запретительных норм уголовного права, карающих за совершение общественно опасного деяния, воздействует на отдельных лиц, склонных к совершению преступлений, и удерживает их от совершения преступных действий. Однако здесь нет еще правоотношения и потому не может быть также и уголовноправового регулирования»²². Они утверждают, что «государственное, административное и гражданское право регулируют определенные комплексы социалистических общественных отношений. Уголовное же право также имеет дело с этими отношениями. Однако оно не регулирует, а охраняет их»²³.

Н. Д. Дурманов считает такое мнение необоснованным, полагая, что «нельзя представить себе такую правовую охрану определенных общественных отношений, которая не выражалась бы в регулировании их»²⁴.

По существу с этой точкой зрения следует согласиться. В. Г. Смирнов совершенно справедливо указывает на то, что юристами различно используются термины «регулирование», «сохрана», «обеспечение», это является немаловажной причиной различной трактовки фактического содержания правового регулирования.

Пытаясь преодолеть эти трудности, В. Г. Смирнов предлагает различить правовое регулирование в широком и узком смыслах этого понятия. Правовое регулирование в широком смысле этого понятия применительно к уголовному праву, по его мнению, дает возможность утверждать, что нормы уголовного права регулируют различные социалистические общественные отношения: в области государственного управления, личных прав и свобод советских граждан, общественных и государственных организаций, имущественных прав и т. д.²⁵ «В таком смысле нормы уголовного права, — утверждает В. Г. Смирнов, регулируют не только отношения, возникающие вследствие совершения преступлений, но и отношения, которые посредством уголовного права получают только одно из государственных обеспечений их осуществления и беспрепятственного развития. Такое регулирование, в частности, про-

---

²² М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе. О системе советского права. — Советского государство и право, 1957, № 6, стр. 108.

²³ Там же.

²⁴ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 100.

²⁵ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 17—26.

исходит путем установления запретов и велений совершать или не совершать действия, могущие нарушить какие-либо интересы государства, общества или отдельных граждан»²⁶.

Под регулированием нормы уголовного законодательства в узком или в специально-отраслевом смысле В. Г. Смирнов понимает установление прав и обязанностей сторон общественного отношения, возникающего вследствие совершения какого-либо преступления²⁷.

Следует отметить, что различные способы уголовноправового воздействия на социалистические общественные отношения были показаны со всей очевидностью уже в учебной литературе по уголовному праву шестидесятых годов, однако В. Г. Смирнову удалось наиболее четко показать специфику различных аспектов уголовноправового регулирования.

Представляется необходимым подчеркнуть, что уголовно-правовая норма оказывает регулирующее воздействие на различные социалистические общественные отношения.

Совершенно правильно подчеркивает П. Е. Недбайло, что уголовноправовые нормы с момента своего возникновения регулируют поведение людей, предупреждая противоречащие интересам данного общественного строя поступки с их стороны. «Воздействующая роль правовых норм в таких случаях придает им общепредупредительное значение»²⁸.

Целью уголовноправовой нормы как регулятора общественных отношений является предупреждение преступлений и обеспечение наиболее эффективной борьбы с посягательствами на социалистические общественные отношения.

Исходя из сказанного, мы приходим к выводу, что уголовно-правовая норма должна быть определена как установленное и охраняемое Советским социалистическим государством общее и общеобязательное правило поведения субъектов регулируемых ею общественных отношений с целью предотвращения, пресечения и искоренения преступлений.

На основании данного понятия уголовноправовой нормы с учетом того, что каждая правовая норма является составной частью единого целого — советского социалистического права, постараемся разобраться в структуре уголовноправовой нормы.

6. Под структурой правовой нормы следует понимать ее

---

²⁶ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 26.

²⁷ Там же.

²⁸ П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюр-издат, М., 1960, стр. 105.

внутреннее строение, «систему строения или способ связи частей, определенным образом организующий их содержание»²⁹.

А. В. Рыбин полагает, что внутреннее строение правовой нормы, «логическая связь между ее отдельными частями есть конкретная форма выражения содержания правовой нормы»³⁰.

Большинство авторов справедливо рассматривают структуру правовой нормы как логическую формулу, позволяющую углубить познание отдельных правовых норм и права в целом³¹.

Проф. П. Е. Недбайло отметил, что в связи с несовпадением норм права со статьями закона элементы правовых норм в ряде случаев приходится устанавливать логическим путем; требуется известная логическая операция для установления одного или другого элемента правовой нормы. Поэтому при анализе права речь идет о логической структуре нормы и логических ее элементах³².

И. С. Самощенко, О. Э. Лейст и А. С. Пиголкин под «структурой нормы» понимают общую формулу, «под которой строится любое правило поведения, взятое в совокупности, с указанием как на условия, при наличии которых это правило подлежит реализации, так и на последствия его нарушения»³³. По мнению этих авторов, эта формула выражается суждением «Если-то-иначе»³⁴.

Несмотря на различное определение понятия структуры нормы права, все авторы подчеркивают неразрывную связь между ее содержанием и строением.

Отображая схему правовой нормы, в качестве ее логических компонентов в юридической литературе называются гипотеза, диспозиция и санкция, причем, как мы в дальнейшем покажем, некоторые авторы считают все эти три компонента обязательными, другие считают обязательными только два из них.

²⁹ Законодательная техника, под редакцией проф. Д. А. Керимова, ЛГУ, Л., 1965, стр. 29.

³⁰ А. В. Рыбин. Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского государственного университета, том XV, вып. 3, Юридические науки, стр. 37.

³¹ См. А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права, Госюриздат, М., 1960, стр. 169.

³² См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 66—67.

³³ Общая теория советского права, под редакцией С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 191.

³⁴ Там же.

Следует отметить, что для обозначения этих логических компонентов правовой нормы в юридической литературе пользуются понятиями элементов, частей и атрибутов.

Так, Ю. Г. Ткаченко говорит, что в правовой норме различают три элемента или три части³⁵.

О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский говорят о гипотезе, диспозиции и санкции как о трех частях нормы права³⁶.

О структурных частях или элементах правовой нормы говорят и авторы монографии «Законодательная техника»³⁷.

Вся учебная литература по теории государства и права называет гипотезу, диспозицию и санкцию элементами или составными частями правовой нормы³⁸.

На этом терминологическом различии можно было бы специально не останавливаться, если бы оно не отражало известные разногласия по существу.

Между «частью» и «элементом» нормы никакого различия нет, ибо под элементом нормы подразумевается ее составная часть³⁹.

Однако в последние годы многие авторы пришли к выводу, что гипотеза и санкция не являются составными частями (элементами) нормы права, а потому применительно к ним пользуются понятием атрибута. Под атрибутом в философии, как известно, понимают неразрывный признак предмета или явления. Атрибутом называют неотъемлемое свойство предмета, без которого предмет не может ни существовать, ни мыслиться⁴⁰.

Так, О. Э. Лейст отвергает общераспространенное представление о гипотезе, диспозиции и санкции как о составных частях правовой нормы. По мнению О. Э. Лейста, «такое представление противоречит правилам логики, так как пра-

³⁵ См. Ю. Г. Ткаченко. Нормы социалистического права. ВЮЗИ, М., 1960, стр. 16.

³⁶ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 152.

³⁷ См. Законодательная техника, под ред. Д. А. Керимова, ЛГУ, Л., 1965, стр. 29.

³⁸ См. Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 117—118; Теория государства и права. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 433—435; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 413—417; Теория государства и права. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 399—403.

³⁹ В толковом словаре русского языка (под ред. Б. М. Волина и Д. Н. Ушакова, том IV, М., 1940, стр. 14—16) элемент — составная часть, известная доля, представляющая собой основное или характерное свойство чего-нибудь.

⁴⁰ См. Краткий философский словарь, под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Госюриздат, М., 1951, стр. 38.

вило поведения (норма) не может изображаться как сумма правила поведения (диспозиция), условий его применения (гипотеза), последствий его нарушения (санкция)»⁴¹.

Поэтому он утверждает, что норма права тождественна диспозиции. Гипотеза и санкция не составные части, а атрибуты⁴².

К такому же выводу пришли авторы коллективной работы «Общая теория советского права», которые также считают, что диспозиция сама по себе и является правовой нормой. Однако диспозиция не может существовать без гипотезы и санкции, которые являются ее атрибутами⁴³.

Нам представляется, что эта точка зрения заслуживает серьезного внимания и дает возможность решить многие спорные вопросы структуры нормы права.

Однако прежде, чем решать эти вопросы, следует установить, что в юридической литературе понимается под диспозицией, гипотезой и санкцией правовой нормы и в какой мере они необходимы для определения структуры уголовноправовой нормы.

Это может быть сделано вне зависимости от того, считаем ли мы гипотезу и санкцию элементами или атрибутами правовой нормы.

7. В советской правовой литературе общепризнанным можно считать, что «сердцевиной» правовой нормы является ее диспозиция.

Только В. Г. Смирнов утверждает, что уголовноправовая норма, адресуемая гражданам, состоит только из гипотезы и санкции, не имея диспозиции⁴⁴, однако и он весьма непоследователен в этом вопросе.

Проф. П. Е. Недбайло подчеркивает, что диспозиция содержит в себе требования нормы, устанавливает обязанности субъектов, определяет поступки людей. В диспозиции говорится, как должны вести себя адресаты нормы⁴⁵.

Другие авторы указывают на то, что диспозиция является распоряжением относительно правила поведения, устанавли-

---

⁴¹ О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 21.

⁴² Там же.

⁴³ См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 193—194.

⁴⁴ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 34—35.

⁴⁵ См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 62.

ваемым нормой, правилом поведения⁴⁶, содержанием правила поведения или изложением содержания правила поведения, заключенного в правовую норму⁴⁷.

Говорится также, что диспозиция излагает, формулирует само предписание, выражает само правило поведения⁴⁸, что она указывает на требуемое или дозволяемое поведение участников регулируемого отношения⁴⁹, определяет дозволенное, запрещаемое или требуемое поведение субъектов правовых отношений⁵⁰.

Авторы «Общей теории советского права» указывают, что в диспозиции (распоряжении) выражается требование известного поведения, властное указание на тот вариант поведения, который наиболее соответствует воле всего народа в социалистическом обществе⁵¹.

Предлагаемая ими характеристика диспозиции правовой нормы в целом приемлема для определения диспозиции уголовноправовой нормы.

Любая уголовноправовая норма, адресована ли она гражданам или органам власти, содержит определенное правило поведения — предписание вести себя в соответствующей обстановке только определенным образом. Форма изложения диспозиции уголовноправовой нормы в нормативном акте — статье уголовного закона несколько иная. Содержащиеся в диспозиции запрет или требование текстуально не выражены, однако со всей определенностью вытекают из статьи закона. Если в ст. 98 УК Латв. ССР не указано, что запрещается совершать умышленное убийство, а только указано, что умышленное убийство наказывается, то вряд ли может возникнуть сомнение в том, что диспозиция изложенной в этой статье уголовноправовой нормы запрещает умышленное убийство

⁴⁶ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 114; А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 169; А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. МГУ, М., 1959, стр. 29; И. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, Госюриздат, М., 1961, стр. 153.

⁴⁷ См. М. П. Карева и А. М. Айзенберг. Правовые нормы и правоотношения. ВЮЗИ, М., 1949, стр. 14.

⁴⁸ См. Основы теории государства и права. «Юридическая литература», М., 1963, стр. 415.

⁴⁹ См. Ю. Т. Ткаченко. Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1960, стр. 17; Н. С. Элькин д. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 22; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 117.

⁵⁰ См. Законодательства техника. ЛГУ, Л., 1965, стр. 29.

⁵¹ См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 201.

или, иными словами, что требует воздержаться от такого действия.

Гипотезу правовой нормы большинство авторов определяет как указание на те условия или на тот вид фактических обстоятельств, при которых должна применяться и использоваться данная правовая норма⁵².

Другие авторы определяют гипотезу как указание на те фактические конкретные жизненные обстоятельства, при наличии которых подлежит исполнению соответствующее правило поведения⁵³, или при наличии которых применяется выраженное в диспозиции правило⁵⁴.

Определения гипотезы правовой нормы свидетельствуют о том, что по этому вопросу нет существенных разногласий между различными авторами. Следует отметить, что часть авторов под гипотезой понимает условия осуществления самого правила поведения (**диспозиции**), другая же часть — условия осуществления **нормы**. Если под нормой права в данном случае понимается содержащееся в норме правило поведения, т. е. диспозиция нормы⁵⁵, то тогда отпадают расхождения по существу.

Совершенно справедливо подчеркивают М. М. Агарков и П. Е. Недбайло, что «гипотеза служит для того, чтобы установить область действия диспозиции»⁵⁶, что «роль гипотезы состоит в служении диспозиции»⁵⁷.

⁵² См. А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. МГУ, М., 1956, стр. 27; Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, М., 1960, стр. 203; А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, М., 1960, стр. 170; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 414; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 152; Теория государства и права. МГУ, М., 1967, стр. 289.

⁵³ См. Ю. Г. Ткаченко. Нормы социалистического права, М., 1960, стр. 16.

⁵⁴ См. Законодательная техника. ЛГУ, Л., 1965, стр. 29; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 117.

⁵⁵ Так, П. Е. Недбайло, определяя гипотезу правовой нормы, говорит, что она «указывает на обстоятельства, при которых норма, точнее диспозиция нормы (подчеркнуто мною — М. Б.) применяется, соблюдается и исполняется» (П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития. — В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 125).

⁵⁶ М. М. Агарков. Нормы права. — В сб. Теория государства и права (макет учебника). М., 1948, стр. 421.

⁵⁷ П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития. — В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 125.

Это положение многими авторами игнорируется при анализе структуры уголовноправовой нормы. Под гипотезой понимается вовсе не условие осуществления содержащегося в диспозиции правила поведения, а, как мы ниже покажем, условие применения санкции.

Так, Н. Д. Дурманов указывает, что «на долю гипотезы в уголовноправовой норме остается только одно, но важное условие — совершение деяния, содержащего все признаки, обозначенные в уголовноправовой норме, т. е. все признаки состава данного преступления.

Гипотеза говорит о наличии юридического факта в виде совершения преступления, но описание его содержится в диспозиции»⁵⁸.

Эту же мысль, но более четко проф. Н. Д. Дурманов излагает еще раз. «К более узкому кругу государственных органов и должностных лиц **санкция** адресуется и для непосредственного осуществления, если лицом... совершено преступление, т. е. **налицо условие, которое содержится в гипотезе уголовноправовой нормы**. Совершение преступления является юридическим фактом, влекущим **возможность реального применения санкции**»⁵⁹ (подчеркнуто мною — М. Б.).

С таким утверждением трудно согласиться.

Гипотеза любой нормы, в том числе и уголовноправовой, предполагает условия, при наличии которых реализуется или осуществляется предусмотренное диспозицией распоряжение относительно правила поведения. Реализовать правило поведения означает проводить его в жизнь, осуществлять его требование. Если лицо не совершает преступлений, оно реализует требования норм уголовного права без вмешательства специальных государственных органов. Нельзя упускать из виду, что применение нормы права государственными органами лишь одно из средств его реализации. Этого не отрицает и Н. Д. Дурманов. Наоборот, он утверждает, что советская уголовноправовая норма реально действует с момента издания и введения в действие закона, в котором она содержится (а не с момента применения санкции), потому что с этого момента она оказывает предупреждающее воздействие на неустойчивых людей и общее воспитательное воздействие. «Первая задача уголовноправовой нормы, — говорит Н. Д. Дурманов, — предупреждать преступления путем, прежде всего, отнесения

⁵⁸ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 117—118.

⁵⁹ Там же, стр. 139.

деяния к числу преступных, запрещения его и установления за него наказания»⁶⁰.

Но как же быть с гипотезой уголовноправовой нормы? «Реальное бытие» советской уголовноправовой нормы налицо, а уголовноправовая норма существует в этом случае без гипотезы, потому что преступление не совершено, т. е. отсутствует «условие, которое содержится в гипотезе уголовноправовой нормы».

Однако без гипотезы не может существовать уголовноправовая норма. Для того чтобы правило, предусмотренное уголовноправовой нормой, могло быть реализовано гражданами, им должно быть известно не только само это правило, но и условия, при которых необходимо его осуществить.

Правильное установление гипотезы уголовноправовой нормы во многих случаях представляет значительные трудности.

Этими трудностями, по нашему мнению, следует объяснить весьма широко распространенную в общей теории советского права, как и в теории уголовного права точку зрения о слиянии гипотезы с диспозицией в нормах Особенной части уголовного законодательства. Некоторые авторы в этом усматривают даже специфику этих норм.

Следует обратить внимание на то, что часть авторов имеет в виду не слияние логических структурных элементов правовой нормы, а специфику формы изложения этих структурных элементов в одной статье закона. Такого мнения придерживается проф. П. Е. Недбайло, который указывает, что в статьях уголовного кодекса, которые предусматривают отдельные виды преступлений, диспозиция и гипотеза нормы слиты в первой части статьи, что расчленив их можно только путем логических приемов⁶¹.

О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский также полагают, что нормы особенной части уголовного законодательства построены таким образом, что гипотеза и диспозиция в них сливаются в одном и том же словесном выражении. В качестве примера они приводят ч. 1 ст. 206 УК РСФСР, в которой определено наказание за хулиганство. Санкция этой нормы, по мнению авторов, выражена в законе достаточно ясно, а гипотеза и диспозиция в самом законодательном тексте друг от друга не отделены, хотя из нормы следует, что ее диспозиция содержит запрет совершать хулиганские действия, а гипотеза

⁶⁰ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 137.

⁶¹ См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 66—67.

заключается в том, что данная норма подлежит применению в случае совершения хулиганских действий⁶².

В данном случае речь может идти только о применении санкции, а не диспозиции, т. е. гипотеза рассматривается как условие применения санкции.

Аналогичная точка зрения высказана А. С. Пиголкиным. По его мнению, в нормах, которые по форме своего выражения носят запретительный характер, гипотеза и диспозиция настолько тесно слиты между собой, что расчленив их можно только путем логического анализа смысла данной нормы права. «В нормах подобного рода, утверждает А. С. Пиголкин, содержится запрет совершать определенные действия, то есть распоряжение; эти запрещаемые действия являются в то же время и критерием оценки поведения субъекта с точки зрения его противоправности или, наоборот, соответствия правовым предписаниям»⁶³.

А. С. Пиголкин предлагает все составные элементы подобных норм сформулировать следующим образом: «определенное действие является противоправным, и его осуществление запрещается (диспозиция). Если же будет совершено подобное действие (гипотеза), то как необходимое следствие должны быть применены определенные меры государственного воздействия (санкция)»⁶⁴.

Таким образом, этими авторами, как нам представляется, неправильно оценивается роль гипотезы уголовноправовых норм.

Г. И. Шатков⁶⁵ и некоторые другие говорят о структурном слиянии гипотезы и диспозиции. Поэтому они приходят к выводу, что нормы уголовного права состоят из диспозиции, заключающей в себе и гипотезу, и санкции⁶⁶.

Ошибочность этой последней точки зрения, как нам представляется, в том, что авторы смешивают общетеоретическую формулу правовой нормы со структурой конкретных статей закона.

Трудно согласиться также с точкой зрения авторов монографии «Законодательная техника» (Д. А. Керимов, Л. С. Явич и др.), которые прямо указывают на то, что гипо-

⁶² См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 153.

⁶³ А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, 1960, стр. 177.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См. Г. И. Шатков. Советская правовая норма. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1962, стр. 11.

⁶⁶ См. Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 119.

теза является обязательным условием применения санкции норм Особенной части уголовного права.

Таким условием применения санкции, относящимся к гипотезе, они считают достижение субъектом правонарушения определенного возраста. Для уголовноправовых норм, содержащихся в главе о воинских преступлениях, условием применения санкции — гипотезой — они считают указание на специального субъекта, содержащееся в ст. 237 УК РСФСР⁶⁷.

Таким образом, по мнению авторов упомянутой монографии, само правило поведения относится к диспозиции уголовноправовой нормы, а указание на круг лиц, к которым это правило обращено, составляет условие применения санкции — гипотезу.

Нам представляется, что нельзя логически отрывать само правило поведения — запрет совершать определенные действия или требование определенным образом действовать — от круга лиц, которым это правило поведения адресовано и которые обязаны его соблюдать. Поэтому адресаты уголовноправовой нормы устанавливаются в диспозиции, а не в гипотезе⁶⁸. Правило поведения, если оно никому конкретно не адресовано, не может быть соблюдено и теряет смысл.

Кроме того, упомянутые авторы упускают из виду, что нормы советского права могут быть обращены только к гражданам, способным по своему умственному и психическому развитию согласовать свое поведение с требованием этих норм. Нормы поведения регулируют только поведение людей, которое зависит от их воли, которое охватывается их сознанием и волей.

Именно поэтому достижение определенного возраста и наличие вменяемости являются необходимыми условиями уголовной ответственности. «Где нет вменяемого человека, достигшего законом установленного возраста, там нет и вопроса об уголовной ответственности и составе преступления»⁶⁹.

Справедливо и утверждение Н. Ф. Кузнецовой, что «признаки общего субъекта, определяемые возрастом и вменяемостью, охватываются понятием уголовноправового действия (бездействия) и виной»⁷⁰.

⁶⁷ См. Законодательная техника. ЛГУ, Л., 1965, стр. 30.

⁶⁸ См. также Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 117.

⁶⁹ А. Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. Госюриздат, М., 1957, стр. 191.

⁷⁰ Н. Ф. Кузнецова. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовноправовой нормы. — Вестник Московского университета, 1967, № 4, стр. 41.

Тот факт, что указания на достижение определенного возраста и вменяемость содержатся в нормах Общей части уголовного законодательства, вовсе не означает, что эти признаки не относятся к диспозиции уголовноправовой нормы.

Из сказанного следует, что правильно установить гипотезу уголовноправовой нормы во многих случаях затруднительно.

В связи с этим П. Е. Недбайло справедливо отметил, что для правильного применения и использования норм права необходимо умение найти элементы нормы в статьях закона и умение пользоваться этими элементами⁷¹.

Санкция правовой нормы одной частью ученых определяется как последствие неисполнения, несоблюдения нормы⁷², как неблагоприятные последствия, обеспечивающие соблюдение правовой нормы и применяемые при нарушении этой нормы⁷³, как указание на невыгодные последствия, которые наступают для лиц, не выполнивших предписанного нормой поведения⁷⁴.

Другие ученые определяют санкцию как специальную меру обеспечения соблюдения правовых норм, меру государственного воздействия на правонарушителей, как меру государственного принуждения, применяемого в случае нарушения данной нормы⁷⁵.

Некоторыми авторами высказывается мнение, что санкция — мера наказания за нарушение предписаний, содержащихся в диспозиции правовой нормы⁷⁶. С этим последним мнением

---

⁷¹ См. П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития. В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 119.

⁷² См. Теория государства и права. МГУ, М., 1967, стр. 289; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 152; Теория государства и права. Госюриздат, М., 1949, стр. 118; Законодательная техника. ЛГУ, Л., 1965, стр. 29; П. С. Элькинд. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, стр. 23.

⁷³ См. А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. В сб. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, М., 1960, стр. 178.

⁷⁴ См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 63; Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 114.

⁷⁵ См. М. П. Кареван и А. М. Айзенберг. Правовые нормы и правоотношения. ВЮЗИ, М., стр. 14; А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. МГУ, М., 1956, стр. 30; Основы теории государства и права. Госюриздат, М., 1963, стр. 416; О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 28.

⁷⁶ См. А. В. Рыбин. Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского государственного университета, том XV, вып. 3, Юридические науки, 1958, стр. 42.

нельзя согласиться. Оно сужает понятие санкции. Как мы ниже покажем, в целом ряде случаев санкция не предполагает вовсе применения наказания, а предусматривает отмену незаконных актов (правовосстановительные санкции). Следует согласиться с О. Э. Лейстом, что наиболее общим, основаным признаком правовой нормы является указание на меру принуждения, осуществляемую в случае правонарушения органами государства⁷⁷. Совершенно справедливо указывает О. Э. Лейст, что меры, указанные в санкции правовой нормы, принудительно применяются к правонарушителю органами государства, что правонарушитель не может предотвратить их применение, что даже вопрос о замене применения мер государственного принуждения мерами общественного воздействия решается в каждом случае органами государства⁷⁸.

8. Господствующим в советской юридической литературе является мнение, что для **всякой** правовой нормы характерно наличие гипотезы, диспозиции и санкции⁷⁹.

Так, П. Е. Недбайло в своих монографиях, посвященных советской правовой норме, пришел к выводу, что в соответствии со своим содержанием всякая норма права логически расчленяется на три части: диспозицию (распоряжение, само правило поведения), гипотезу (указание условий осуществления нормы) и санкцию, которая содержит указание на те невыгодные последствия, которые наступают для лиц, не выполнивших предписанной нормой поведения. Санкция, таким образом, отражает способность государства принудить к выполнению норм⁸⁰.

П. Е. Недбайло полагает, что такая структура свойст-

---

⁷⁷ О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 28.

⁷⁸ Там же, стр. 28—29.

⁷⁹ См. Ю. Г. Ткаченко. Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1955, стр. 19; А. Ф. Шебанов. Нормы советского социалистического права. МГУ, М., 1956, стр. 26—27; его же, Вопросы правовой нормы и нормативных актов в советском праве. — Советское государство и право, 1964; № 7, стр. 100; Д. А. Керимов. Кодификация и законодательная техника. М., 1962, стр. 67; Законодательная техника, под ред. Д. А. Керимова, Л., 1965, стр. 29—31; П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 61; его же, Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития. — В сб. Право и коммунизм. М., 1965, стр. 118—119; А. С. Пиголкин. Нормы советского социалистического права и их структура. — В сб. Вопросы общей теории советского права. М., 1960, стр. 169—187; Г. И. Шатков. Советская правовая норма. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1962, стр. 11; Теория государства и права, под ред. А. И. Денисова. МГУ, М., 1967, стр. 289—291.

⁸⁰ См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 63.

венна только правовой норме, вытекает из ее юридической природы и назначения в общественной жизни⁸¹.

И. С. Самощенко, О. Э. Лейст и А. С. Пиголкин утверждают, что нормы права подлежат реализации всегда только при наличии определенных условий и отношений, причем их осуществление обеспечивается определенными мерами воздействия, установленными государством, ибо «при реализации любого предписания законодательства неизбежно должен возникнуть вопрос: «Кто и при каких обстоятельствах должен реализовать это предписание?» Без ответа на этот вопрос предписание практически не будет осуществляться. Поэтому любая правовая норма должна сопровождаться указанием на то, кто, когда (при каких условиях, в каком порядке) должен его осуществить»⁸².

Таким образом, эти авторы приходят к выводу, что определение условий реализации нормы права, которую принято называть «гипотезой», является необходимым структурным атрибутом правовой нормы. Возможность государственного принуждения они считают специфическим признаком всех норм советского права, поэтому исключают существование таких норм права, которые не предусматривали бы возможность государственного принуждения — санкции, применяемой в случае нарушения установленного нормой права (диспозицией) поведения⁸³.

9. Однако не все советские ученые соглашались с трехчленной структурой правовой нормы.

В советской литературе последних лет высказывается и другой взгляд на структуру нормы права. Некоторые авторы полагают, что вовсе не всякая правовая норма предполагает наличие трех структурных элементов или атрибутов.

Так, некоторые теоретики права, например, А. В. Рыбин⁸⁴, С. В. Курылев⁸⁵, Н. П. Томашевский⁸⁶, а в теории уголовного

---

⁸¹ См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 62.

⁸² Общая теория советского права, под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 191—192.

⁸³ Там же.

⁸⁴ См. А. В. Рыбин. Виды и структуры правовых норм. Ученые записки Пермского государственного университета, т. XV, вып. 3, Юридические науки, 1958, стр. 37—41.

⁸⁵ См. С. В. Курылев. О структуре юридической нормы. Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, т. XXVII, серия юридическая, вып. 4, 1958, стр. 184.

⁸⁶ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 194 и след.

права Я. М. Браинин⁸⁷ и В. Г. Смирнов⁸⁸ отрицают трехчленную структуру нормы права.

По существу такого же мнения придерживаются О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский⁸⁹. Эти авторы приходят к выводу, что для большинства норм достаточно двух структурных элементов, причем в качестве таких норм, которые характеризуются только двумя элементами, признают нормы уголовного права.

А. В. Рыбин отрицает необходимость гипотезы как структурного элемента уголовноправовой нормы.

С. В. Курылев пришел к выводу, что юридическая норма может быть и без санкции. Он полагает, что любая норма права состоит только из двух элементов: гипотезы, «как предположения условий — юридически значимых обстоятельств, и диспозиции, как распоряжения о последствиях — возникновении, изменении или прекращении правоотношений»⁹⁰.

В качестве примера С. В. Курылев приводит норму Особенной части уголовного права, предусмотренную ст. 140а УК РСФСР (1926 г.), в которой «понуждение женщин к производству аборта (гипотеза), создает у компетентных государственных органов право установить ответственность в виде тюремного заключения на срок до двух лет (диспозиция)»⁹¹.

Санкция, по мнению С. В. Курылева, не является третьим элементом юридической нормы. Она якобы служит разновидностью юридических последствий, образующих элемент не любых, а лишь правоохранительных норм⁹².

Характерно, что почти все авторы, отрицающие трехчленную структуру правовой нормы, в качестве примеров приводят уголовноправовые нормы, структурной особенностью которых, якобы, является их двухчленность.

Поэтому следует остановиться на доводах, выдвинутых этими авторами в обоснование их положений.

Так, А. В. Рыбин, исходя из того, что структура правовой нормы определяется характером самой нормы права, т. е. видом общественных отношений, которые она регулирует, утверждает, что нельзя конструировать структуру нормы права,

⁸⁷ См. Я. М. Браинин. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 40—43.

⁸⁸ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 34—35.

⁸⁹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, М., 1961, стр. 158—160.

⁹⁰ С. В. Курылев. О структуре юридической нормы. — Труды Иркутского государственного университета, том XXVII, серия юридическая, вып. 4, 1958, стр. 184.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 184—189.

годную для всех правовых норм. Он возражает против стремления «навязать» определенную структуру всем нормам права, что, по его мнению, приводит к «отысканию гипотезы там, где ее нет и не должно быть», и к необходимости «привязывать» санкцию к норме права, когда к этому нет никаких оснований⁹³. Он утверждает, что гипотезы вообще не должно быть в уголовноправовых нормах, потому что в них перечислены социально опасные действия, рассматриваемые как преступления.

«Запретительная норма права не нуждается в предположениях, — утверждает А. В. Рыбин, так как они несовместимы с ее категорическим характером. Поэтому правильное будет признать, что нормы уголовного права (Особенная часть) состоят только из диспозиции и санкций, т. е. властного распоряжения, коим запрещаются конкретные действия, и санкции, предусматривающей наказание за совершение запрещенного действия»⁹⁴.

Таким образом, отрицается необходимость гипотезы для всех запретительных норм права и отдельных установительных норм.

А. В. Рыбин приходит к выводу, что могут быть нормы права, не имеющие также и санкции. Больше того, он утверждает, что подавляющее большинство норм различных отраслей права не имеет санкций (в том числе и общая часть уголовного кодекса, якобы, не содержит санкций за нарушение предписания диспозиции)⁹⁵.

С мнением А. В. Рыбина нельзя согласиться. Во-первых, нельзя согласиться с его утверждением, что категорический характер нормы уголовного права несовместим с каким и бы то ни было предположениями, т. е. что в нормах Особенной части уголовного права не может быть гипотезы⁹⁶. Во-вторых, нельзя согласиться и с тем, что в нормах Общей части уголовного права отсутствуют санкции. Однако, А. В. Рыбин вынужден признать, что отсутствие санкций в этих нормах не свиде-

---

⁹³ А. В. Рыбин. Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского государственного университета, том XV, вып. 3. Юридические науки, 1958, стр. 41.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 42.

⁹⁶ Совершенно правильно отметил П. Е. Недбайло, что такие утверждения неверны с принципиальной стороны. Признание наличия безусловных норм означало бы установление условий их применения по усмотрению применяющего, что характерно для режима произвола и беззакония (П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 64).

тельствует о невозможности государственного принуждения в случае нарушения; принуждение осуществляется на основании иных нормативных актов⁹⁷.

Как мы полагаем, автор смешивает элементы нормы и форму ее изложения в нормативном акте.

О смешении структуры нормы уголовного права со структурой статьи уголовного закона свидетельствует, на наш взгляд, предложенное также А. В. Рыбиным деление диспозиций на три вида: абстрактную, казуистическую и бланкетную, в особенности выделение в качестве самостоятельного вида диспозиции уголовноправовой нормы так называемой бланкетной диспозиции⁹⁸.

Мы согласны с тем, что диспозиция статьи уголовного закона может быть бланкетной. Под такой диспозицией мы понимаем определенный технический прием законодателя, когда он не отражает само требуемое правило поведения — диспозицию уголовноправовой нормы — в статье закона, а отсылает к другому нормативному акту.

Диспозиция уголовноправовой нормы бланкетной быть не может. Она всегда содержит четкое распоряжение о требуемом поведении, хотя признаки требуемого поведения изложены не в одном, а в нескольких нормативных актах⁹⁹.

Таким образом, А. В. Рыбин анализ структуры уголовноправовой нормы подменяет анализом структуры закона. Он не пытается проделать требуемую логическую операцию для установления необходимых атрибутов уголовноправовой нормы, а ищет гипотезу и санкцию только в том нормативном акте, в котором зафиксирована диспозиция и, не найдя их, приходит к выводу, что в одних нормах уголовного права (Особенная часть) отсутствует гипотеза, в других (Общая часть) отсутствует санкция. Как мы покажем в дальнейшем, нет никакого основания для утверждения, что отсутствие одного или другого структурного элемента или атрибута является спецификой норм уголовного права.

Поэтому нельзя согласиться также с мнением Н. П. Томашевского, что учение о том, что правовая норма состоит из трех элементов — гипотезы, диспозиции и санкции — покоится на «существенном заблуждении», что в действительности состав правовой нормы исчерпывается двумя элемен-

---

⁹⁷ См. А. В. Рыбин. Виды и структура правовых норм. — Ученые записки Пермского государственного университета, том XV, вып. 3, юридические науки, 1958, стр. 42.

⁹⁸ Там же, стр. 43—44.

⁹⁹ См. Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 122.

тами: *гипотезой*, указывающей на условия, при наличии которых данная норма подлежит применению, и *диспозицией*, устанавливающей то право, которое должно применяться при наличии этих условий.

Таких норм права, которые состоят из трех элементов, якобы, вообще не существует. Ошибочность «традиционного учения», по мнению Н. П. Томашевского, заключается в утверждении, что санкция является третьим составным элементом правовой нормы и присуща каждой норме права¹⁰⁰. Он согласен с тем, что «всякая система права неразрывно связана с государственным принуждением, обеспечивающим соблюдение соответствующих норм права¹⁰¹, но не считает возможным сделать из этого вывод о том, что санкции необходимы в каждой правовой норме¹⁰².

«Суждения, чрезмерно расширяющие сферу применения государственного принуждения в советском праве, — говорит Н. П. Томашевский, — противоречат реальной действительности, особенно в настоящее время, то есть в период перехода советского общества от социализма к коммунизму, когда сфера применения государственного принуждения существенно сокращается»¹⁰³.

Это утверждение Н. П. Томашевского подвергнуто справедливой критике В. Г. Смирновым, который указывал на то, что Н. П. Томашевский смешивает вопросы понятия нормы права и права вообще с вопросами осуществления в социалистических общественных отношениях предписаний норм советского законодательства. Добровольное осуществление правовых предписаний большинством советских людей не влияет на характеристику норм права как предписаний, обеспеченных возможностью государственного принуждения¹⁰⁴.

Доводы Н. П. Томашевского противоречат также указанию Программы КПСС о необходимости повышения роли и значения норм права в современный период. В Программе КПСС говорится, что «большое значение приобретает дальнейшее укрепление социалистического правопорядка, совершенствование правовых норм, регулирующих хозяйственно-организаторскую и культурную воспитательную работу, содействующих

¹⁰⁰ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 203.

¹⁰¹ Там же, стр. 221.

¹⁰² Там же, стр. 223.

¹⁰³ Там же, стр. 204.

¹⁰⁴ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 37—38.

решению задач коммунистического строительства и всестороннему расцвету личности»¹⁰⁵.

Поэтому в юридической литературе неоднократно подчеркивается, что повышение роли права достигается не путем утраты им своих специфических признаков, а путем укрепления незыблемости его норм, «не путем разрушения структуры его норм, а путем... совершенствования его норм и их внутренней структуры»¹⁰⁶.

Принудительные санкции, как утверждает Н. П. Томашевский, присущи лишь определенным нормам уголовного права¹⁰⁷, однако из анализа структуры норм Особенной части уголовного права, данного Н. П. Томашевским, вытекает, что он не признает санкцию структурным элементом и этих уголовноправовых норм. Анализируя структуру уголовноправовой нормы, содержащую санкцию, т. е. уголовноправовую норму Особенной части, Н. П. Томашевский утверждает, что санкция оказывается не следствием нарушения данной нормы, а следствием такого поведения, которое вполне соответствует диспозиции¹⁰⁸. «Уголовноправовые нормы, по мнению Н. П. Томашевского, вообще не нарушаются и не могут быть нарушены теми, к кому они применяются, так как нарушение этих норм практически возможно только со стороны суда, который обязан их применять»¹⁰⁹.

Иными словами, Н. П. Томашевский пришел к выводу, что в нормах, которые запрещают совершать определенные деяния, диспозиция одновременно выполняет и роль гипотезы, «так как данная норма применяется в каждом отдельном случае лишь при совершении указанного в диспозиции запрещаемого деяния»¹¹⁰. Таким образом Н. П. Томашевский полагает, что в норме особенной части уголовного права диспозиция (первый элемент нормы) соответствует гипотезе в других нормах, а распоряжение адресату содержится в санкции

¹⁰⁵ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, стр. 105.

¹⁰⁶ П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общества. В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 127.

¹⁰⁷ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 207.

¹⁰⁸ Там же, стр. 217.

¹⁰⁹ Там же, стр. 218.

¹¹⁰ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 218.

нормы, предписывающей адресату нормы — суду — определить конкретную меру наказания¹¹¹.

Такую же точку зрения высказал Я. М. Браинин¹¹². Он полагает, что в уголовном законе, который определяет преступность и наказуемость общественно опасного деяния, роль гипотезы выполняет его диспозиция.

В диспозиции уголовного закона описывается состав преступления, т. е. указываются условия, при которых применяется данный уголовный закон, поэтому Я. М. Браинин в целях соблюдения единства терминологии, предлагает диспозицию уголовного закона называть гипотезой¹¹³.

Он полагает, что диспозиция уголовного закона содержит «свойственное всякой правовой норме предположение о возможности применения санкции при наличии в конкретном деянии признаков, описанных в диспозиции»¹¹⁴. Я. М. Браинин пытался показать, каким образом и в какой мере структура правовой нормы выражается в уголовном законе, однако этого сделать ему не удалось, потому что структура уголовно-правовой нормы рассматривается им в отрыве от ее основного назначения — предупреждения преступлений. Им, также как и Н. П. Томашевским, анализируется структура уголовно-правовой нормы только с позиций ее применения соответствующими государственными органами при наличии уголовно-правового отношения.

Позиция упомянутых авторов по вопросу о структуре норм Общей части уголовного законодательства противоположна.

Так, Н. П. Томашевский, в нормах Общей части уголовного кодекса не находит санкции «даже в самом широком смысле этого слова»¹¹⁵ потому, что считает недопустимым «поиски» элементов правовой нормы в разных статьях закона и тем более в разных законодательных актах¹¹⁶.

Я. М. Браинин, наоборот, считает, что отсутствие санкций в статьях Общей части уголовного законодательства не означает, что они лишены обязательной и принудительной силы, и приходит к совершенно правильному выводу, что соблюдение

---

¹¹¹ См. Н. П. Томашевский. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 253—254.

¹¹² См. Я. М. Браинин. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 40—41.

¹¹³ Там же, стр. 40.

¹¹⁴ Там же, стр. 41.

¹¹⁵ См. Н. П. Томашевский. С структуре правовой нормы и классификации ее элементов. В сб. Вопросы общей теории права. Госюриздат, М., 1960, стр. 213.

¹¹⁶ Там же, стр. 222.

норм Общей части обеспечивается нормами других отраслей права¹¹⁷.

Такой же точки зрения придерживаются по существу И. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, исходя из того, что «норма права есть установленная или санкционированная государством и охраняемая им норма общеобразовательного поведения людей как участников регулируемых нормой повторяющихся общественных отношений» и делают вывод о том, что структурными элементами юридической нормы являются диспозиция, гипотеза и санкция¹¹⁸. Эти авторы совершенно справедливо указывают, что «поскольку норма права есть правило общеобязательного поведения, то без такого правила немыслимо существование самой юридической нормы»¹¹⁹, поэтому диспозицию нормы права они признают необходимым и решающим составным элементом для всякой нормы права. Далее, исходя из того, что норма права есть правило общеобязательного поведения в сфере регулируемых ею повторяющихся общественных отношений, делается обоснованный вывод, что норма права должна содержать указание на те условия, при наличии которых эта норма требует соблюдения установленного ею правила поведения, следовательно и гипотеза является необходимым элементом для каждой нормы права¹²⁰.

И, наконец, подчеркивается, что соблюдение нормы права обеспечивается мерами государственной охраны, в противном случае она перестала бы быть нормой права.

Однако эти авторы считают, что санкция не является обязательным элементом всякой нормы, что только часть норм обладает своей собственной санкцией.

Нормы права иногда охраняются при помощи других юридических норм, в том числе при помощи их санкций. Некоторые нормы охраняются всей системой действующего права, всей совокупностью его норм.

Поэтому О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский приходят к выводу, что в отличие от обязательных элементов структуры правовой нормы (гипотезы и диспозиции) санкция не должна входить в состав элементов каждой нормы; охрана нормы может быть обеспечена посредством санкций, содержащихся в

---

¹¹⁷ См. Я. М. Браинин. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 42.

¹¹⁸ О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. «Юридическая литература», М., 1961, стр. 155.

¹¹⁹ Там же, стр. 155.

¹²⁰ Там же, стр. 156.

других юридических нормах, либо при помощи всей системы действующего права¹²¹.

Мы полагаем, что все авторы, которые отрицают санкцию как обязательный атрибут правовых норм потому, что эти нормы якобы не имеют «своих санкций», неправильно воспринимают структуру правовой нормы.

Как правильно подчеркивает О. Э. Лейст, «санкцию следует рассматривать не как «составную часть» ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ нормы права, а как ее необходимый атрибут»¹²². Она нередко определяется нормой, относящейся к другой отрасли права, чем диспозиция.

Такого же мнения придерживается и П. С. Элькинд, которая совершенно определенно высказывается за «трехчленную» структуру норм уголовно-процессуального права¹²³, но при этом признает, что некоторые нормы уголовно-процессуального права охраняются как своими санкциями, так и санкциями других правовых норм. Так, П. С. Элькинд показывает, что «не только санкциями норм уголовно-процессуального права (возможность привода и др.), но и санкциями соответствующих норм уголовного права обеспечивается явка свидетелей, потерпевших, экспертов по вызову органов дознания, следствия, прокуратуры, суда и дача ими правдивых показаний (заклучений); в известной мере санкциями норм гражданского права — рассмотрение и разрешение гражданского иска в уголовном судопроизводстве; санкциями норм государственного и административного права — прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве и др.»¹²⁴.

Однако из того вовсе не делается вывод, что санкция не является структурным элементом уголовно-процессуальной нормы.

П. С. Элькинд и О. Э. Лейст приходят, на наш взгляд, к совершенно правильному выводу, что санкцию следует рассматривать не как структурный элемент отдельно взятой нормы, а как ее необходимый атрибут¹²⁵.

Такого же мнения придерживается и Я. М. Браинин, характеризуя санкции норм Общей части уголовного законодательства¹²⁶.

¹²¹ См. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. «Юридическая литература», М., 1961, стр. 156—160.

¹²² О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 21.

¹²³ См. П. С. Элькинд. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 23.

¹²⁴ Там же, стр. 28.

¹²⁵ Там же, стр. 29.

¹²⁶ См. Я. М. Браинин. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 42.

10. Таким образом, мы приходим к выводу, что для любой нормы уголовного права характерна трехчленная структура, что «эта схема побуждает практических работников к тщательному и всестороннему анализу нормативного материала во всем его объеме, к сопоставлению неразрывно связанных между собой статей закона и нормативных актов, к выделению «элементов», образующих одно правовоположение, к определению условий применения правовой нормы, ее содержания, последствий ее нарушения»¹²⁷.

Как мы уже показали, сущность самой трехчленной схемы уголовноправовой нормы понимается в теории права различно. Мы полностью согласны с авторами «Общей теории советского права», которые отказываются включить гипотезу и санкцию в правовую норму в качестве ее составных частей, по мнению которых, «диспозиция — это и есть правовая норма»¹²⁸, а гипотеза и санкция являются ее необходимыми атрибутами, без которых норма права не может существовать¹²⁹.

Справедливо указывается, что структура правовой нормы основывается на взаимосвязи правовых норм, на «системности права». «Та или иная норма приобретает необходимые атрибуты, только включаясь в систему права, выступая в связи с другими нормами, определяющими ее санкцию и гипотезу»¹³⁰.

И. С. Самощенко, О. Э. Лейст и А. С. Пиголкин правильно подчеркивают, что одни нормы определяют гипотезы и санкции других норм, но, взятые в определенном аспекте, сами также выступают как правовые нормы¹³¹ и в свою очередь имеют гипотезы и санкции. «Структура правовой нормы, выражаемая формулой «если-то-иначе», как раз и основывается

¹²⁷ О. Э. Лейст. К вопросу о структуре правовой нормы. — Ученые записки ВЮОН, вып. 15, 1963, стр. 30.

¹²⁸ Авторы, отвергающие мнение о том, что диспозиция является самой нормой права, все же употребляют эти понятия как совпадающие.

¹²⁹ См. Общая теория советского права. Госюриздат, М., 1966, стр. 193; О. Э. Лейст. К вопросу о структуре правовой нормы. — Ученые записки ВЮОН, вып. 15, 1963, стр. 19; О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 21.

¹³⁰ Общая теория советского права. М., 1966, стр. 193—194.

¹³¹ Следует отметить, что С. В. Курылев еще раньше указывал на то, что «само правило поведения есть не часть нормы — диспозиция, — а вся норма в целом», что это же самое можно утверждать и в отношении санкции, а в ряде случаев — и в отношении гипотезы. Иными словами, С. В. Курылев пришел к совершенно правильному выводу, что в каждом элементе нормы содержится определенное правило поведения (С. В. Курылев. О структуре юридической нормы. Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, том XXVII, выпуск 4, серия юридическая, 1958, стр. 182).

на этой взаимосвязи («системности») правовых норм, позволяя выделять путем анализа нормативного материала те нормы, которые неразрывно связаны между собой¹³².

При анализе высказанных отдельными авторами точек зрения о двухчленности уголовноправовой нормы (в разных вариантах — при «отсутствии» гипотезы, диспозиции или санкции), а также точки зрения некоторых авторов о слиянии гипотезы и диспозиции в уголовноправовой норме, бросается в глаза именно игнорирование взаимосвязи и взаимообусловленности правовых норм, тенденция вскрыть их внутреннюю структуру вне системы права, с одной стороны, и неправильный, несколько однобокий подход к анализу правового материала, — с другой.

Игнорирование существующей связи между нормами права привело многих авторов к неправильному выводу о двухчленной структуре уголовноправовой нормы, в частности о том, что санкция не является обязательным элементом правовой нормы.

Однобокий анализ нормативного материала привел многих авторов к выводу о слиянии гипотезы и диспозиции в уголовноправовой норме к неправильному анализу норм Общей части уголовного законодательства, к смешению структуры уголовноправовой нормы и структуры статьи уголовного закона, т. е. к неправильной оценке структурной формулы нормы уголовного права.

Для того, чтобы правильно пользоваться «трехчленной формулой» применительно к нормам уголовного права, следует учитывать, что она «не имеет постоянного, стабильного содержания и лишь абстрактно определяет атрибут любой правовой нормы независимо от ее содержания. Конкретное содержание этой формулы меняется в зависимости от точки приращения ее к анализируемому материалу»¹³³.

Иными словами, чтобы разобраться в трехчленной структуре уголовноправовой нормы, необходимо правильно устано-

¹³² См. Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1960, стр. 193—194. На необходимость анализа нормы права как клетки права обратил внимание и П. Е. Недбайло. Он считает, что: «Все, что свойственно праву, свойственно и его нормам. Но свойством права норма обладает лишь тогда, когда она включена в живую ткань права. Вне системы права норма права, взятая сама по себе, не имеет практического значения. Вот почему при анализе нормы права, в том числе и ее структуры, необходимо исходить из свойства и назначения права в целом», (П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития. В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 120).

¹³³ Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 194.

вить нужный аспект анализа. Нам представляется, что структура уголовноправовой нормы должна быть проанализирована в двух направлениях, исходя из двух форм реализации норм уголовного права.

Основной формой реализации норм уголовного права является сообразование гражданами, которым адресованы уголовноправовые нормы, их поведения с требованиями этих норм, т. е. реализация уголовноправовых норм без вмешательства специальных государственных органов. Поэтому первое направление исследования — исследование структуры уголовноправовой нормы, реализуемой вне уголовноправового отношения.

Второй формой реализации уголовноправовых норм является их применение полномочными государственными органами или по их поручению общественными организациями к лицам, нарушившим требования или запрет уголовноправовой нормы, т. е. совершившим преступление.

Поэтому второе направление исследования — установление структуры уголовноправовой нормы, реализуемой через уголовное правоотношение.

Рассмотрим структуру уголовноправовой нормы в каждом из этих аспектов в отдельности¹³⁴.

11. Исследуя структуру нормы уголовного права, реализуемой путем ее добровольного соблюдения и исполнения гражданами и должностными лицами, центральное место должно быть уделено диспозиции уголовноправовой нормы.

В диспозиции уголовноправовой нормы сформулировано распоряжение о требуемом от граждан поведении. Для того, чтобы граждане могли соблюдать требование нормы уголовного права, согласовать свое поведение с требованием этой нормы, им должны быть ясны эти требования. В этом смысле прав Н. Д. Дурманов, что «все условия, в которых совершается уголовное наказуемое деяние, относятся не к гипотезе, а к диспозиции»¹³⁵.

---

¹³⁴ В. Г. Смирнов рассматривает структуру норм Особенной части уголовного законодательства в зависимости от того, являются ли они предписаниями, обеспечивающими порядок осуществления различных социалистических общественных отношений или же предписаниями, организующими порядок общественных отношений, которые возникают вследствие специфических общественных отношений, или же предписаниями, организующими советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 27—38). Такой подход к рассмотрению структуры уголовноправовой нормы дал возможность автору более глубоко вскрыть содержание этой нормы. Хотя мы и не согласны с конечными выводами автора, не можем не признать внесенный им вклад в изучение строения уголовноправовой нормы.

¹³⁵ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 117.

К диспозиции уголовноправовой нормы относится также указание на круг лиц, которым адресованы эти нормы.

Диспозиция уголовноправовой нормы находит отражение в основном в статьях Особенной части уголовного законодательства, в той части статьи, которая именуется диспозицией статьи.

Однако очень часто в диспозиции статьи уголовного закона не отражается целиком диспозиция уголовноправовой нормы. Для того, чтобы полностью раскрыть диспозицию уголовноправовой нормы, приходится анализировать и другой правовой материал, содержащийся, главным образом, в Общей части советского уголовного законодательства, а также и в других нормативных актах.

Необходимость анализа дополнительного нормативного материала для установления диспозиции уголовноправовой нормы привела В. Г. Смирнова к неправильному выводу о наличии в уголовноправовой норме, анализируемой с точки зрения функции охраны социалистических общественных отношений, только двух структурных элементов — гипотезы и санкции. Содержащуюся в уголовноправовой норме обязанность (запрет или веление совершить определенное действие) В. Г. Смирнов рассматривает только в качестве связующего звена между определенным правилом поведения, установленным в иных социальных нормах, и наказанием, раскрываемым в уголовноправовой норме.

Поскольку для уяснения содержания запрета или веления необходимо прибегнуть к анализу не только уголовноправовой нормы, но и иного нормативного материала, автор пришел к выводу, то в этом аспекте уголовноправовая норма лишена диспозиции. С таким выводом автора нельзя согласиться, как и нельзя согласиться с его утверждением, что запрету и велению уголовноправовой нормы не может быть придано значение диспозиции, потому что эти обязанности «оказывают не прямое, а опосредованное регулирующее воздействие на поведение людей..», ибо поведение людей «не вводится в уголовноправовые рамки, но на него оказывается стимулирующее воздействие путем угрозы применения уголовного наказания»¹³⁶.

Нам представляется, что запрет или веление совершать определенные деяния, содержащиеся в уголовноправовой норме, не теряют характера диспозиции, даже если для уяснения содержания запрета или веления и приходится обратиться к анализу неуголовноправового нормативного материала.

¹³⁶ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, ЛГУ, Л., 1965, стр. 34.

Попробуем в данном аспекте рассмотреть диспозицию уголовноправовой нормы, содержащей запрещение производить аборт.

Эта норма нашла отражение в ч. 1 ст. 113 УК Латвийской ССР, в которой под угрозой наказания запрещено «производство аборта врачом вне больницы или другого лечебного заведения или в лечебном заведении, но без законного основания».

Для того, чтобы была полностью установлена данная норма права (диспозиция), необходимо раскрыть, что означает запрещение производить аборт **без законного основания**. Это можно сделать путем анализа добавочного нормативного материала — в данном случае инструкции Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности.

Анализ всего нормативного материала дает возможность установить требуемое уголовноправовой нормой поведение от всех врачей в отношении искусственного прерывания беременности. Врачам запрещается искусственное прерывание беременности при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: а) вне стационарного лечебного учреждения; б) при наличии противопоказаний (острая и подострая гонорея, острые и подострые воспалительные процессы половых органов, наличие гнойных очагов, срок менее 6 месяцев после ранее произведенного аборта; наличие острых инфекционных заболеваний; наличие срока беременности свыше 12 недель).

Соблюдение этой нормы уголовного права обеспечивается возможностью применения санкции — уголовного наказания — в виде лишения свободы на срок до одного года или исправительных работ на тот же срок.

Анализ соответствующего правового материала дает возможность сделать вывод о том, что гипотеза данной уголовноправовой нормы содержится в норме Общей части Уголовного кодекса Латвийской ССР и отражена в ст. 14 (крайняя необходимость). Из этой нормы следует, что незаконное производство аборта непроступно и ненаказуемо, если оно совершено для устранения опасности, угрожающей личности (жизни, здоровью) и эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами, и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

Иными словами, в норме, содержащейся в ст. 14 УК Латвийской ССР, в негативной форме указаны условия, применения уголовноправовой нормы о производстве незаконного аборта.

Таким образом, если мы полностью воспроизведем данную

уголовноправовую норму с ее обязательными атрибутами — гипотезой и санкцией — она будет гласить следующим образом: Врачам запрещается искусственное прерывание беременности вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний, если оно не производится в состоянии крайней необходимости. Лица, не выполнившие этого требования, могут быть наказаны...

Приведем в качестве примера анализ структуры еще одной нормы уголовного права — нормы, запрещающей умышленно лишать жизни другого человека, т. е. совершать убийство.

Уголовноправовая норма содержится в диспозиции ст. 98 УК Латвийской ССР. Для раскрытия диспозиции этой уголовноправовой нормы следует обратиться также к анализу другой нормы, например, содержащейся в ст. 10 Общей части УК Латвийской ССР, чтобы установить, кому адресована эта норма.

Проделав такой анализ правового материала, приходим к выводу, что диспозиция этой нормы адресована всем лицам, достигшим четырнадцатилетнего возраста, и запрещает умышленно лишать жизни другого человека.

Соблюдение этого запрета обеспечивается возможностью применения наказания, предусмотренного в санкции ст. 98 УК Латвийской ССР.

Реализация этой нормы уголовного права, как и любой другой, предполагает определенные условия, поэтому следует продолжать анализ правового материала для установления последнего необходимого атрибута — гипотезы.

Ее мы находим в норме Общей части УК Латвийской ССР, обеспечивающей право гражданина на необходимую оборону. Эта норма содержится в ст. 13 УК Латвийской ССР и означает, что одним из условий соблюдения нормы права, содержащейся в ст. 98 УК, является отсутствие состояния необходимой обороны. Дальнейший анализ правового материала приводит к выводу о наличии второго условия, содержащегося в норме Особенной части (ст. 252 УК Латвийской ССР).

Из анализа этого правового материала делаем вывод, что условием соблюдения нормы права, содержащейся в ст. 98 УК, является также отсутствие обязанности действовать оружием во время боя.

Уголовноправовая норма об умышленном убийстве со своими атрибутами должна гласить: Лицу, достигшему четырнадцатилетнего возраста, при отсутствии состояния необходимой обороны, а военнослужащему также и при отсутствии обязанности во время боя действовать оружием, запрещается умышленно лишать жизни другого человека. Нарушение этого

запрета наказываается лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Проделанный нами анализ правового материала можно было бы продолжать, но вряд ли в этом есть необходимость.

Следует отметить, что такому же анализу могут быть подвергнуты также и нормы Общей части уголовного законодательства.

К ним — полностью относится трехчленная структурная формула.

Однако только часть норм Общей части уголовного законодательства адресуется также гражданам и возлагает на них определенные обязанности, требует от них определенного поведения. К этой категории относятся нормы, определяющие признаки преступления и условия уголовной ответственности, обстоятельства, устраняющие общественную опасность деяния, ответственность за приготовление и покушение, соучастие, прикосновенность и др.

Эти нормы сосредоточены во втором разделе Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и во второй главе УК Латвийской ССР, озаглавленных «О преступлении».

Как мы уже показали на конкретных примерах, нормы Общей части содержат гипотезу или часть самой диспозиции норм Особенной части уголовного законодательства, но в то же время являются самостоятельными нормами со своими атрибутами — гипотезой и санкцией¹³⁷.

Вторая группа норм Общей части уголовного законодательства определяет виды наказания, общие начала и порядок назначения наказания и освобождения от наказания, а также условия погашения и снятия судимости. Поэтому структурный анализ этой группы норм дадим ниже.

Чтобы показать также трехчленную структуру норм Общей части уголовного законодательства, адресованных гражданам, рассмотрим структуру нормы, содержащейся в ст. 18 УК Латвийской ССР. В этой статье изложена норма, определяющая ответственность за заранее не обещанное укрывательство преступлений.

Сама уголовноправовая норма — диспозиция — содержит запрет укрывательства самого преступника после совершения преступления, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем и при отсутствии заранее данного обещания.

Путем анализа ст. 10 и ст. 11 УК Латвийской ССР уста-

¹³⁷ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 38—40.

навливаем, что норма адресована вменяемым лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Путем анализа правового материала — ст. 18, а также ст. 84¹ и 182 УК Латвийской ССР, содержащих нормы о заранее не обещанном укрывательстве государственных преступлений и прочих преступлений, устанавливаем необходимые атрибуты этой уголовноправовой нормы — гипотезу и санкцию.

Таким образом, в результате анализа всего нормативного материала раскрываем полностью содержание этой уголовноправовой нормы: Лицу, достигшему шестнадцатилетнего возраста, запрещается заранее не обещанное укрывательство преступника, а равно орудий и средств совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем (диспозиция), если укрываемое преступление является государственным и предусмотрено статьями 59—64, 67, 72, 73, 82 и 83 УК Латвийской ССР, или если за укрываемое преступление законом предусмотрено лишение свободы на срок свыше пяти лет (гипотеза).

Несоблюдение этого запрета влечет наказание, предусмотренное ст. ст. 84¹ и 182 УК Латвийской ССР (санкция).

В любой из норм Общей части уголовного законодательства можно установить трехчленную формулу.

Таким образом, нормы не только Особенной, но и Общей части уголовного законодательства, формулируя определенные правила поведения, требуя их соблюдения под страхом применения наказания, оказывают большое воспитательное воздействие на граждан. Во-первых, они оказывают предупредительное воздействие на неустойчивых членов общества. Как правильно отмечает С. Н. Братусь, «угроза принуждения, которая содержится в юридической норме, сама по себе является организующей силой, заставляет воздерживаться от нарушения этой нормы права»¹³⁸. Это означает, что угрозой наказания социалистическое государство может добиться требуемого от граждан поведения — соблюдения обязанностей, не применяя самого наказания.

Это, конечно, не означает, что воспитательное значение имеет только угроза наказания. Не меньшее предупредительное и воспитательное значение имеет разъяснение необходимых правил поведения, содержащихся в нормах уголовного права — диспозициях.

Однако воспитательное воздействие норм уголовного права гораздо шире. Нормы уголовного права обращены не только

¹³⁸ С. Н. Братусь. О роли советского права в развитии производственных отношений. «Знание», М., 1954, стр. 9.

к неустойчивым гражданам. Они обращены и ко всем честным гражданам, которые добросовестно соблюдают нормы уголовного права в силу своей сознательности.

Им нормы уголовного права предписывают необходимость включиться в борьбу с преступлениями, развивают их правосознание, непримиримость к нарушителям норм права, чувство гражданственности и ответственности за соблюдение интересов общества. В юридической литературе поэтому неоднократно подчеркивается, что нормы права с момента их издания определяют границы поведения людей и тем самым регулируют его¹³⁹.

Особо подчеркивается значение самого издания законов в области уголовного права¹⁴⁰.

12. Перейдем к анализу структуры уголовноправовой нормы, реализуемой через уголовное правоотношение.

Как известно, нарушение нормы, содержащей уголовноправовой запрет, иными словами, совершение преступления, — это юридический факт, порождающий уголовноправовые отношения. Уголовноправовое отношение — это юридически и фактически существующее отношение между его субъектами:¹⁴¹ лицом, совершившим преступление и привлекаемым к уголовной ответственности, и органом, осуществляющим правосудие¹⁴².

Мы согласны с О. Ф. Кечекьяном, что «право наказания, принадлежащее государству, есть право издавать уголовные законы, а право применять уголовный закон и право наказывать отдельных преступников вытекает из уголовного и уголовно-процессуального закона и принадлежит не государству в целом, а отдельным органам государства»¹⁴³.

В интересующем нас аспекте уголовноправовая норма адресована суду, поэтому считаем, что одним из субъектов уго-

---

¹³⁹ См. С. Н. Братусь. О роли советского права в развитии производственных отношений. «Знание», М., 1954, стр. 12.

¹⁴⁰ См. Б. В. Шейндлин. Норма права и правоотношение В сб. Вопросы общей теории советского права. Госюриздат, М., 1960, стр. 136—139; Н. Д. Дурманов. Совесть и уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 135—138.

¹⁴¹ См. Е. А. Флейшиц. Соотношение правоспособности и субъективных прав. В сб. Вопросы общей теории права. М., 1960, стр. 259.

¹⁴² Мы не касаемся дискуссии о том, с какого момента устанавливается уголовноправовое отношение. Этот вопрос и в настоящее время вызывает значительные разногласия в теории советского уголовного права и в рамках данной работы не может быть разрешен.

¹⁴³ С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 130; Я. М. Брайнин. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 101—102.

ловноправового отношения является не государство, а специальный орган государства — суд¹⁴⁴.

Суд в случае установления в действиях привлекаемого к ответственности лица признаков состава преступления реализует свое право применить наказание (или освободить от наказания). Если виновному в совершении преступления назначается наказание, он обязан отбыть его.

Диспозиция уголовноправовой нормы содержится в данном случае в основном в санкции статьи Особенной части уголовного кодекса или иного закона, т. е. в той ее части, которая содержит указание на виды и меры наказания за конкретное преступление.

Так, например, если судом установлен факт совершения спекуляции, то суду предоставлено право назначить наказание, только установленное в ч. 1 ст. 149 УК Латвийской ССР — лишение свободы, исправительные работы или штраф¹⁴⁵.

Чтобы раскрыть полностью правовое предписание данной нормы, т. е. установить ее диспозицию, нельзя ограничиться анализом санкции статьи закона, необходимо использовать и другой правовой материал. Это необходимо сделать хотя бы потому, что в ст. 149 УК Латвийской ССР указан только максимальный предел наказания и ничего не сказано о его минимальном пределе.

На основании анализа норм, содержащихся в ст. ст. 23 и 26 и 41 Общей части УК Латвийской ССР, раскрываем более точно диспозицию уголовноправовой нормы: минимальный предел всех видов наказания, которые суд имеет право применять.

Кроме того, суду надлежит выполнить и обязанности, вытекающие из возникшего уголовного правоотношения. При назначении наказания суд обязан руководствоваться общими принципами и правилами назначения наказания, установленными нормами, содержащимися в Общей части уголовного

---

¹⁴⁴ Вопрос о том, какой орган может быть субъектом уголовноправового отношения, в юридической литературе является спорным (См. А. А. Пионтковский. Правоотношение в уголовном праве. — Правоведение, 1962, № 2, стр. 88—89; В. И. Курляндский. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 18; и др.).

¹⁴⁵ Правильно отметил П. Е. Недбайло, что санкция статьи уголовного закона «является диспозицией (распоряжением) для суда, поскольку она устанавливает его полномочия, права и обязанности в определенном отношении» (П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общества. В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 131).

законодательства, в частности в третьей и четвертой главах Общей части УК («О наказании», «О назначении наказания и об освобождении от наказания»), а также и других статьях Общей части УК (ч. 3 ст. 5; ч. 3 и 4 ст. 10 и ч. 3 ст. 15; ч. 7 ст. 17 и др.).

С учетом того, что эти обязанности составляют также часть правового предписания, диспозиция уголовноправовой нормы целиком должна в этом случае быть определена примерно так: Суду предоставляется право наказывать лиц, виновных в спекуляции, лишением свободы на срок от трех месяцев до двух лет или исправительными работами на срок от одного месяца до одного года, или штрафом в размере до двухсот рублей с обязательным соблюдением общих начал наказания и условий освобождения от него.

Собственно уголовноправовая норма (диспозиция) может быть применена только при наличии определенных условий. Эти условия составляют гипотезу уголовноправовой нормы.

В рассматриваемом нами аспекте гипотеза как атрибут уголовноправовой нормы содержится главным образом в первой части статьи Особенной части уголовного законодательства, в которой описываются законодателем признаки состава преступления.

В нашем примере гипотеза уголовноправовой нормы содержится в ч. 1 ст. 149 УК Латвийской ССР, из которой следует, что собственно уголовноправовая норма (диспозиция) может быть осуществлена только в случае, если лицо скупало и перепродавало товары или иные предметы в целях наживы.

Однако в этой статье не полностью раскрывается гипотеза уголовноправовой нормы, т. е. не указаны все необходимые условия применения диспозиции.

Для установления остальных условий приходится обращаться к нормативному материалу, содержащемуся в Общей части Уголовного кодекса Латвийской ССР (ст. ст. 4, 10, 11, 12, 15 и 17), а также в статье Особенной части (ч. 3 ст. 162 УК Латвийской ССР).

В результате такого анализа правового материала, устанавливаем полностью гипотезу уголовноправовой нормы, которую можно изложить таким образом: Если должностное или недолжностное лицо, вменяемое и достигшее шестнадцатилетнего возраста, скупает и перепродает товары или иные предметы в целях наживы, умышленно создает условия для совершения этого деяния или покушается на его совершение, а также если это лицо умышленно принимает участие в совершении такого деяния (гипотеза), то суду предоставляется право наказать это лицо лишением свободы на срок от трех

месяцев до двух лет или исправительными работами на срок от одного года, или штрафом в размере до двухсот рублей (диспозиция).

Диспозиция уголовноправовой нормы в данном случае реализуется путем юридической деятельности суда и приводит к юридическим последствиям.

Эту форму реализации правовой нормы теория права называет применением нормы права¹⁴⁶.

Совершенно справедливо указывает Я. М. Брайнин, что применение уголовноправовой нормы «предполагает властное полномочие того, кто его применяет, и возможность применить в соответствующих случаях принуждение в целях реализации закона»¹⁴⁷.

Как уже говорилось, из уголовноправового отношения вытекает обязанность лица, виновного в совершении преступления, отбыть назначенное приговором суда наказание. Это одна сторона реализации уголовноправового отношения. Она обеспечивается государственным принуждением путем применения не только норм уголовного законодательства, но также и путем применения других норм.

Однако, как уже говорилось, из уголовноправового отношения вытекает также право лица, виновного в совершении преступления, требовать, чтобы судом была правильно применена уголовноправовая норма, чтобы предусмотренные гипотезой нормы обстоятельства были правильно установлены в его действиях, чтобы эти действия были правильно квалифицированы и чтобы наказание было определено в соответствии с принципами и правилами назначения наказания.

Суд обязан при назначении наказания выполнить эти требования виновного, так как они вытекают из правового предписания, из диспозиции уголовноправовой нормы. Если судом не выполняется это требование, то применяются средства государственного принуждения.

Это — вторая сторона реализации уголовноправового отношения.

Следует отметить, что государственное принуждение в этом случае очень редко обеспечивается уголовноправовыми средствами.

Поэтому нельзя полностью согласиться с авторами, кото-

---

¹⁴⁶ Вопрос о понятии применения правовых норм и о том, кто их применяет, в теории советского права является спорным. Мы не имеем возможности рассмотреть различные точки зрения по этому вопросу. Однако мы полагаем, что уголовноправовые нормы применяются только государственными органами.

¹⁴⁷ См. Я. М. Б р а й н и н. Уголовный закон и его применение. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 101.

рые считают, что характерным признаком санкций норм уголовного права является их непосредственное воздействие на правонарушителей, в отличие от норм других отраслей права, где санкции предусматривают различные меры восстановления законности¹⁴⁸.

Это положение совершенно справедливо, если мы анализируем нормы уголовного права с точки зрения тех граждан, которым адресованы предписания этих норм.

Но если мы анализируем эти же нормы с точки зрения суда и соответствующих должностных лиц, то устанавливаем, что большинство санкций также, как в уголовно-процессуальном праве, заключается в восстановлении законности, нарушенной противоправными действиями этих лиц. Следует отметить, что нормы уголовного права в этих случаях охраняются санкциями уголовно-процессуального права, а также санкциями других правовых норм. Уголовно-процессуальные санкции в уголовном праве используются сами по себе¹⁴⁹ и только в исключительных случаях, наряду с дисциплинарными и уголовноправовыми санкциями.

Так, в случае вынесения неправосудного приговора из корыстных или иных личных побуждений наряду с уголовно-процессуальными санкциями, предусмотренными в ст. ст. 337 и 382 УПК Латвийской ССР (отменой приговора и направлением дела на новое судебное рассмотрение), применяется и уголовноправовая санкция — наказание в соответствии с уголовноправовой нормой, предусмотренной ст. 169 УК Латвийской ССР. В отдельных случаях могут быть использованы даже гражданскоправовые санкции.

Так, нормы гражданского права предусматривают имущественную ответственность должностных лиц следственно-прокурорских органов и судебных органов за вред, причиненный неправильными судебными действиями этих должностных лиц. Ч. 2 ст. 89 Основ гражданского законодательства содержит следующую норму: «За вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность в случаях и пределах, специально предусмотренных законом».

¹⁴⁸ См. П. С. Элькин д. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 28.

¹⁴⁹ П. С. Элькин д. подчеркивает, что в уголовном судопроизводстве санкции различных правовых норм используются по общему правилу наряду с уголовно-процессуальными санкциями (См. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967, стр. 28).

Такой закон еще не издан, хотя, как справедливо указывают В. М. Савицкий и Е. А. Флейшиц, имеется необходимость в соответствующей законодательной регламентации¹⁵⁰.

Таким образом, в случае нарушения судами правового предписания, содержащегося в уголовноправовой норме, используются в основном уголовно-процессуальные санкции, которые О. Э. Лейст относит к категории правосстановительных санкций. Их применение, по мнению О. Э. Лейста, в отличие от штрафных санкций направлено на устранение того ущерба, который причинен правонарушением социалистическим общественным отношениям.

Отмену незаконных актов О. Э. Лейст относит к осуществлению санкции особого рода, потому что они обеспечивают соблюдение юридических обязанностей, властно предписанных социалистическим государством, содержат в себе социально-отрицательную оценку действий, которые привели к изданию акта, противоречащего закону и, наконец, служат гредупреждению правонарушений, «побуждая (и принуждая) лиц и органы, издающие подзаконные нормативные и индивидуальные акты, к совершению всех действий, необходимых для вынесения законных и обоснованных решений»¹⁵¹.

Следует отметить, что соблюдение большинства уголовно-правовых норм Общей части уголовного законодательства обеспечивается именно правосстановительными санкциями.

Это относится главным образом к нормам, регулирующим применение наказания.

В. Г. Смирнов, анализируя структуру уголовноправовых норм «с точки зрения осуществления ими функций организации определенного комплекса общественных отношений», также выделяет гипотезу, утанавливающую условия применения уголовного наказания — признаки преступных деяний, и санкцию, устанавливающую «содержание правила поведения, в соответствии с которым организуются общественные отношения собственно уголовноправового характера, возникающие вследствие совершения тем или иным лицом преступления»¹⁵².

Таким образом, Г. В. Смирнов приходит к такому же выводу, как С. В. Курылев и Н. П. Томашевский, что санкция нормы Особенной части уголовного законодательства выпол-

¹⁵⁰ См. В. М. Савицкий, Е. А. Флейшиц. Об имущественной ответственности за вред, причиненный должностными лицами органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. — Советское государство и право, 1966, № 7, стр. 11—12.

¹⁵¹ О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. Госюриздат, М., 1962, стр. 129.

¹⁵² В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 35.

няет ту же роль, что и диспозиция в нормах гражданского законодательства, а именно: в санкциях норм Особенной части уголовного законодательства содержатся «правовые предписания, в соответствии с которыми организуются общественные отношения, возникающие вследствие совершения преступления».

В. Г. Смирнов совершенно справедливо утверждает, что содержащиеся в санкциях правовые предписания в силу свойства правовых норм обеспечиваются возможностью применения средств государственно-правового принуждения в соответствии с нормами различных отраслей советского законодательства и иными мерами, в частности привлечением общественности к решению задач исправления и перевоспитания.

Однако именно потому, что реализация наказания обеспечивается разносторонним комплексом мер правового воздействия, а не сводятся только к уголовноправовым нормам, В. Т. Смирнов приходит к выводу, что эти средства государственного обеспечения не могут рассматривать в качестве третьего элемента уголовноправовой нормы — ее санкции¹⁵³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что реализация уголовноправовой нормы В. Т. Смирновым в данном аспекте идентифицируется с исполнением наказания, т. е. реализация уголовноправовой нормы рассматривается только с позиции лица, совершившего преступление и обязанного отбыть наказание. Игнорируется реализация уголовноправовой нормы с позиции суда, на который возложены определенные обязанности, выполнение которых также обеспечивается возможностью применения и применением мер государственного принуждения в соответствии с нормами различных отраслей права, причем главным образом нормами уголовно-процессуального права.

В. Т. Смирнов полагает, что особенность норм Общей части уголовного законодательства заключается в том, что их реализация обеспечивается в основном нормами уголовно-процессуального права. Это обстоятельство, по его мнению, исключает возможность признать применение государственного принуждения санкцией нормы уголовного права и приводит к выводу о наличии только двух структурных элементов — гипотезы и диспозиции¹⁵⁴.

Нам представляется, что выводы В. Т. Смирнова о двух-

¹⁵³ См. В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. ЛГУ, Л., 1965, стр. 35—36.

¹⁵⁴ Там же, стр. 36.

членной структуре уголовноправовой нормы вытекают из неправильного понимания санкции правовой нормы как составной части отдельно взятой нормы, из желания рассматривать санкцию вне системы права.

Рассмотрев структуру уголовноправовой нормы в двух аспектах, мы приходим к выводу, что нет никаких оснований для отрицания трехчленной формулы уголовноправовой нормы независимо от аспекта ее анализа (независимо от того, возникает ли на ее основании конкретное правоотношение или не возникает).

Совершенно прав П. Е. Недбайло, что «значение теории трехчленной структуры нормы состоит в том, что она ориентирует применяющего норму на глубокий, логический охват законодательства и других источников права в каждом конкретном случае применения нормы»¹⁵⁵.

13. В связи с тем, что структура уголовноправовой нормы должна быть рассмотрена в двух аспектах, необходимо обратить внимание на «совпадение» различных структурных атрибутов (элементов) уголовноправовой нормы при таком анализе.

На это обстоятельство обратили внимание авторы «Общей теории советского права», указав, что «та часть уголовных норм, которая является «диспозицией» для граждан (запрет совершать общественно опасные деяния), одновременно является «гипотезой» для государственных органов, рассматривающих дела о совершенных преступлениях»¹⁵⁶.

Мы считаем необходимым внести в это положение некоторое уточнение. Нам представляется, что та часть уголовных норм, которая является «гипотезой» и «диспозицией» для граждан (определение условий, при которых возникает соответствующая обязанность и описание запрещенного общественно опасного деяния), является «гипотезой» для суда, рассматривающего уголовное дело.

Покажем это совпадение в виде схемы, в которой обозначим структурные элементы (атрибуты) уголовноправовой нормы начальными буквами их названия (Г, Д, С), два аспекта анализа структуры уголовноправовой нормы двумя первыми римскими цифрами (I, II), а совпадение элементов — знаком равенства (=).

¹⁵⁵ П. Е. Недбайло. Вопросы структуры советских правовых норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общества. В сб. Право и коммунизм. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 137.

¹⁵⁶ Общая теория советского права. «Юридическая литература», М., 1966, стр. 194.

Получается следующая картина:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad \boxed{\text{Г} \mid \text{Д} \mid \text{С}} \\ \text{II} \quad \boxed{\quad \text{Г} \mid \text{Д} \mid \text{С}} \\ \text{Г} + \text{Д} (\text{I}) = \text{Г} (\text{II}) \\ \text{С} (\text{I}) = \text{Д} (\text{II}) \end{array}$$

Только в этом аспекте можно говорить о том, что гипотеза и диспозиция уголовноправовой нормы «сливаются», ибо при анализе структуры уголовноправовой нормы во втором случае диспозиция охватывается гипотезой.

С точки зрения суда, рассматривающего уголовное дело, необходимо установить в действиях лица признаки состава преступления, наличие которого сегодня всеми авторами признается единственным основанием уголовной ответственности, единственным условием применения наказания.

Признаки состава преступления расположены в нормах уголовного права, определяющих обстоятельства, при которых возникает соответствующая обязанность граждан, и в нормах, содержащих само правовое предписание гражданам, которым оно адресовано. Это понятно. Общественно опасным может быть деяние (действие или бездействие) лица, выразившееся в неисполнении определенных обязанностей или в нарушении запретов, только при наличии определенных условий. Если отпадают эти условия, это же самое деяние может утратить общественно опасный характер, даже стать общественно полезным. В приведенном выше примере мы показали, что ответственность за умышленное лишение жизни другого человека (убийство) может наступить только в случае, если лицо не находилось в состоянии необходимой обороны.

Изменение условия меняет и социальную оценку самого деяния.

В этом отношении прав Н. Д. Дурманов, указывающий, что нельзя провести знак равенства между диспозицией нормы уголовного права и составом преступления, что все условия, в которых совершается уголовно наказуемое деяние, являются предпосылками назначения наказания, потому являются частью состава преступления.

Однако необоснованным представляется утверждение Н. Д. Дурманова о том, что «в целях строгого и неуклонного соблюдения социалистической законности и последовательного осуществления охраны прав граждан, в целях четкого отграничения действий, влекущих уголовное наказание, от дру-

гих действий советский уголовный закон чрезвычайно расширил диспозицию уголовноправовой нормы за счет резкого сокращения элементов гипотезы»¹⁵⁷. Это утверждение мало убедительно. Непонятно, почему отнесение условий совершения уголовного деяния к диспозиции, а не к гипотезе дает возможность лучше обеспечить соблюдение социалистической законности.

Если исходить из того, что гипотеза является атрибутом уголовноправовой нормы, необходимым структурным элементом, без которого она немыслима, вряд ли можно считать, что «сокращение элементов гипотезы» является каким-то достижением в «осуществлении охраны прав граждан». Поэтому не можем согласиться с тем, что особенностью уголовноправовой нормы является «сужение содержания гипотезы за счет расширения диспозиции»¹⁵⁸.

Как мы уже показали, если анализировать нормативный материал с позиции суда, применяющего уголовноправовую норму, то гипотеза оказывается вовсе не «урезанной», а, наоборот, настолько «расширенной», насколько этого требует необходимость устанавления признаков состава преступления.

* * *

Рассмотренные в данной статье вопросы не исчерпывают всех проблем структуры уголовноправовой нормы.

Неисследованными остались вопросы классификации уголовноправовых норм, вопросы систематики уголовноправовых норм, соотношение структуры правовой нормы и структуры статьи нормативного акта, виды структурных элементов нормы (диспозиция, гипотеза, санкция).

---

¹⁵⁷ Н. Д. Дурманов. Советский уголовный закон. МГУ, М., 1967, стр. 117.

¹⁵⁸ Там же, стр. 116.

A. LIEDE

Profesors, jurid. zinātņu doktors

KRIMINĀLLIETAS IEROSINĀŠANAS JAUTĀJUMI

Sai rakstā ir nosprausts uzdevums aplūkot krimināllietas ierosināšanu padomju kriminālprocesā nevis pilnā šā tiesību institūta un tiesvedības stadijas apjomā, bet gan tikai tai daļā, kurā vēl šobrīd ir neatrisinātas problēmas, kas saistās ar izmeklēšanas un izziņas iestāžu praksi. Tātad šeit atsevišķi netiks apskatīta krimināllietas ierosināšanas būtība, sakarība starp lietas ierosināšanu kā kriminālprocesa institūtu un kā tā atsevišķu stadiju; tāpat atsevišķi netiks aplūkoti krimināllietas ierosināšanas iemesli, pamats, ierosināšanas kārtība un uzraudzība pār krimināllietas ierosināšanas likumību. Tātad netiks skarti tieši tie jautājumi, kas vispilnīgāk un visplašāk ir jau iztirzāti procesuālajā literatūrā.¹ Mēs nepieskarsimies arī jautājumiem, kuriem ir gan aktuāla, bet netieša nozīme krimināllietas ierosināšanas institūtā, proti, jautājumiem par apstākļiem, kas var būt par šķērslī krimināllietas ierosināšanai; neapskatīsim arī tās problēmas, kas saistās ar atbrīvošanu no kriminālatbildības šajā stadijā.

Temata ierobežojums nenozīmē, ka tikko nosauktajos jautājumos nav nekādu neskaidrību un pretrunu,² vai ka tie būtu mazsvarīgāki par problēmām, kas šeit tiks iztirzātas. Gluži

¹ Skat. P. D. Рахунов. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1954; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Возбуждение уголовного дела, Госюриздат, М., 1961.

² Skat. С. Бородин. Обстоятельства, исключющие производство по уголовному делу. Ученые записки ВИЮН, 1961, № 3; Н. Ф. Кузнецова. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд, М., 1964.

otrādi, monografiskā apcerējumā tiem būtu ierādāma pirmā vieta.

Apsvērumi, kas noteikuši šā raksta tematiku, ir šādi. Tas ir domāts kā neliela sadaļa apcerējumu virknē par Latvijas PSR kriminālprocesa likumdošanas tālāku pilnveidošanu. Tamdēļ arī netiek skārti jautājumi, kuru normatīvais regulējums praktiskajā darbā neizraisa sevišķu grūtību normu izpratnē un piemērošanā un pilnīgi saskan ar mūsu kriminālprocesa pamatnoteikumiem un mērķiem. Uzmanība tiks pievērsta tieši tādiem jautājumiem, kurus kā zināmas problēmas pastāvošo likumu robežās izvirza tiesvedības prakse mūsu republikā, vai arī, kas par problēmām kļūst tāpēc, ka krimināllietu ierosināšanas prakse novirzās no likuma nepārprotamiem noteikumiem un prasībām.

Tāpēc šā raksta iedalījums neatbilst vienota temata pakāpeniskam risinājumam, bet to sastāda atsevišķi fragmenti, kas pakļauti centrālajai mūsu kriminālprocesuālās likumdošanas tālākās pilnveidošanas idejai.

1. Krimināllietas ierosināšanas kompetence

Tiesvedības reglamentācijā var iet divus ceļus — vai nu kodeksā sīki noteikt katru procesuālo darbību, vai arī regulēt svarīgākos institūtus, atstājot orgāniem, kas virza procesu (tiesai, tiesnesim, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādēm), plašāku rīcības brīvību precīzi formulēto vispārīgo noteikumu robežās.

Atsevišķo valstu kriminālprocesa likumdošanā izpaužas vai nu viena vai otra no šīm kodifikācijas ievirzēm. Piemēram, Bulgārijas 1952. gada un Polijas 1950. gada kriminālprocesa kodeksā iepriekšējā izmeklēšana regulēta nedaudzās lakoniskos noteikumos, bet krimināllietas ierosināšanas kārtība vispār nav noteikta.³

Turpretim dažu citu sociālistisko ārvalstu kriminālprocesa kodeksos pieminētie institūti reglamentēti jo sīki.

Tiesvedības kārtības noteikšanas dažādība šeit tiek atzīmēta nevis tāpēc, lai iztīrītu atsevišķu sistēmu priekšrocības un trūkumus, bet tādēļ, lai saskatītu, ka ikvienam kriminālprocesa kodeksam ir sava sistēma un tā stingri jāievēro, kodeksu tālāk pilnveidojot, tātad — vai nu precizējot vispārīgos noteikumus, vai tālāk detalizējot atsevišķus tiesvedības institūtus un normas.

Latvijas PSR Kriminālprocesa kodekss, tāpat kā visu pārējo PSR Savienībā ietilpstošo savienoto republiku kriminālprocesa

³ Skat. Уголовно-процессуальное законодательство зарубежных социалистических государств, Госюриздат, М., 1956, стр. 104—106; 344.

kodeksi, iet otru no minētajiem ceļiem: tas satur stabilus vispārīgos noteikumus, kas izteikti «Kriminālprocesa pamatos», un detalizēti regulē atsevišķas procesuālās darbības visās kriminālprocesa stadijās, to starpā arī krimināllietas ierosināšanas stadijā. Tāpēc arī, pilnveidojot mūsu kriminālprocesa likumus, ciktāl to prasa cīņa pret noziegumiem un mūsu sabiedriskās dzīves tālākā attīstība, nereti ir nepieciešams vēl sīkāk precizēt izmeklēšanas vai tiesas darbības, saskaņojot tās ar Pamatiem, savstarpēji saskaņot, izslēgt pretrunas utt.

Ja ar tikko noskaidrotajām mērauklām aplūkojam pirmo kriminālprocesa stadiju, tad nevar teikt, ka Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksā tā regulēta bez kļūmēm.

Tā kā šeit nav vieta plašam teorētiskam iztirzājumam, atzīmēsim tikai svarīgāko, kas būtu liekams vērā, piemērojot krimināllietas ierosināšanas noteikumus, kā arī pilnveidojot tos nākotnē.

Krimināllietas ierosināšana mūsu kriminālprocesa kodeksā regulēta ar principiāla rakstura pamatnoteikumu, kas ietverts 3. pantā, un speciālajām normām, kas ietilpst desmitajā nodaļā (107.—115. p.). Uz šo stadiju attiecas arī 118. p. 1. daļas pirmais teikums, 128. p. 2. un 3. daļa un it sevišķi 129. p. 3. daļa; to skar arī 7., 8. un 9. p. daži noteikumi.

KPK 3. pantā ietverta principiāla norma. Šis pants tieši regulē procesuālo kārtību, tādēļ uz to nevar atsaukties procesuālajā dokumentācijā. Šā panta vispārējs noteikums, ka **tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādei savas kompetences robežās jāierosina krimināllieta, kolīdz atklātas nozieguma pazīmes**, nosaka nevis krimināllietas ierosināšanas kārtību, bet gan ietver sevī tā saucamo publiskuma principu. Saskaņā ar šo principu tiesai un citiem procesa virzītājiem valsts orgāniem krimināllieta jāierosina un jāvirza tālāk, vainīgais jā sodā, jo šo valsts orgānu specifiskais uzdevums ir sargāt valsti, sabiedrību un pilsoņus pret noziegumiem. So darbu tie veic kā savus dienesta pienākumus neatkarīgi no cietušā gribas. Tāda ir publiskuma principa būtība.

Ar KPK 3. panta principiālo saturu jā saskan visām speciālajām normām, ar kurām tieši regulēta lietas ierosināšanas kārtība un ar kurām tā tad arī var pamatot praktiskās tiesvedības darbības.

Latvijas PSR KPK 3. pantā ietverts burtisks PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 3. panta teksts, turpretī speciālie krimināllietas ierosināšanas noteikumi pieder republikāniskajai likumdošanai un tā tad tos tālāk attīstīt var republikāniskās likumdošanas kārtībā atbilstoši praktiskai vajadzībai, pamatnoteikumu robežās.

Jākonstatē, ka šāda vajadzība pastāv, jo atsevišķas speciālās krimināllietas ierosināšanas normas mūsu kodeksā ir izteiktas vai nu nepilnīgi, vai neprecīzi. Dažas no tām neatbilst Kriminālprocesa pamatu 3. pantam.

Pamatu 3. pantā, nosakot krimināllietas ierosināšanu, ir uzsvērts kāds ļoti svarīgs moments, ar ko pēc būtības nosprausti krimināllietas ierosinātāju orgānu tiesību un pienākumu ietvari. Sai pantā uzsvērtā prasība, lai tiesīgie orgāni, ierosinot lietu, **ievērotu savu kompetenci**. («Tiesai, prokuroram, izmeklētājam un izziņas iestādei savas kompetences robežās katru reizi, kad atklājas nozieguma pazīmes, jāierosina krimināllietā...»)⁴ Šis ļoti svarīgās nianse trūkst Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa 109. p. 2. un 4. daļā un it sevišķi 113. pantā, bet 129. p. 3. daļa. Tagad, pēc vairāku iepriekšējās izmeklēšanas iestāžu izveidošanas, ir radusies pretruna ar 3. panta pamatnoteikumu. Aplūkosim šos jautājumus tuvāk.

Pirmā prasība, ko atbilstoši Pamatu 3. panta saturam būtu vajadzējis izpildīt, reglamentējot kodeksā krimināllietas ierosināšanu, ir tīri loģiska: noteikt tiesas, prokurora, izmeklētāja un izziņas iestāžu krimināllietas ierosināšanas kompetenci, lai kļūtu saskatāmas tās robežas.

Diemžēl Latvijas PSR kriminālprocesa kodeksā, tāpat kā citu savienoto republiku kodeksos, tiesas, prokurora, izmeklētāja un izziņas iestādes krimināllietas ierosināšanas kompetence atsevišķi nav reglamentēta, kaut gan detalizēti ir noteikta izziņas, iepriekšējās izmeklēšanas un iztiesāšanas **piekritība** un arī **kompetence** (KPK 31., 32., 33., 34., 116., 118., 119., 127. u. c. panti).

Sā trūkuma sekas ir tādas, ka Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa speciālajās normās, kas regulē krimināllietas ierosināšanu, kompetences problēma ir pilnīgi notušēta.

Tā, piemēram, KPK 113. pantā, kas reglamentē krimināllietas ierosināšanas kārtību, pārkāpjot Kriminālprocesa pamatu 3. p. skaidro noteikumu, ka krimināllietas ierosināšanas kompetences robežās, ir teikts, ka «izziņas iestādei, izmeklētājam, prokuroram, tiesnesim un tiesai obligāti jāierosina krimināllietā», ja vien ir 107. pantā minētie iemesli un pamats. Citiem vārdiem, lietas ierosināšanas kompetences robežas pēc 113. p. noteikumiem it kā neeksistē; visi procesa virzītāji valsts orgāni krimināllietas ierosināšanas ziņā ir it kā vienādi savās tiesībās.

⁴ Tāpēc nevarētu atzīt par pareizu literatūrā sastopamo apgalvojumu, ka krimināllietas ierosināšana visiem tiesīgajiem orgāniem ir vienāda kompetence. (Skat. M. A. Чельцов. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РСФСР, ж. «Советская Юстиция», 1960, № 18, стр. 7).

Skat. par šo jautājumu arī Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Возбуждение уголовного дела, Госюриздат, М., 1961, стр. 66—80.

Tas ne vien ir nepieļaujamā pretrunā ar Pamatu 3. pantu, bet arī pēc būtības aplam. Aplamība kļūst redzama jau no tā, ka, piemēram, ne tiesneša, ne tiesas ricībā nav efektīvu līdzekļu nozieguma pazīmju iepriekšējai pārbaudei atbilstoši KPK 109. p. prasībām. Bet bez iepriekšējās pārbaudes lielākoties nav iespējama likumības ievērošana, ierosinot krimināllietas. Taču, ja šādi līdzekļi arī būtu un tiesnesis sāktu ierosināt krimināllietas tā, kā to prasa KPK 113. pants, un pie tam nodarbotos ar iepriekšējām pārbaudēm, tad krimināllietas ierosināšanas stadijā drīz vien izzustu jebkāda atšķirība starp tiesnesi un izmeklētāju vai milicijas operatīvo pilnvaroto.

Nākamās sekas, kas izriet no lietas ierosināšanas kompetences regulējuma trūkuma mūsu Kriminālprocesa kodeksā, ir šādas: izmeklētājam (pretēji dažu citu savienoto republiku KPK) nav piešķirta tiesība nodot saņemtos materiālus pēc piekritības citai izmeklēšanas iestādei; viņam katrā ziņā pašam jāierosina krimināllieta (KPK 129. p. 3. d.).

Tālākās negatīvās sekas, kas no tā izriet, ir acīm redzamas: ja izmeklētājs un izziņas iestāde ir spiesti ierosināt lietas neatkarīgi no jebkādiem kompetences un piekritības apsvērumiem, tas var novest pie šā jautājuma izlemšanas bez pietiekamas atbildības sajūtas, ierosinot lietu bez pamata vai nepamatoti atsakot ierosināšanu.

Formāli un pēc būtības KPK 129. p. 3. daļas noteikums ir pretrunā ar KPK 109. p. 2. daļu, kur izmeklētājam, tāpat kā jebkuram citam krimināllietas izmeklēšanai pilnvarotam orgānam, dota tiesība gan lietu ierosināt, gan nodot pieteikumu vai paziņojumu pēc piekritības.

Kas attiecas uz lietas ierosināšanas tiesībai korespondējošo tiesību atteikties lietu ierosināt, tad jāteic, ka diezgan nepievilcīgi izskatās šādi atteikumi lietās, kuras atteicējs pats nav kompetents nedz izmeklēt, nedz izdarīt tajās izziņu.

Tādā kārtā var pat izdzist robežas starp parastās justīcijas un militārās justīcijas un valsts drošības iestāžu īpašo kompetenci. Var izzust robežas arī starp septiņu dažādu izziņas iestāžu sevišķajām pilnvarām (skat. KPK 116. p.). Citiem vārdiem, izslēgdami kompetences nozīmi krimināllietas ierosināšanas stadijā, nonākam pie absurda.

Iespējamos secinājumus no visa šeit teiktā varētu reducēt uz šādām vienkāršām tēzēm:

1) Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa tālākās pilnveidošanas kārtībā tajā vajadzētu iekļaut normu, kurā noteikta krimināllietas ierosināšanas kompetence;

2) KPK 113. panta teksts jāaskaņo ar Kriminālprocesa pamatu 3. pantu, nosakot, ka krimināllietas ierosināšanas pienākums pastāv kompetences robežās.

Ja tas tiktu izdarīts, tad īsti vietā izrādītos arī šāds KPK 113. panta papildinājums ar tekstu, kas jau ieviests dažu savienoto republiku Kriminālprocesa kodeksos: «Reizē ar krimināllietas ierosināšanu jāgādā par nozieguma novēršanu vai tā pārtraukšanu, kā arī jānostiprina nozieguma pēdas».

Šīs darbības būs iespējamās tieši krimināllietas ierosināšanas kompetences robežās, it īpaši ņemot vērā tiesneša un tiesas procesuālo stāvokli un pilnvaras.

Nobeidzot šo īso iztirzājumu, jāatzīmē, ka krimināllietas ierosināšanas kompetences jautājumā literatūrā ir izteikti dažādi uzskati. Domāju, ka pareizākais, padomju kriminālprocesa sistēmai un pamatnoteikumiem visatbilstošākais viedoklis varētu būt šāds:

prokurors var ierosināt ikvienu krimināllietu; izmeklētājs un izziņas iestāde ierosina tās lietas, kas piekrit viņu izziņai vai izmeklēšanai vai kurās pienākums izdarīt neatliekamās izmeklēšanas darbības;

tiesnesis ierosina personīgās apsūdzības un huligānisma (KPK 411. p.) lietas un atsevišķos gadījumos arī lietas par tiem publiskās apsūdzības rakstura noziegumiem, kas viņam tieši kļūst zināmi, pildot amata pienākumus (piemēram, lietas par ļaunprātīgiem alimentu nemaksātājiem u. tml.);

tiesa ierosina krimināllietas tikai KPK 256. un 257. p. un 411. p. paredzētos gadījumos.

2. Krimināllietas ierosināšana pret personu.

Krimināllietas ierosināšana pret personu pirms gadiem desmit bija asas diskusijas jautājums. Redzamākie padomju kriminālprocesa teorētiķi šai jautājumā izteica diametrāli pretējus uzskatus. Diskusijā tika iekļauta arī kriminālvajāšanas problēma. Tam bija savs pamats, jo tai laikā spēkā bijušajā 1923. gada KPFSR Kriminālprocesa kodeksā nebija normas, kas saturētu nosacījumu, ka krimināllietas ierosināmas **pēc nozieguma pazīmēm**; turpretim 1923. gada KPFSR KPK 9. pants saturēja prasību, ka prokuratūrai par ikvienu notikušu un sodāmu noziegumu jāuzsāk **kriminālvajāšana** tiesu un izmeklēšanas iestādēs. Un tā kā kriminālvajāšanu uzskatīja par iespējamu tikai pret noteiktu personu, bet pašu kriminālvajāšanas uzsākšanu nereti identificēja ar krimināllietas ierosināšanu, tad

daži procesualisti arī nāca pie noteikta secinājuma, ka krimināllietu var ierosināt (kriminālvajāšanu uzsākt) pret personu.⁵

Padomju literatūrā visnoteiktākais tā viedokļa pārstāvis, ka krimināllietu var un pat vajag ierosināt pret personu, tai laikā bija R. D. Rahunovs. Publikācijās viņš pēc tam savus uzskatus nav grozījis. Tā kā viedokli par labu krimināllietas ierosināšanai **pret personu** visplašāk ir apgaismojis un argumentējis tieši R. Rahunovs, mēs uzsāksim temata iztirzājumu tieši ar šā viedokļa analīzi.

R. Rahunovs krimināllietas ierosināšanu tieši nesaista ar «kriminālvajāšanas» uzsākšanu, taču viņš tomēr ļoti kategoriski uzskata, ka zināmos apstākļos un it īpaši par dažiem noziegumu veidiem krimināllietā jāierosina nevis par faktu, bet tā obligāti jāierosina pret individuāli noteiktu personu.⁶ Pēc viņa domām obligāti pret personu jāierosina: visas personīgās apsūdzības lietas (sūdzību cietušais iesniedz pret viņam zināmu personu); personīgi publiskās apsūdzības lietas (ja sūdzētājs noteikti norāda uz kādu personu, kas vainīga); visas lietas, kur ierosināšana seko aizturēšanai; lietas par standartam neatbilstošas vai nekomplektas produkcijas izlaišanu (likums pieļauj saukt pie kriminālatbildības par šādu noziegumu tikai noteiktas amatpersonas); lietas par dzimtenes nodevību, par izvairīšanos no iesaukuma karadienestā, par pretošanos varas pārstāvim, ieslodzītā bēgšanu, kukuļdošanu, izvairīšanos no alimentu maksāšanas bērnu uzturam (pēc R. Rahunova domām visos šais gadījumos, ierosinot krimināllietu tikai par nozieguma faktu, izmeklēšana kļūtu bezpriekšmetiska). Bez tam, kā domā R. Rahunovs, lietu jāierosina pret personu arī tad, ja likumpārkāpējs notverts tieši sagatavojot noziegumu, tā izdarīšanas brīdī, vai tūdaļ pēc tā izdarīšanas.⁷

Pārlūkojot šo noziegumu sastāvu uzskaitījumu, redzams, ka sekojot autora iekavās atzīmētajiem pamatojumiem, to varētu par vairākiem desmit sastāvu paplašināt. Piemēram, ar ne mazāku pamatu šai sarakstā varētu ietilpināt arī citus noziegumus pret sociālistisko jurisdikciju, piemēram — personas saukšanu pie kriminālatbildības, zinot, ka tā nav vainīga (Latvijas PSR KK 168. p.); nelikumīga sprieduma vai lēmuma taisīšanu (KK 169. p.); apzināti nelikumīgu apcietināšanu (KK 170. p.); apzināti nelikumīgu aizturēšanu vai piespiedu atvešanu (KK 171. p.); piespiešanu dot liecību (KK 172. p.); apzināti

⁵ Skat. М. А. Чельцов. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя, ж. «Социалистическая законность», 1937, № 3, стр. 28—35.

⁶ Р. Д. Рахунов. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1954, стр. 27—30.

⁷ Р. Д. Рахмунов. *op. cit.*, 27. un 29. lpp.

nepatiesu ziņojumu (KK 173. p.) u. tml. Arī šajos, tāpat kā R. Rahunova nosauktajos gadījumos noziegumu var izdarīt tikai noteikti zināma persona un izmeklēšana tikai par faktu būtu it kā «bezpriekšmetiska».

R. Rahunovs acīmredzot arī pats pamanījis, ka tādu noziegumu sastāvu uzskaitījums, par kuriem, sekojot viņa pamatojumiem, varētu ierosināt lietu «pret personu», izskatās visai izplūdis un var aptvert lielu daļu kriminālkodeksa sevišķās daļas pantu. Tāpēc viņš lūko formulēt ierobežotu vispārinājumu. Taču arī tas ir tikpat nenoteikts. Viņš liek priekšā pielaut krimināllietu ierosināšanu pret personu šādos vispārīgos nosacījumos:

«a) kad likumā tieši paredzētas tās personas, kas saucas pie kriminālatbildības par noteiktiem noziegumiem; b) kad pēc noziedzīgā nodarījuma rakstura no paša sākuma skaidri redzama persona, kas turama aizdomās; c) kad persona notverta ar lietiskiem pierādījumiem, t. i., notverta sagatavojot vai izdarot noziegumu un ir zināmi šā nodarījuma aculiecinieki; d) kad persona pati pieteikusi par vainīgo; e) kad iztiesāšanas gaitā noskaidrojas jauni līdzdalībnieki, vai atklājas jauns noziegums; f) kad šādi apstākļi atklājas izmeklēšanas gaitā».⁸

Tā kā R. Rahunova formulējumi aptver arī dažu citu šeit neminētu procesuālistu uzskatus, rodas iespēja, aplūkojot viena autora viedokli, iztīrīt problēmu visumā. Lūkosim tajā orientēties.

Uzsākot iztīrījumu, vispirms nepieciešams norobežoties no jebkādas diskusijas par «kriminālvajāšanu». Šķiet, ka mūsdienās, pēc 1958. gada PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu un tiem sekojošo savienoto republiku kriminālprocesa kodeksu pieņemšanas, vairs nav nekādas vajadzības atgriezties pie jēdziena «kriminālvajāšana». Spēkā esošā kriminālprocesuālā likumdošana šo terminu ir pilnīgi izstūmusi no normu teksta. Arī teorijā jēdziens «kriminālvajāšana» tagad kļuvis par lieku balastu; tas neizteic kādu padomju procesuālu institūtu vai normu, tas nesatur pat atsevišķu procesuālu noteikumu. Pēc būtības «kriminālvajāšana» neiederas padomju sociālistiskajā kriminālprocesā, kurā notiek nevis noziegumu izdarijušās personas «vajāšana», bet gan lietas vispusīga, pilnīga un objektīva izmeklēšana (KPK 19. p.), nozieguma un to izdarijušās personas noskaidrošana, apsūdzētā vainas un atbildības pakāpes noskaidrošana (KPK 47. p.), lai tiesa varētu taisīt likumīgu, pamatotu un taisnīgu spriedumu. Nav redzams, kur un kā starp šiem vispārzināmiem un likumā noteiktiem procesa elementiem varētu ievietoties «kriminālvajāšana». Kriminālvajāšana prezumē apsūdzēto nevis kā tiesību subjektu,

⁸ Р. Д. Рахунов. *op. cit.*, 30. lpp.

bet kā vajāšanas objektu, kas nepavisam neatbilst padomju kriminālprocesa būtībai, principiem un struktūrai.

Kriminālvajāšanas institūts (funkcija) ir cieši iesakņojies buržuāziskajā kriminālprocesā. Uz kriminālvajāšanas principiem bija uzbūvēta arī cariskās Krievijas tiesvedība. Šo jēdzienu sastopam daudzās 1864. gada tiesu statūtu normās.⁹ Ir zināms, ka jau kopš cariskās Krievijas tiesu sistēmas un tiesvedības noārdīšanas padomju kriminālprocesā, tāpat kā citās tiesību nozarēs gan tiek lietoti daudzi agrākie tiesību institūtu nosaukumi, gan tiek izmantoti daži institūti, atbilstoši sociālistiskās valsts un darba ļaužu interesēm. Taču jau kopš Oktobra sociālistiskās revolūcijas tika atmesti tie, kas nebija savienojami ar sociālistiskās tiesvedības pamatprincipiem. Nav nekāda pamata uzskatīt «kriminālvajāšanu» par tādu procesuālu funkciju vai par tādu institūtu, ko nepieciešams vai pieļaujams patapināt no pagātnes un pielāgot sociālistiskās jurisdikcijas vajadzībām. Tāpēc pievērsisimies krimināllietas ierosināšanai pret personu, pilnīgi atdalot šo jautājumu no apsvērumiem par «kriminālvajāšanu» un tās uzsākšanas brīdi.

Šīs problēmas iztirzājumu visloģiskāk ir iesākt ar augstāk jau izklāstītās praktiskās koncepcijas analīzi un tikai pēc tam aplūkot tās principiālo pusi.

R. Rahunova viedoklis, ka krimināllietu ierosināt pret personu ir pieļaujams, bet virknē gadījumu pat nepieciešams, ir argumentēts tīri praktiski. Tas pamatots nevis ar principiāliem apsvērumiem, bet ar lietderību. Pat vairāk — autors uz principiālām pozīcijām nemaz nenostājas. Tātad palūkosimies vispirms R. Rahunova ieteikumu secībā, vai krimināllietas ierosināšana pret personu ir **praktiski** nepieciešama, praktiski attaisnota, kādus tā dod rezultātus.

Pirmais no augšminētiem ieteikumiem attiecas uz gadījumiem, kad «likumā tieši paredzētas personas, kas saucamas pie kriminālatbildības». R. Rahunovs šeit atsaucas uz KK pantu, kas nosaka kriminālatbildību par standartam neatbilstošas vai nekomplektas produkcijas izlaišanu no rūpniecības uzņēmuma, jo pie kriminālatbildības likums šai gadījumā pieļauj saukt tikai zināmas personas — uzņēmuma direktoru, galveno inženieri un tehniskās kontroles daļas priekšnieku (Latvijas PSR KK 147. p.). Šai pašai pazīmei, bez šaubām, atbilst arī izvairīšanās no iesaukuma karadienestā (KK 75. p.), izvairīšanos no bērnu uzturēšanas (KK 118. p.) un daudzi citi noziegumu sastāvi, kur

⁹ Skat. «Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны», ч. 2 («Устав уголовного судопроизводства»). Skat. arī М. А. Чельцов-Бебутов. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах, Госюриздат, М., 1957, стр. 749—794.

noziedzuma subjekts arī ir speciāls tai nozīmē, ka noziedzuma sastāvam vajadzīga tā individuāla noteiktība. R. Rahunovs secina: ja šādos gadījumos noteikti nav zināma persona, kas izdarījusi noziedzumu, tad nevar ierosināt krimināllietu, jo tā jāierosina pret personu.¹⁰

Uzkrītošs ir šis domgaitas neloģiskums. Krimināllikums pieņemto noziedzumu subjektus nav noteicis personāli nav nosaucis tos kā individuāli noteiktas personas, bet tikai aprakstījis amatu vai pienākumu pildītājus, kam loģiski jābūt atbildīgiem par attiecīgo nodarījumu (direktors, galvenais inženieris, alimentu nemaksātājs, persona, kas izvairās no iesaukuma karadienestā u. tml.). M. S. Strogovičs šai sakarībā, kritizēdams R. Rahunova viedokli, raksta, ka par standartam neatbilstošas vai nekomplektas produkcijās izlaišanu atbildīgā amatpersona noziedzuma izdarīšanas brīdī var būt bijusi atvaļinājumā un tāpat pie kriminālatbildības būs jāsauc, piemēram, nevis uzņēmuma direktors, bet viņu aizstājusī persona. Bez tam, kā zināms, pastāv rūpniecības uzņēmumi, kuru štatos nav, piem., galvenā inženiera, bet ir darbu tehniekie vadītāji, vai arī nav īpašu tehniskās kontroles daļu un tāpat nav arī attiecīgu priekšnieku u. tml.) — šādos gadījumos krimināllietas ierosināšana tieši pret likumā noteiktu amatpersonu būtu praktiski absurda.

Par to, ka krimināllietas ierosināšana pret personu vispār ir nepieļaujama, ka tā ir pretrunā ar padomju kriminālprocesa principiem, struktūru un uzdevumiem, mēs runāsim vēlāk. Pagaidām M. S. Strogoviča piemēru šeit izlietojām tikai tādēļ, lai vienu praktisku apsvērumu ilustrētu ar citu, tam pretēju. Bet praktiskas ilustrācijas mēs varam ņemt arī no Latvijas izmeklēšanas iestāžu prakses.

1960. gadā Rīgas Jūrmalas tautas tiesa ierosināja krimināllietu pret personu, tieši pret pilsoni L. par ļaunprātīgu izvairīšanos no līdzekļu maksāšanas bērna uzturam (KK 118. p.) un L. tiesas sēžu zālē apcietināja. Izmeklēšanā noskaidrojās, ka pilsonis L. nebija tā persona, kuru bija domājusi bērna māte, bet īstais «alimentu nemaksātājs» pat nezināja, ka viņam ir bērns un ka no viņa tiesa piespriedusi alimentus šā bērna uzturam.¹²

1961. gada oktobrī Armēnijas PSR Aštavaras rajona prokuratūra bija ierosinājusi krimināllietu pret pilsoni N. par izvairīšanos no iesaukuma aktīvajā karadienestā (LPSR KK 75. p.)

¹⁰ Р. Рахунов. *op. cit.*, 29. lpp.

¹¹ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, изд. Академии Наук СССР, М., 1958, стр. 264—265.

¹² Jūrmalas pilsētas tautas tiesas arhīvs — 1960. gada krimināllietā Nr. 1/180.

un izsludināja viņa meklēšanu. Meklēšanas uzdevums tika saņemts pēc N. pēdējās uzturēšanās vietas Rīgas Jūrmalā. Izrādījās, ka N. bija tiešām atbraucis atpūtā uz Rīgas Jūrmalu, šeit arestēts par cita nozieguma izdarīšanu un ilgstoši atradies apcietinājumā un tātad no aktīva karadienesta viņš izvairījies nebija. Šo lietu izbeidza.¹³

Ilustrāciju daba arī jurisprudencē ir tāda, ka tās fikse faktus, uzskatāmi parāda kādu pareizu vai nepareizu rīcību, taču atsevišķi piemēri ir vāji argumenti. Mūsu nolūks, demonstrējot šos piemērus, bija nevis tūdaļ panākt secinājumu, ka ja krimināllietas ierosināšana pret personu dažos gadījumos izrādās aplama, tad tāpēc vispār tā ir nepareiza, bet gan tikai parādīt, ka krimināllietas ierosināšanas stadijā personu, kas noziegumu izdarījusi, iespējams fiksēt **tikai hipotētiski**, un ka tieši lietas izmeklēšana ir tā stadija, tas posms kriminālprocesā, kurā sākotnējie hipotētiskie pieņēmumi pārvēršas ticamos, uz pierādījumiem dibinātos konstatējumos, vai arī tie izrādās par nepareiziem un atmetamiem.

Rakstīt lēmumā par krimināllietas ierosināšanu personas vārdu, uz kuru krit aizdomas, ka tā izdarījusi noziegumu, no procesuālā viedokļa ir gandrīz tas pats, kas celt apsūdzību tikai uz varbūtības pamata, bez pierādījumu savākšanas un pārbaušanas. Bet tieši tā rīkojas R. Rahunovs, likdams priekšā krimināllietas ierosināt pret personu, it īpaši tad, ja pēc nozieguma rakstura «no paša sākuma redzama persona, kas turama aizdomās», vai «kad persona notverta ar lietiskiem pierādījumiem», vai arī «kad persona pati pieteikusies par vainīgo».¹⁴ Arī šajos gadījumos, neraugoties uz visu «skaidrību», pastāv **tikai varbūtība**, ka šī persona noziegumu izdarījusi.

Piemēra pēc ņemsim šķietami «visskaidrāko» no minētajiem gadījumiem — pieteikšanos par vainīgo. 1957. gadā Jūrmalas pilsētas milicijas daļā ieradās pilsonis K. un ziņoja, ka viņš izdarījis pilsones N. personīgā mēteļa zādzību. K. pareizi aprakstīja nozieguma izdarīšanas apstākļus. Jūrmalas milicijas daļa **ierosināja krimināllietu pret K.** Taču izmeklēšanas gaitā noskaidrojās, ka zādzību izdarījusi P., kas pēc cietušās ziņojuma milicijai, kad uz viņu kritušas aizdomas, pierunājusi K. uzdoties par vainīgo un sīki izstāstījusi viņam zādzības apstākļus.¹⁵

Tas pats sakāms arī par citiem R. Rahunova nosauktajiem noziegumiem, par kuriem, pēc viņa domām, izmeklēšana kļūtu «bezpriekšmetiska», ja lieta netiktu ierosināta pret noteiktu

¹³ Jūrmalas pilsētas Milicijas daļas arhivs, 1962. g. materiāls Nr. 94/614.

¹⁴ P. Р а х у н о в. *op. cit.*, 30. lpp.

¹⁵ Jūrmalas pilsētas milicijas daļas 1957. gada krimināllietā Nr. 65789.

personu. Var tikai pabrīnīties par loģisko kļūdu, ko arī šeit pieļauj kompetents procesuālists. Ir zināms, ka ikvienā krimināllietā izmeklēšanas priekšmets ir nevis persona, bet noziegums, un ka noziegumam vienmēr ir savs subjekts, neatkarīgi no tā, vai tas minēts lēmumā par krimināllietas ierosināšanu. Nozieguma atklāšanā un to izdarījušās personas noskaidrošanā itnekā pozitīva nevar dot tas apstākļi, ka aizdomās turētā vārds tiek nosaukts jau lietas gaitas pašā sākumā, jo izmeklēšanas gaita un uzdevumi no tā negrozās: arī šādos gadījumos tāpat gan noziegums ir jāatklāj, gan jācenšas noskaidrot personu, kas to izdarījusi. Slikti ir tas, ka krimināllietas ierosināšana pret noteiktu personu prezumē, kā «pavisam skaidru» to, ko lietas iesākumā pirms tās izmeklēšanas nekad nedrīkstētu uzskatīt par pavisam skaidru. Pretējais noved pie visai kļūmīgām sekām. Izmeklētāji, kam jau ierosinot lietu, ir «skaidrs», kas noziegumu izdarījis, ir tie sliktākie izmeklētāji.¹⁶

Bet no R. Rahunova apsvērumiem var secināt arī pavisam ko citu: krimināllietā **pret personu** jāierosina nevis tāpēc, ka izmeklētājam konkrētajā gadījumā ir skaidrs, kas noziegumu izdarījis, bet tāpēc, ka to prasa likums, nozieguma sastāva struktūra, kad tajā noteikts speciāls nozieguma subjekts (uzņēmuma direktors, kas laidis klajā standartam neatbilstošu produkciju; persona, kas izvairījusies no iesaukuma karadienestā vai ļaunprātīgi izvairījusies dot līdzekļus bērna uzturam u. tml.). Taču lieta ir tā, ka likums šeit gan nosaka noziegumam speciālu subjektu, bet neprasa, la ikrimināllietā tiktu **ierosināta pret** šo subjektu. Kriminālprocesa pamatu 3. pantā (Latvijas PSR KPK 3. p.) ir noteikts gluži pretējais — lieta ierosināma pēc nozieguma pazīmēm, bet nozieguma **pazīmēs** nepavisam neietilpst **personas**, kas par to atbildīgas. Nozieguma pazīmes ir **fakti**, kas veido tā sastāvu.

Kriminālprocesa Kodeksā ir nepārprotami reglamentēti visi lēmuma par krimināllietas ierosināšanu rekvizīti. Lēmumā jānorāda: krimināllietas ierosināšanas **iesmesls** (ziņu avots) un **pamats** (nozieguma sastāvs), krimināllikums, pēc kura pazīmēm lietu ierosina un lietas tālākais virziens (KPK 113. p.). Spēkā esošajā procesuālajā likumdošanā neatrodam itnekāda **vispārēja** norādījuma, ka lieta būtu ierosināma **pret personu**. Gluži otrādi, pastāv vispārēja prasība, ka lieta ierosināma pēc nozieguma pazīmēm. (No šā vispārīgā noteikuma kriminālprocesuā-

---

¹⁶ Literatūrā un pat dienas presē tiek minēti gadījumi, kur pie traģiskām izmeklēšanas kļūdām nonāk izmeklētāji, kuriem jau lietas sākumā «viss ir skaidrs». Skat., piemēram, Ю. Феофанов. Человек, который сомневался, газ. «Известия», 27 II 1965 г.

lajā likumdošanā zināmi tikai divi izņēmumi, par kuriem runāsim vēlāk).¹⁷

No raksta sākumā minētā uzskaitījuma krimināllietu ierosināšanai pret personu neesam vēl pieskārušies divām procesuālām kategorijām — personīgās un personīgi-publiskās apsūdzības lietām, kuras pēc R. Rahunova domām arī ierosināmas ne citādi, kā tikai pret noteiktu personu. To viņš izvirza kā obligātu prasību aiz šādiem apsvērumiem. Pirmkārt — kriminālvajāšana šais lietās tiekot uzsākta jau lietas ierosināšanas brīdī un, otrkārt, — personīgās un personīgi publiskās apsūdzības lietas vispār varot ierosināt tikai tad, ja cietušais savā sūdzībā tieši norādot uz konkrētu personu kā vainīgo.¹⁸

Sie apsvērumi ir patvaļīgi, tie nav dibināti uz likumu. Cietušā pieteikumu (sūdzību) likums šajos gadījumos paredz tikai kā krimināllietas ierosināšanas iemeslu. Likums nenosaka, lai cietusi izvarošanas lietā savā sūdzībā tieši nosauktu nozieguma izdarītāju. Sai lietu kategorijā paliek spēkā vispārīgais princips: pirmstiesas izmeklēšanas gaitā jānoskaidro, vai noziegums ir noticis, kas to izdarījis, un tikai pēc tam, ceļot apsūdzību, šo personu var saukt vārdā.

Personīgās apsūdzības lietās turpretim pastāv krasas īpatnības, to gaita ir izņēmums no vispārējās procesuālās kārtības. Īpatnība pastāv arī tanī apstākļi, ka personīgās apsūdzības lietā cietušā pieteikums par noziegumu reizē ir arī konkrētas personas apsūdzība. Apsūdzība nevar būt bezpersoniska. Tautas tiesnesis šādu lietu ierosina nevis tās iepriekšējai izmeklēšanai, bet apsūdzētā nodošanai tiesai un iztiesāšanai. Tātad šeit mēs sastopamies ar tādu izņēmuma kārtību, kad pirms lietas ierosināšanas jau ir apsūdzētais, lai arī tā ir tikai personīgā (privātā) apsūdzība. Un tā kā tautas tiesnesis šādās lietās savu lēmumu par krimināllietas ierosināšanu parasti apvieno ar lēmumu par apsūdzētā nodošanu tiesai, tad arī viegli saprotams, ka šai lēmumā apsūdzētais jānosauc, jo arī nodošana tiesai nevar būt bezpersoniska.

No teiktā redzams, ka personīgās apsūdzības lietu ierosināšana mūs interesējošā nozīmē tādā mērā atšķiras no vispārējās (publiskās apsūdzības un personīgi-publiskās apsūdzības) lietu ierosināšanas kārtības, ka tā diskusijā par krimināllietas ierosināšanu pret personu ieņem sevišķu vietu. Tas ir teorētiski patstāvīgs jautājums, tāpēc to apskatīsim atsevišķi, bet pagaidām turpināsim mūsu pamatjautājumu.

R. Rahunova apsvērumus par labu krimināllietas ierosināšanai pret personu, esam aplūkojuši no praktiskās tiesvedības

¹⁷ Skat. Latvijas KPK 257. un 411. p.

¹⁸ Р. Р а х у н о в, *op. cit.*, 27. lpp.

viedokļa, bet pret tiem var izvirzīt arī vispārējo rakstura iebildumus. Tie ir principiāli-procesuālas dabas un saistās ar procesa dalībnieku problēmu.

Ir zināms, ka kriminālprocess kā procesuāla darbība norisinās ciešā saskaņā ar likumu, stingri noteiktās procesuālajās formās un ka tas notiek kriminālprocesa uzdevumu (KPK 2. p.) atrisināšanas interesēs. Tāpat ir zināms, ka procesuālajā darbībā, ko virza likumā noteikti valsts varas orgāni (tiesa, tiesnesis, prokurors, izmeklētājs, izziņas iestāde un izziņas izdarītājs), var piedalīties tikai zināmas, likumā noteiktas personas, sauktas par procesa dalībniekiem. Likumā ir noteikts nevien ikviena procesa dalībnieka procesuālais stāvoklis, paredzētas viņa tiesības un pienākumi, bet noteikts arī, no kura brīža un kā jebkurš procesa dalībnieks var sākt darboties lietā, kāds procesuāls akts nepieciešams, lai persona vispār iegūtu procesa dalībnieka statusu. Tādējādi jau likumā ir redzamas gan ikviena procesa dalībnieka pilnvaras (tā tiesību un pienākumu robežas), gan redzami tie procesuālie uzdevumi, kuru veikšanai viņa piedalīšanās procesā ir noteikta. Kopumā valsts orgāni, kas virza procesu, un procesa dalībnieki, kuru līdzdalība procesā pieļauta, veido vienotu sistēmu, kuras struktūra kalpo tam pašam: kriminālprocesa vispārējo (KPK 2. p. 2. d.) un speciālo (KPK 2. p. 1. d.) uzdevumu sekmīgai atrisināšanai un tiesvedības mērķu sasniegšanai. Nekas šai sistēmā nav bezmērķīgs, nekā nav ar gadījuma raksturu. Gadījuma rakstura, likumā neparedzēti procesa dalībnieki vispār ir pilnīgi nepieļaujami. Tikai tā sasniedzama likumības nodrošināšana tiesvedībā, lietas vispusīga, pilnīga un objektīva izmeklēšana, patiesības noskaidrošana un likumīgs, pamatots un taisnīgs kriminālsprindums.

Tātad tās personas, kuras kaut kādi var līdzdarboties lietā, kas var stāties sakarā ar to zināmās tiesiskās attiecībās, vai kas var būt pakļautas piespiešanai, vai pret kurām var vērst procesuālos aktus — itin visas likumā abstrakti ir paredzētas. Šīs personas vienmēr būs vai nu aizdomās turētais, vai apsūdzētais, vai cietušais, vai speciālists, vai eksperts, vai liecinieks, vai pieaicinātais, tulk u. c.

No mūsu problēmas viedokļa jautājumā par procesa dalībniekiem svarīgi ir šādi konstatējumi: likumā ir noteikti visi procesa (lietas) dalībnieki; katrs no tiem ir tiesību subjekts; nevien no tiem nedrīkst būt un nav tikai procesuālo darbību objekts; likumības nodrošināšana prasa nepieļaut krimināllietā nevienu beztiesīgu dalībnieku, tātad visu viņu procesuālajam stāvoklim likumā jābūt iepriekš likumā skaidri noteiktam; likumības nodrošināšana un procesa uzdevumu atrisināšana kategoriski izslēdz iespēju līdzdarboties kriminālprocesā personām.

kurām nav ne sava noteikta procesuāla stāvokļa, ne tiesību un pienākumu.

Tagad paraudzīsimies, kāda uz šā fona izskatīsies krimināllietas ierosināšana **pret personu**. Kā piemēru ņemsim vienu no krasākiem gadījumiem — personas pieteikšanos par vainīgo. Kas ir šī persona krimināllietas ierosināšanās stadijā? Pēc likuma tā ir tikai nozieguma izdarīšanas pieteicēja (KPK 108. p.). Vai šī persona pieteikumā ir runājusi patiesību, vai viņa nav kļūdījusies, kas īsteni ir izdarījis pieteikto noziegumu — vai viņa pati vai kāds cits, — ir jautājumi, kas vēl noskaidrojami. Izmeklēšanas gaitā var rasties dažādas versijas, un par personu, kas saucama pie kriminālatbildības, patiesībā var izrādīties nevis tas, kurš pieteicies par vainīgo, bet pavisam cits cilvēks.¹⁹ Tas pats sakāms arī par tādiem nodarījumiem, par kuriem LPSR izmeklēšanas iestāžu praksē visbiežāk sastopama lietas ierosināšana par personu — huligānismu un transporta kustības noteikumu pārkāpumiem.

Bet kas notiek, ja nedara to, ko nosaka likums (KPK 113. p.), t. i., lietu neierosina pēc nozieguma pazīmēm vien, bet gan lēmumā tiek nosaukta tieši persona «par kuru» lieta ierosināta? — Tad kriminālprocesa loģiskā struktūra tiek salauzta. Likums prasa, lai vispirms konstatētu nozieguma pazīmes, tad uz šā pamata ierosinātu lietu (KPK 107. un 109. p.), savāktu pietiekamus pierādījumus un tikai pēc tam formulētu apsūdzību un nosauktu personu, kas noziegumu izdarījusi (KPK 145. p.), nostādot viņu pilnīgi noteiktā kriminālprocesa dalībnieka — apsūdzētā stāvoklī. Turpretim, ja šī persona kā nozieguma izdarītājs jau pirms izmeklēšanas tiek ierakstīta lēmumā par lietas ierosināšanu²⁰, tad tas nozīmē iepriekšēju pieņēmumu par viņas vainu, ko atliek apstiprināt ar nepieciešamiem pierādījumiem. Kriminālprocesa struktūra tādā kārtā kļūst ačgārna. Lietas apstākļu vispusīgas, pilnīgas un objektīvas noskaidrošanas vietā stājas vainas prezumpcija, automātiski vēršot izmeklēšanu pret noteiktu personu, bet nepiešķirot tai apsūdzētā procesuālās tiesības. Šāds cilvēks nav procesuālo attiecību subjekts, tas tiek padarīts par beztiesīgu izmeklēšanas objektu līdz pat apsūdzības celšanas brīdim. Labi redzams, cik riskants šāds ceļš ir patiesības noskaidrošanai un cik kļiedzošā pretrunā tas ir ar padomju kriminālprocesa pamatprincipiem un sistēmu.

Patiesām — kas tad ir šāda persona, pret kuru (vai par

¹⁹ Skat., piemēram, Jūrmalas pilsētas milicijas daļas 1957. g. krimināllietu Nr. 65789.

²⁰ Sai ziņā nav svarīgi, vai nozieguma izdarītājs nosaukts šā lēmuma rezolutīvajā vai aprakstošajā daļā, formulējot tajā arī viņa nodarījumu. Latvijas PSR Prokuratūras un Sabiedriskās kārtības sargāšanas ministrijas izmeklēšanas orgānu praksē izplatītāks ir otrais veids.

kuru) tiek ierosināta krimināllieta? Tā nav ne aizdomās turētais, ne apsūdzētais; viņai nav šo procesa dalībnieku tiesiskā statusa. Tā nevar būt arī liecinieks, jo liecinieku nevar pratināt par viņa paša nodarījumu, to nevar spiest uz pašapsūdzību, piedraudot ar atbildību par atteikšanos liecināt un par apzināti nepatiesu liecību.²¹ Psiholoģiski šāda persona vistuvāk stāv aizdomās turētajam, bet aizdomas vien nepiešķir procesuālu stāvokli, nepadara par aizdomās turēto kā procesa dalībnieku (KPK 121. p.). Vārdu sakot, ar lietas ierosināšanu **pret personu** tā tiek nostādīta gluži neiespējamā un padomju kriminālprocesā nepieļaujamā tiesvedības objekta situācijā, atņemot tai likumā noteiktās procesuālās garantijas.

Nevar saskatīt citāda izskaidrojuma šādai lietas ierosināšanas formai kā nepieļaujamu tendenci piešķirt tādu raksturu un saturu izmeklēšanai jau **līdz** apsūdzības celšanai, kāds tai var piemist tikai **pēc** tam, kad persona jau saukta pie kriminālatbildības, lai, kā saka R. Raĥunovs, izmeklēšana nebūtu «bezpriekšmetiska».²²

No teiktā varam izdarīt šādus secinājumus. Krimināllieta vienmēr jāierosina **pēc nozieguma pazīmēm**, kā to nosaka likums; lietas ierosināšana **pret personu** ir nepieļaujama tāpēc, ka ar to tiek pārkāpts likums, galvenokārt tāpēc, ka ar to procesā līdz apsūdzības celšanai tiek ieviests beztiesīgs objekts — «persona, pret kuru ierosināta lieta», ko nevar savienot ar padomju kriminālprocesa principiem un tā struktūru.

Jautājumā par krimināllietas ierosināšanu pret personu ļoti noteiktu negatīvu pozīciju jau kopš daudz gadiem ir ieņēmis profesors M. S. Strogovičs. Viņš uzskata, ka krimināllietu var ierosināt tikai par faktu, nozieguma notikumu, nepieļaujot no tā nekādus izņēmumus, bet savu viedokli plašāk neargumentē.²³ Daudz vairāk šim jautājumam uzmanības ir veltījuši N. V. Žogins un F. N. Fatkuļlins savā grāmatā par iepriekšējo izmeklēšanu²⁴, kaut arī viņi nenostājas tik kategoriski.

N. Žogins un F. Fatkuļlins uzskata, ka krimināllietas ierosināšana pret personu ir apsūdzības celšanas nepieļaujams surogāts, jo ar to pilsonis pirms apsūdzības celšanas tiek pārvērst par izmeklējumā esošu personu un pat par sava veida apsūdzēto. Viņi noraidā šādu rīcību ne vien aiz juridiskiem, bet arī

²¹ Pārbaudot lielāku skaitu krimināllietu, kas 1966. un 1967. gados ierosinātas Rīgas pilsētas rajonu prokuratūrās un Sabiedriskās kārtības sargāšanas ministrijas izmeklēšanas orgānos, noskaidrojās, ka vairumā gadījumos pēc lietas ierosināšanas par personu, tā tomēr tiek pratināta kā liecinieks.

²² Р. Рахунов. *op. cit.*, 29. lpp.

²³ М. С. Строгович. *op. cit.*, 264. lpp.

²⁴ Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе, изд. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 25—28.

morāliem iemesliem.²⁵ Taču N. V. Žogins un F. N. Fatkullins atzīst par pieļaujamu ierosināt lietu **pret personu** tais gadījumos, kad lietā nav pirmstiesas izmeklēšanas stadijas. Šo izņēmumu no vispārīgā principa viņi pieļauj tāpēc, ka šādās lietās nav īpaša lēmuma par personas saukšanu pie kriminālatbildības, bet apsūdzība tāpēc jāformulē tieši lēmumā par lietas ierosināšanu. Kā uz piemēru, kur to prasot tieši likums, viņi atsaucas uz Uzbekijas PSR KPK 373. pantu, kurā regulēta lietas ierosināšana personīgās apsūdzības lietās.²⁶

Pilnīgi var pievienoties viedoklim, ka krimināllietas ierosināšana pret personu ir apsūdzības celšanas nepieļaujams surogats, ar ko pilsoni pirms saukšanas pie kriminālatbildības pārvērš par sava veida apsūdzēto. Bet nevar saprast, kāpēc tādā gadījumā šis surogats nepieciešams lietās, kurās nenotiek pirmstiesas izmeklēšana. Man liekas, ka N. Žogins un F. Fatkullins savos argumentos pieļauj rupju kļūdu, saistīdami apsūdzības formulējumu šādās lietās ar lēmumu par lietas ierosināšanu un sakarā ar to atzīdami par iespējamu krimināllietu ierosināt **pret personu**.

Saukšana pie kriminālatbildības un ar to saistītais apsūdzības formulējums tādā vai citādā veidā ir nepieciešami katrā krimināllietā. Bez tā nav iespējama nodošana tiesai. Ja nav apsūdzības — nodošana tiesai būtu bezpriekšmetiska, bet, ja persona nav saukta pie kriminālatbildības, tad nav juridiska pamata to nodot tiesai. Apsūdzība vien, kamēr tā nav ietverta lēmumā par saukšanu pie kriminālatbildības (publiskās apsūdzības lietās) vai kamēr to nav sankcionējis tiesnesis (personīgās apsūdzības lietās), nevar būt par pamatu personas (apsūdzētā) nodošanai tiesai. Pretējais novestu pie tā, ka apsūdzība varētu būt patvaļīga un nepamatota.

Tāpēc lietās, kurās nenotiek pirmstiesas izmeklēšana un tāpat nav spēcīga apsūdzības celšanas akta, loģiski būtu saukšanu pie kriminālatbildības un apsūdzības formulējumu saistīt nevis ar lietas ierosināšanu (kam tas nav vajadzīgs), bet ar nodošanu tiesai (kam tas ir nepieciešams).

Aplūkosim šo problēmu mazliet tuvāk.

Pēc spēkā esošās padomju kriminālprocesuālās likumdošanas bez pirmstiesas izmeklēšanas un tāpat arī bez izmeklēšanas orgānu lēmuma par saukšanas pie kriminālatbildības, apsūdzētā nodošana tiesai var notikt tikai personīgās apsūdzības lietās (LPSR KPK 111. p. 2. punkts, 223. p. 1. d., 224. p. 1. d.)

²⁵ Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. Предварительное следствие в советском уголовном процессе, изд. «Юридическая литература», М., 1967, стр. 26—27.

²⁶ Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин. *op. cit.*, 28. lpp.

un lietās par vienkāršo vai atkārtoto sīko huligānismu — par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. g. 1. daļā (KPK 411. p.). Šajās lietās, nododot apsūdzēto tiesai, vienā procesuālā aktā saplūst šādi tiesneša (vai tiesas) nolēmumi: a) par krimināllietas ierosināšanu; b) par likumpārkāpēja saukšanu pie kriminālatbildības; c) par likumpārkāpēja (apsūdzētā) nodošanu tiesai. Šajā nolēmumu kopumā katrs iepriekšējais ir tam sekojošā procesuāls priekšnoteikums.

Pie kriminālatbildības saukt un nodot tiesai var tikai konkrētu personu — likumpārkāpēju, apsūdzēto. Tātad, lemjot par saukšanu pie kriminālatbildības un par nodošanu tiesai, likumpārkāpējs obligāti jānosauc vārdā. Turpretim lemjot par krimināllietas ierosināšanu, jāvadās no tā, ka ir nozieguma pazīmes; nosaukt likumpārkāpēju nav nedz vajadzības, nedz pamata. Tāpēc tad arī aplūkojamā lietu kategorijā tiesneša (vai tiesas) lēmums par lietas ierosināšanu un likumpārkāpēja nodošanu tiesai, kas formulēts atbilstoši tikko sacītajam, savā rezolutīvajā daļā varētu izskatīties apmēram šādi:

Variants
huligānisma
lietām

- a) ierosināt krimināllietu pēc LPSR KK ... p. ... d. paredzētā nozieguma pazīmēm;
b) **saukt pie kriminālatbildības A. A.** par to, ka viņš (seko vai nu apsūdzības formulējums, vai norāde uz tās formulējumu izziņas orgāna sastādītajā vispārējā protokolā) t. i., izdarījis LPSR KK 204. p. 1. d. paredzēto noziegumu, un apsūdzēto šai noziegumā A. A. **nodot tiesai** (seko pārējie KPK 228. p. norādītie lēmuma rekvizīti).

Variants
personīgās
apsūdzības
lietām

- b) **saukt pie kriminālatbildības A. A.** par to, ka viņš izdarījis pilsoņa B. B. iesniegtajā sūdzībā aprakstīto noziegumu, kas paredzēts LPSR KK ... p. ... d., un A. A. kā apsūdzēto šai noziegumā **nodot tiesai** (seko pārējie KPK 228. p. norādītie lēmuma rekvizīti).

No šiem piemēriem pietiekami skaidri redzams, ka ne tikvien no agrāk jau izklāstītā procesuāli juridiskā viedokļa, bet arī procesuālās dokumentācijas skaidrības labad nav nedz vajadzības, nedz pamata jautājumu par krimināllietas ierosināšanu saistīt ar apsūdzības formulējumu un ierosināt lietu pret personu tais gadījumos, kad lietā nav notikusi pirmstiesas izmeklēšana.

Pabeidzot temata iztirzājumu, mums jāapstājas pie kriminālprocesā zināmā gadījuma, kad tieši likumā ir paredzēta lietas ierosināšana pret personu.

Savienoto republiku krimināli procesuālajā likumdošanā ir

tikai viena norma, kurā paredzēta krimināllietas ierosināšana tieši pret personu, proti — ja iztiesāšanas gaitā noskaidrojas apstākļi, kas norāda, ka noziegumu ir izdarījusi persona, kura nav saukta pie kriminālatbildības. Likumā noteikts, ka šādā gadījumā tiesa, noklausījusies prokurora atzinumu, **ierosina par šo personu lietu** un nosūta nepieciešamos materiālus iepriekšējai izmeklēšanai vai izziņai (LPSR KPK 257. p. 1. d.).²⁷ Gandrīz visu savienoto republiku spēkā esošajos Kriminālprocesa kodeksos šis noteikums ir formulēts tāpat.²⁸ Izņēmums ir vienīgi Kazahijas PSR un Igaunijas PSR Kriminālprocesa kodeksi, par kuriem runāsim atsevišķi.

Varētu domāt, ka ar šo formulējumu likumdevējs pats ir vai nu vispār legalizējis krimināllietu ierosināšanu pret personu, vai arī uzskatījis lietas ierosināšanu tiesas sēdē par izņēmuma gadījumu, kurā citādi rīkoties nemaz nav iespējams.

Abi šie pieņēmumi, tuvāk aplūkoti, izrādās par nepamatotiem. Ar LPSR 257. p. 1. daļas (un citu savienoto republiku attiecīgo KPK pantu) formulējumu nevar noteikt vispārīgo iespēju krimināllietu ierosināt nevis pēc nozieguma pazīmēm, bet pret konkrētu personu, jo tādā gadījumā republikāniskais likums būtu tiešā pretrunā ar vispārīgo normu, kas izteikta PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 3. pantā. Nevar pieņemt arī, ka Latvijas PSR KPK 257. p. 1. d. (un citu savienoto republiku attiecīgo KPK pantu) formulējums par lietas ierosināšanu pret personu tiesas sēdē ir paredzēts kā izņēmums no vispārējās procesuālās kārtības, jo izņēmumi parasti vai nu tiek atrunāti, vai arī kodifikācijas kārtībā tiek ietverti sevišķās normās.

Man šķiet, ka ir pietiekams pamats LPSR KPK 257. p. 1. d. (un analogo citu republiku normu) formulējumu uzskatīt par precizitātes trūkumu, izteiksmes kļūdu. Šī kļūda, domājams, radusies tāpēc, ka pirms pēdējās kodifikācijas tāpatīgos KPK pantos figurēja nevis jēdziens «lietas ierosināšana», bet «personas saukšana pie atbildības», t. i., — figurēja **persona**. Tā kā padomju kriminālprocesa attīstībā ir atzīts, ka saukšana pie kriminālatbildības (jeb tā saucamā «kriminālvajāšanas uzsākšana») nav iespējama **pirms** lietas ierosināšanas, tad formulējuma maiņa pieminētajā KPK normā bija nepieciešama. Bet tā

²⁷ KPFSR 1923. g. Kriminālprocesa Kodeksā, kas bija spēkā Latvijas PSR teritorijā līdz 1961. g. 6. janvārim, attiecīgā normā bija noteikta nevis lietas ierosināšana pret personu, bet šīs personas tūlītēja saukšana pie kriminālatbildības (KPFSR 1923. g. KPK 314. un 315. p.).

²⁸ Skat. KPFSR KPK 256. p., Ukrainas — 278. p., Baltkrievijas — 256. p., Uzbekijas — 236. p., Gruzijas — 257. p., Azerbaidžanas — 276. p., Lietuvas — 282. p., Moldāvijas — 222. p., Kirgīzijas — 253. p., Tadžikijas — 258. p., Armēnijas — 247. p. un Turkmēnijas — 282. p.

nav izrādījusies visos gadījumos tik radikāla, lai pilnā mērā respektētu 1958. gada Kriminālprocesa pamatu 3. p. principiālo noteikumu, ka krimināllietas ierosināmas pēc nozieguma pazīmēm; **nevis par personu, bet gan par faktu.**

Ka tas tiešām varētu būt tā, pierāda tas, ka atsevišķu savienoto republiku spēkā esošajos kriminālprocesa kodeksos attiecīgais pants izteikts pilnīgā saskaņā ar Pamatiem. Tādi ir Kazahijas PSR un Igaunijas PSR kriminālprocesa kodeksi.

Kazahijas KPK 284. pantā ir noteikts, ka «ja tiesas izmeklēšanā tiek konstatēti apstākļi, kas norāda uz to, ka noziegumu izdarījusi persona, kas iztiesājamā lietā nav saukta pie kriminālatbildības, tiesa pieņem **lēmumu par krimināllietas ierosināšanu** un, izdalījusi attiecīgos materiālus, nosūta tos ar šā lēmuma norakstu izziņas vai iepriekšējās izmeklēšanas izdarīšanai».²⁹ Līdzīgi ir formulēts arī attiecīgais pants Igaunijas PSR kriminālprocesa kodeksā. Atšķirība tikai tā, ka šeit vēl noteiktāk uzsvērts, ka krimināllietā ierosināma **par noziegumu** (Igaunijas PSR KPK 217. p. 1. d.).³⁰ Abi šie formulējumi jāuzskata par tādiem, kas vairāk atbilst Kriminālprocesa pamatos izteiktai vispārējai prasībai par krimināllietas ierosināšanu pēc nozieguma pazīmēm.³¹

Aplūkojot krimināllietas ierosināšanu tiesas sēdē pēc būtības, redzmas, ka tā atšķiras no citiem lietas ierosināšanas gadījumiem tikai ar to, ka lietu ierosina nevis izziņas vai izmeklēšanas iestādes, bet tiesa. Nekādu citu īpatnību šeit nav. Tāpat kā visos citos gadījumos krimināllietas ierosināšanai nepieciešams iemesls un pamats. Pēc lietas ierosināšanas tāpat ir nepieciešama sākotnējo materiālu rūpīga pārbaude, pierādījumu savākšana, vispusīga, pilnīga un objektīva izmeklēšana. Arī šeit, tāpat kā citos krimināllietas ierosināšanas gadījumos, sākotnējās ziņas var izrādīties par pareizām, bet tās var arī neapstiprināties, lietu var izbeigt, vai pie atbildības var saukt pavisam citu personu utt. Tāpēc, ierosinot lietu pret personu tiesas sēdē, arī var nodarīt grūti labojamu morālu un tiesisku kaitējumu pilsonim, ja viņu, pretēji padomju kriminālprocesā noteiktai kārtībai un procesuālajām garantijām, jau pašā lietas iesākumā pirms apsūdzības celšanas nostāda it kā apsūdzētā stāvoklī, un bez likumīga

²⁹ Законодательство об уголовном судопроизводстве Союза ССР и союзных республик, том I, Госюриздат, М., 1963, стр. 600.

³⁰ Законодательство об уголовном судопроизводстве Союза ССР и союзных республик, том II, Госюриздат, М., 1963, стр. 855.

³¹ Visu aplūkoto KPK pantu formulējumi pilnīgi saskaņoti ar Kriminālprocesa pamatiem tad, ja tiesai būtu dota iespēja ne vien ierosināt augšminētajos gadījumos krimināllietu, bet arī tiesība saukt pie kriminālatbildības šādu «citu» personu, kuras vaina tiesas izmeklēšanā pietiekami pierādīta.

pamata uzskata par izmeklēšanā esošu personu, par izmeklēšanas objektu.³²

Nav nekāda pamata uzskatīt par pareizu LPSR KPK 257. p. 1. daļas formulējumu, ka ja iztiesāšanas gaitā noskaidrojas apstākļi, kas norāda, ka noziegumu izdarījusi persona, kas nav saukta pie kriminālatbildības, tad lieta ierosināma **par šo personu**. Par pareizākiem jāatzīst Kazahijas PSR KPK un Igaunijas PSR KPK attiecīgā panta formulējumi, kuriem līdzīgi būtu jāievieš arī citu savienoto republiku kriminālprocesa kodeksos.

Lietas ierosināšana arī tiesas sēdē tikai pēc nozieguma pazīmēm pat tad, ja tiesas izmeklēšanā jau ir konkretizēta persona, kas šo noziegumu izdarījusi, nevar izraisīt nedz neskaidrības, nedz pārpratumus, jo materiālos, kurus šādos gadījumos no lietas izdala un kopā ar tiesas lēmumu par krimināllietas ierosināšanu nosūta izziņai vai iepriekšējai izmeklēšanai un arī tiesas lēmuma aprakstošajā daļā šī persona būs nosaukta.

Ja tiesa, ierosinādama lietu tiesas sēdē saskaņā ar KPK 257. p. 4. d. pret likumpārkāpēju ir pielietojusi drošības līdzekli, tad tas ir nostādīts aizdomās turētā stāvoklī (KPK 70. un 121. p.) ar visām aizdomās turētā procesuālajām tiesībām (KPK 121. p. 2. d., 123. p. 2. d.), un vairs nevarēs runāt par procesuālo garantiju pārkāpšanu, taču pārējie principiālie iebildumi pret lietas ierosināšanu par **personu** paliek spēkā.

Sajos pašos ietvaros atsevišķi stāv jautājums par krimināllietas ierosināšanu tiesas sēdē par nepatiesas liecības vai atzinuma došanu. Likumā noteikts, ka «par liecinieku, cietušo vai ekspertu, kuri devuši apzināti nepatiesu liecību vai atzinumu, krimināllietu var ierosināt tikai reizē ar sprieduma taisīšanu (KPSR KPK 257. p. 3. d.). Šis noteikums ir vienāds visu savienoto republiku kriminālprocesa kodeksos.

No pirmā acu uzmetiena liekas, ka nepatiesas liecības vai atzinumu gadījumā krimināllietu patiešām nemaz citādi nevar ierosināt kā **pret personu**, it īpaši vēl tāpēc, ka pretējā gadījumā tiesas lēmums par lietas ierosināšanu tiešām būtu bezprieķšmetisks. Taču šis apsvērums ir tik pat nepamatots kā iepriekšējos gadījumos.

Saskaņā ar likumu tiesa ierosina gan krimināllietu par apzināti nepatiesas liecības vai atzinuma došanu **reizē** ar spriedumu, bet tiesai par to jāpieņem atsevišķs lēmums (nevis blakus

³² Gadījums, kur pilsonis, par kuru bijusi ierosināta krimināllietā, un kurš izmeklēšanā noskaidrojas par gluži nevainīgu, vēlāk, pēc lietas izbeigšanas, pat darbu nevar atrast tāpēc, ka viņš «atradies izmeklēšanā», spilgti apgaismots laikraksta «Известия» 1967. g. 304. numurā (skat. rakstu Л. Топорков, У. Юдович. Не ко двору, газ. «Известия», № 304, 30 XII 1967 г.

lēmums).³³ Sai tiesas lēmuma aprakstošajā daļā, kā ikvienā lēmumā par krimināllietas ierosināšanu, būs aprakstīts lietas ierosināšanas iemesls un pamats (KPK 113. p.), t. i., pateikts, kādas personas un kāda īsti liecība uzskatāma par nepareizu. Taču lēmuma rezolutīvajā daļā, tāpat kā visos citos gadījumos, nav nekādas vajadzības iet tālāk, kā to prasa un pieļauj likums, t. i., šeit jāaprobežojas ar norādījumu, ka sakarā ar konstatēto tiek ierosināta krimināllieta pēc attiecīgajā kriminālkodeksa pantā paredzētā nozieguma pazīmēm.

Ir vesela virkne likumā un procesuālajā teorijā nepietiekami noskaidrotu jautājumu, kuri saistās ar šādu tiesas lēmumu izpildīšanu. Tādiem pieder, piemēram, jautājums par to, kad īsti šāds tiesas lēmums nododams izpildīšanai, t. i., iepriekšējās izmeklēšanas uzsākšanai — vai tikai pēc kriminālsprieduma stāšanās likumīgā spēkā, jeb to pieļaujams darīt arī pirms tam (piem., gadījumos, kad liecības nepatiesīgums nav sakarā ar kriminālspriedumu pēc būtības); tiem pieder arī jautājums par kriminālsprieduma un šāda tiesas lēmuma vispārējo savstarpējo sakaru gadījumos, kad tālākā gaitā lieta tiek izbeigta vai notiesātais tiek attaisnots. Tie ir jautājumi par tiesas sēdē pieņemtā lēmuma — par krimināllietas ierosināšanu praktisko realizāciju, bet tie pārsniedz konkrētā temata robežas.

3. Krimināllietu ierosināšana par faktu, bez nodarījuma kvalifikācijas

Latvijas PSR izmeklēšanas iestādēs pēdējos gados ir izplatīta krimināllietu ierosināšana pilsoņu vardarbīgos nāves gadījumos tikai par nāves faktu, bez norādījumu uz nozieguma sastāvu. Šī prakse aptver diezgan lielu skaitu krimināllietu un attiecas tikai uz tiem gadījumiem, kad lietas ierosināšanas brīdī notikumā nav saskatāmas kāda noteikta nozieguma pazīmes. Lieļāko tiesu tie ir dažāda veida pašnāvību gadījumi, nelaimes gadījumi darbā vai sadzīvē, nelaimes gadījumi dzēruma stāvoklī.

Iepazīstoties izlases kārtībā ar vairākiem desmit šādām lietām, kuras ierosinājuši Rīgas pilsētas rajonu un it īpaši Maskavas rajona prokuratūras izmeklētāji 1967. gadā, bija iespējams konstatēt, ka lēmumos par attiecīgu krimināllietu ierosināšanu dominē šādi formulējumi: «ierosināt krimināllietu par pilsoņa N. pašnāvības faktu»; «ierosināt krimināllietu par pilsoņa N. nāves

³³ Skat. И. Л. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе, Госюриздат, М., 1960, стр. 178—188.

faktu»; «ierosināt krimināllietu par pilsoņa N. vardarbīgas nāves faktu».³⁴

Šīs krimināllietas tiek ietilpinātas īpašā uzskaitē. Raksturīgi tas, ka visas tās pēc dažu izmeklēšanas darbību izdarīšanas, pirms izmeklēšanas termiņa notecējuma tiek izbeigtas LPSR KPK 5. p. 1. punkta kārtībā, t. i., — tās tiek izbeigtas tāpēc, ka nav konstatēts nozieguma notikums. Ievācot ziņas par dažu Rīgas pilsētas rajonu prokuratūru uzskaites materiāliem un 1967. gada ierosinātajām krimināllietām, bija jākonstatē, ka nav zināms neviens gadījums, kur augšminētajā kārtībā par faktu ierosinātās krimināllietas nebūtu pēc tam drīz vien izbeigtas.

Sai sakarā var rasties dibināti jautājumi par šādas krimināllietu ierosināšanas prakses **likumību** un par tās atbilstību esošajām kriminālprocesa normām. Var rasties arī jautājums par minētās prakses **lietderību**.

Kā zināms, krimināllietu ierosināšanas princips ir reglamēntēts PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 3. pantā, kur noteikts, ka krimināllietā jāierosina, kad atklātas nozieguma pazīmes. Sai tiesību normai burtiski atbilst Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa 3. pants. Ir zināms arī, ka krimināllietu var ierosināt tikai tad, ja ir **likumīgs iemesls** — informācija par noziegumu, kas smelta no likumā pieļautiem avotiem (Latvijas PSR KPK 107. p. 1. d.) un ja lietas ierosināšanai ir konstatēts **pietiekams pamats** — nozieguma sastāvs. Latvijas PSR KPK 107. p. 3. daļā tieši ir noteikts, ka «Krimināllietu var ierosināt tikai tais gadījumos, kad ir pietiekams pamats, kas norāda uz nozieguma izdarīšanu. Tā pati Kriminālprocesa pamatu visai kategoriskā tēze, ka krimināllietu jāierosina nevis patvaļīgi, bet tad, kad ir konstatētas nozieguma pazīmes, tiek atkārtota un attīstīta arī KPK 128. p. 2. daļā, kur noteikts, ka izmeklētājam krimināllietā jāierosina un jāpieņem savā izmeklēšanā tad, ja viņš saņem ziņas par viņa darbības rajonā izdarītu **noziegumu**. Arī citos KPK pantos, kuros ir regulēta krimināllietas ierosināšana pirmstiesas izmeklēšanas orgānos un tiesā, ir konsekventi ievērota Pamatu prasība; kriminālprocesa kodeksā nav nevienas normas, kas pieļautu krimināllietu ierosināt, ja nav nozieguma pazīmju. Tas arī ir pilnīgi loģiski, jo nemaz nav iespējams pieļaut tādu varbūtību, ka krimināllietu varētu ierosināt tad, kad nozieguma pazīmju nav. Tāda rīcība būtu pilnīgā pretrunā ne tikvien ar likumu, bet arī ar padomju kriminālprocesa visbūtiskākajiem pamatprincipiem. Atzīt par pieļaujamu krimināllietas ierosināšanu bez nozieguma pazi-

³⁴ Skat. Rīgas pilsētas Maskavas rajona prokuratūras 1967. g. izbeigtās krimināllietas Nr. Nr. 200447; 20391; 20493; 20451; 20458; 20351 u. c.

mēm — tas nozīmētu ievest kriminālprocesā bīstamu patvaļu, pakļaut pilsoņus procesuālām piespiedu darbībām bez likumīga pamata: tas nozīmētu kriminālprocesā likumības principa vietā likt nelikumību. Krimināllieta ir lieta par noziegumu. Nevar būt krimināllietas, ja nav nozieguma.

Sī pati atziņa ir izteikta arī PSRS ģenerālprokurora 1962. g. 17. augusta pavēlē (vēstulē) Nr. 3/61, kurā pasvītrots, ka izšķirot jautājumu par krimināllietas ierosināšanu, konstatējot vardarbīgas nāves gadījumus (pašnāvība, nelaimes gadījumi ražošanā, kam sekojusi nāve), izmeklēšanas iestādēm jāvadās no PSRS Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 3. panta noteikumiem; krimināllietas arī šādos gadījumos ierosināmas tikai pēc iepriekšējas pārbaudes un tikai tad, ja ir nozieguma pazīmes.

No visa teiktā loģiski izriet šāds secinājums: krimināllietas ierosināšanas likumā nedrīkst būt nekādu izņēmumu; to var ierosināt tikai tad, ja ir atklātas nozieguma pazīmes, ja lietas ierosināšanai ir pietiekams pamats. Ja nozieguma pazīmju nav, tad nav arī lietas ierosināšanas pamata. Krimināllietas ierosināšana tādos apstākļos ir rupjš likumības pārkāpums. Tāpēc arī pastāv prasība, ka lēmumā par krimināllietas ierosināšanu obligāti jānorāda arī krimināllikums, pēc kura pazīmēm lietu ierosina (Latvijas PSR KPK 113. p.). Ja krimināllikumu norādīt nevar, tas tieši norāda uz to, ka nodarījumā nav konstatējamās nozieguma pazīmes.

Apsverot krimināllietas ierosināšanas likumu, sevišķi jāpāsvītro tas apstākļi, ka likums nepavisam neprasa, lai krimināllietas ierosināšanas brīdī noziedzīgā nodarījuma kvalifikācija būtu pavisam skaidra. Tā pieļaujama arī kā sākotnēja, varbūtīga kvalifikācija, kas izmeklēšanas gaitā, noskaidrojot lietas apstākļus, var grozīties. Sākotnēja kvalifikācija, ierosinot lietu, izmeklētāju turpmāk nesaista. Vienīgā kategoriskā prasība šai brīdī ir tikai tā, ka nodarījuma faktiskajām pazīmēm, kādas ir konstatētas lietas ierosināšanas brīdī, ir jāsakān ar tā nozieguma juridiskajām pazīmēm, pēc kura nodarījums tiek kvalificēts. Tas tad arī nozīmē krimināllietas ierosināšanu pēc nozieguma pazīmēm.

Tiktāl, šķiet, viss būtu skaidrs, un diez vai te varētu rasties kāds strīds. Bet atgriezīsimies pie tā, ar ko mēs iesākām — pie dažu krimināllietu ierosināšanas prakses Latvijas PSR izmeklēšanas iestādēs. Pēc visa sacītā var secināt, ka šī prakse ir nelikumīga un nepieļaujama.

Patiešām, kā gan citādi lai raksturo krimināllietu ierosināšanu «par pilsoņa N. nāves faktu» vai «par pilsoņa N. pašnāvības faktu» kā klaji nelikumīgu! Jau pats lēmuma par lietas

ierosināšanu formulējums izslēdz noziegumu. «Nāvi» nevar prezumēt par noziegumu, tāpat kā par to nevar prezumēt «pašnāvību». Tādu sastāvu kriminālkodeksā nav. Šāda lietas ierosināšana nozīmē, ka kompetentais orgāns lietas ierosināšanas brīdī vai nu ir atteicies no nozieguma konstatēšanas, vai arī nav saskatījis notikumā nekāda nozieguma pazīmes. Un tātad viņam arī nav bijis nekādas tiesības ierosināt lietu, jo tam nav pietiekama pamata — likumā kategoriski prasīto nozieguma pazīmju. Ja, neraugoties uz to, tāda lieta ir ierosināta, tad uzraugošajam prokuroram attiecīgais lēmums nekavējoties būtu jāatceļ kā neļikumīgs.

Tā izskatās šis jautājums, ja tam pieliekam likumības mērauklu. Bet ja tomēr, neraugoties uz tik klaji saskatāmo likumības pārkāpšanu, šāda krimināllietu ierosināšanas prakse pastāv un neatlaidīgi un sistemātiski tiek turpināta, tad acīmredzot uz to mudina kaut kādi lietderības apsvērumi, lai arī visiem labi ir zināma prasība, ka lietderību nedrīkst nostādīt pretim likumībai, ka tām abām jābūt vienotām.

Tātad atliek noskaidrot šīs «lietderības» saturu. Kaut arī tā mūsu gadījumā acīmredzot neatbilst likumībai, var pieņemt, ka nav izslēgta arī varbūtība, ka sabiedriskā prakse šeit savā attīstībā ir aizsteigusies priekšā likumam, kas vienmēr ir stabilāks, nekustīgāks par sabiedrisko attiecību straujo maiņu.

Krimināllietu ierosināšanu bez kvalifikācijas «par nāves faktu», «par pašnāvības faktu» un «par vardarbīgas nāves faktu» praktiskie darbinieki motivē ar vairākiem apsvērumiem. Pirmkārt, pēkšņas vardarbīgas nāves gadījumos (pakāršanās, noslikšana, smagas ķermeņa traumas) bez notikuma izmeklēšanas neesot iespējams konstatēt, vai notikusi pašnāvība, vai novešana līdz pašnāvībai, vai pašnāvības simulācija, aiz kuras slēpjas noziegums, vai tieši svešas rokas izdarīts noziegums. Tāpēc šajos gadījumos jāatsakoties no kāda noteikta nozieguma pazīmju konstatēšanas lietas ierosināšanas brīdī, tomēr pieļaujot noziedzīga nodarījuma varbūtību. Otrkārt — nāves cēloņu konstatēšana neesot iespējama bez izmeklēšanas, jo pirms krimināllietas ierosināšanas tiesmedicīniskā ekspertīze nav pieļaujama, bet nāves cēloņu konstatēšanai tā ir obligāta. Treškārt — ikviens pašnāvības gadījums padomju sociālistiskajā sabiedrībā uzskatāms par ārkārtēju gadījumu, kas prasa rūpīgu izmeklēšanu, lai noskaidrotu pašnāvības iemeslus. Un beidzot — krimināllietas ierosināšana par nāves faktu, bez nozieguma kvalifikācijas, novēršot kļūdas un nepareizības izdarīto noziegumu uzskaitē. Ja pilsoņu pēkšņas nāves gadījumos krimināllietas tiktu ierosinātas pēc kāda zināma nozieguma pazīmēm, kaut arī šo pazīmju nav, tad mākslīgi tiktu palielināta attiecīgās noziegumu kategorijas uzskaitē.

Lūk — visi tie argumenti, ar kuriem praktiskie darbinieki mēdz pamatot krimināllietu ierosināšanu pilsoņu vardarbīgas nāves gadījumos tā, kā tā pašreiz notiek. Nenoliedzami, ka sava loģika šais argumentos ir. Ja šos **lietderības** apsvērumus aplūkojam izolēti, noliekot malā spēkā esošos kriminālprocesa likumus, tad tai varētu arī piekrist, jo uzdevumi, kādus grib atrisināt, ierosinot krimināllietu «par nāves faktu», ir visai respektējami. Tiem ir vērā liekams socioloģisks un kriminoloģisks saturs (pašnāvību cēloņu, iemeslu, motīvu noskaidrošana). Tiem ir pat procesuāli atzīstams mērķis: noskaidrot, vai aiz šķietamas pašnāvības neslēpjas noziegums. Beidzot — to nolūks neizkropļot pareizu ainu par noziedzību mūsu valstī, gādājot, lai uzskaitē būtu precīza un tajā niekklūtu nodarījumi, kas nav noziedzīgi.

Krimināllietu ierosināšanai «par nāves faktu» uzdevumu un mērķu lietderība tād ir neapšaubāma. So uzdevumu atrisināšana un mērķu sasniegšana ne tikai nav pretrunā ar padomju sabiedrības vispārīgajiem mērķiem un atsevišķu pilsoņu likumīgajām interesēm, bet tieši tiem atbilst, tāpēc apšaubīt tos uzdevumus un mērķus, kuru labā tiek ierosinātas un izmeklētas krimināllietas «par nāves faktu», nav nekāda pamata. Nederīga ir vienīgi **metode**, kas tiek izlietota to īstenošanai. Šī metode ir ne vien nederīga, tā ir pretlikumīga un tād nepieļaujama.

Metode, kas tiek lietota šo visai atzīstamo uzdevumu atrisināšanai, ir **kriminālprocesuāla** metode. Tās patiesais saturs ir kriminālprocesa normu piemērošana lietās par noziegumiem un tikai tādās lietās. Pilsoņu tiesību un likumisko interešu laukā to raksturo krasi izteikta **piespiešana**, kas sekmīgai cīņai ar noziegumiem visai tālejoši var ierobežot gan pilsoņu tiesības, gan viņu likumiskās intereses. Tās pielietošana var būt saistīta ar pilsoņu personīgās neaizskaramības, kā arī viņu dzīvokļa un korespondences neaizskaramības principu ierobežošanu u. tml. Šī metode visumā ir ārkārtēja, tikpat ārkārtēja kā noziegums. Tāpēc tā, kā to nosaka likums, pielietojama tikai krimināllietās (PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 1. pants). Tādā šo metodi drīkst pielietot tikai lietu izmeklēšanai un iztiesāšanai par noziegumiem. Vai noziegums ir, tas jākonstatē pirms krimināllietas ierosināšanas, izmeklēšanas un iztiesāšanas, jo vienīgi šis konstatējums ir procesuālo darbību pamats. Ja noziegums nav konstatēts, tad kriminālprocesuālās metodes pielietošana būtu viskļiedzošākā pretrunā ar likumu, ar sociālistiskās sabiedrības un tās atsevišķo pilsoņu interesēm. Tā būtu visrupjākā patvaļa. Lai tas nenotiktu, lai pēc iespējas izslēgtu jebkādas kļūdas šai ziņā, likumdevējs ir noteicis 3—10 dienu termiņu sākotnējo materiālu pārbaudei, t. i., ticamu nozieguma pazīmju konstatēšanai pirms krimināllietas ierosināšanas (Latvijas PSR KPK 109. p.).

Tātad mēs atgriežamies savās izejas pozīcijās: jebkādu uzdevumu un mērķu sasniegšanai valsts un sabiedriskajā dzīvē drīkst lietot tikai tādas metodes, kas atbilst valsts un sabiedrisko dzīvi regulējošām normām. Pat viscildenāko mērķu sasniegšanai nedrīkst lietot neatļautas metodes, nemaz jau nerunājot par nelikumīgām. Piemēram, ja prokuratūras darbam raksturīgo un pilnīgi likumīgo subordinācijas un pakļautības metodi pielietotu tiesu darbā, tas nozīmētu visrupjāko nelikumību, tā būtu padomju tiesas būtiskāko pamatprincipu sagraušana. Tas pats attiecas uz kriminālprocesuālās metodes pielietošanu lietās, kurās nav konstatētas nozieguma pazīmes.

Krimināllietās ierosināšanas un kriminālprocesuālās metodes pielietošanas likumības nodrošināšanai ir noteikts jau minētais 3—10 dienu termiņš, kādā jāpārbauda sākotnējie materiāli un jānoskaidro, vai nodarījumā ir nozieguma pazīmes. Līdz ar to varam uzskatīt par pietiekami noskaidrotu, ka, lai izvairītos no nelikumības krimināllietu ierosināšanā «par nāves faktu», pilnā apjomā ir jāizmanto iepriekšējās pārbaudes iespējas: 3—10 dienu laikā jānoskaidro apstākļi un fakti, kas ļauj secināt, vai konkrētajā gadījumā nozieguma pazīmes ir jeb to nav, lai krimināllietu, kā tas ir vispārzināms, ierosinātu tikai tad, ja šādas pazīmes tiešām konstatētas.

Tātad izvirzītā likumības un lietderības jautājumu saskaņošanas praktiskā iespēja šeit acīmredzot atkarāsies no tā, vai oficiālajā 3—10 dienu termiņā, izdarot iepriekšējo pārbaudi, ir praktiski iespējams atrisināt visus tos uzdevumus, kurus krimināllietu ierosināšanai par nāves faktu lietderības vārdā izvirzījusi prakse.

Lai uz šo jautājumu atbildētu, jāpārbaugās, kas īsti tiek ar izmeklēšanas darbībām panākts par nāves (pašnāvības) faktiem ierosinātajās krimināllietās. Pie tam paturēsim vērā arī visus jau iepriekš nosauktos praktiskās lietderības uzdevumus, kuru atrisināšanai šādas lietas tiek ierosinātas. Sai nolūkā izlietosim Rīgas pilsētas Maskavas rajona prokuratūrā 1967. gadā izbeigto lietu materiālus.

Izpētot ap 30 šādu lietu, kas bijušas ierosinātas vai nu «par nāves faktu», vai «par pašnāvības faktu», vai «par vardarbīgas nāves faktu», noskaidrojās sekojošais.

Vairumā šo lietu ir izdarītas šādas izmeklēšanas darbības: 1) izdarīta notikuma vietas apskate; 2) noteikta un izdarīta tiesmedicīniskā ekspertīze nāves cēloņu noskaidrošanai; 3) nopratināti kā liecinieki cietušā piederīgie, darba biedri, dzīvokļa kaimiņi; 4) saņemts cietušā raksturojums; 5) atsevišķos gadījumos izdarīta pēcnāves tiesu-psihiatrijas ekspertīze. Šādām izmeklēšanas darbībām visās lietās seko izmeklētāja lēmums par krimināllietas izbeigšanu nozieguma notikuma trūkuma dēļ

(KPK 5. p. 1. d. 1. punkts³⁵). Šo izmeklēšanas darbību gaitā parasti tiek konstatēti patalogo-anatomiskie vai fizioloģiskie nāves cēloņi (asfiksija, šoks, galvas kausa lūzums u. tml.), tiek noskaidrots, ka nāve iestājusies paša cietušā darbības rezultātā, un ka nāves gadījumā nav saskatāmas nekāda nozieguma pazīmes. Atsevišķos, it sevišķi dzērumā izdarītu pašnāvību gadījumos, izmeklētājs KPK 144. p. kārtībā raksta iesniegumu cietušā darba vietas administrācijai par tās bezdarbību dzeršanas novēršanā. Taču no lietas materiāliem nav redzams, kā administrācija uz šādiem iesniegumiem reaģējusi un vai veikti KPK 144. p. 2. d. paredzētie pasākumi. Šādi iesniegumi izrādās tīri formāli.³⁶ Citiem vārdiem, lietās, kas ierosinātas «par nāves faktu», izmeklēšanas gaitā nekas cits netiek panākts, kā tikai iegūta pārliecība, ka konkrētajā gadījumā nav nozieguma pazīmju, un tāpēc attiecīgā lieta tiek izbeigta.³⁷

Atstājot malā jau aplūkoto problēmu par krimināllietas ierosināšanas likumību šādos gadījumos vispār, rodas šaubas, vai tajā var saskatīt arī kādu **lietderību**. Ja no aplūkojamo krimināl-

³⁵ Kā tipiskas šai ziņā var minēt: Rīgas pilsētas Maskavas rajona prokuratūras 1967. g. krimināllietu Nr. 20489, kas bijusi ierosināta par pilsoņa G. K. nāves faktu (alkoholiķis, pakāries dzērumā) un tā paša rajona ierosināto lietu Nr. 20391 par L. A. nāves faktu (L. A. epilepsijas lēkmē izlēcis pa sestā stāva logu). Lietās izdarītas šādas izmeklēšanas darbības: notikumu vietas apskate; tiesmedicīniskā ekspertīze nāves cēloņu konstatēšanai; noprotināti liecinieki, kaimiņi, piederīgie; izdarīta cietušā L. A. pēcnāves tiesu psihiatrijas ekspertīze. Lietas izbeigtas uz KPK 5. p. 1. d. 1. punkta pamata apm. mēnesi pēc to ierosināšanas.

³⁶ Skat., piem., Rīgas pilsētas Maskavas rajona prokuratūras 1967. g. lietu, kas 1967. g. 15. XI bijusi ierosināta par pilsoņa A. K. nāves faktu (pakāries dzērumā). A. K. sistemātiski dzēris, nodzēris visu darba algu, arī darbā gājis iereibis, viņa māte un sieva vairākas reizes griezušās darba vietā ar lūgumu ietekmēt K. Izmeklētājs iesniedzis rūpnīcas direktoram KPK 144. p. kārtībā priekšlikumu par audzināšanas darba uzlabošanu rūpnīcā. Atbilde nav saņemta. Lieta izbeigta 1967. g. 30. XI, t. i., divas nedēļas pēc tās ierosināšanas.

³⁷ Šajā ziņā sevišķi raksturīga ir Rīgas pilsētas Maskavas rajona prokuratūras krimināllietā, Nr. 20451, kas ierosināta 1967. g. 18. jūlijā par pilsoņa G. M. nāves faktu. — Cietušais G. M. strādājis kā santehniķis. 1967. g. 31. maijā viņš reizē ar darba biedru N, jūzdamies nevesels, darbā pārvietojoties pa kāpnēm no nama pirmā stāva uz otro stāvu, zaudējis līdzsvaru un pakritis. No tiesu medicīniskās izmeklēšanas akta redzams, ka cietušā nāve iestājusies galvas kausa ielauzuma rezultātā.

Pēc šiem materiāliem, kuros klaji saskatāms nozieguma pazīmju trūkums, gandrīz divus mēnešus vēlāk tomēr ierosināta krimināllietā. Izmeklēšanā kā liecinieki noprotināti būves iecirkņa priekšnieks, meistars, strādnieki-aciuliecinieki, pieprasīts cietušā raksturojums, pēc kam lieta izbeigta 1967. g. 16. augustā uz KPK 5. p. 1. d. 1. punkta pamata nozieguma notikuma neesamības dēļ. Neko jaunu izmeklēšana šai lietā nav devusi. Tās ierosināšana divus mēnešus pēc notikuma būtu bijusi attaisnojama tikai tad, ja šai laikā prokuratūra saņemtu kādu papildu informāciju, ka istenībā noticis nevis nelaiamais gadījums, bet noziegums. Bet tad lietu vajadzētu ierosināt tieši pēc šā nozieguma pazīmēm.

lietu izmeklēšanas materiāliem redzams, ka izmeklēšanas darbību saturs gandrīz visos gadījumos tiek reducēts tikai uz nozieguma sastāva noskaidrošanu, lai ticami pārliecinātos, ka nāves gadījumā patiešām nav nekāda nozieguma pazīmju, tad lietu ierosināšana un izmeklēšana par nāves faktu, kad tajā nozieguma pazīmes nav saskatāmas, ir nekas cits kā sākotnējo materiālu iepriekšējās pārbaudes (KPK 109. p.) aizstāšana ar iepriekšējo izmeklēšanu, rupji pārkāpjot likumu. Bet ja ņemam vērā, ka turpat 100% šādu mākslīgi un nelikumīgi radītu krimināllietu tiek izbeigtas nozieguma noteikuma nepierādīšanas dēļ, tad ir skaidrs, ka šāda rīcība ir ne vien nelikumīga, bet arī **nelietderīga**.

Patiešām, kāpēc tišuprāt pārkāpt likumu un ierosināt lietas tur, kur nozieguma pazīmju nav, lai atkārtoti pārliecinātos, ka to nav, ja kriminālprocesā tieši šim nolūkam pastāv sākotnējo materiālu iepriekšējās pārbaudes kārtība, kas noteikta Latvijas KPK 109. p. 4. daļā. Gluži loģiski un dabīgi būtu izlietot šo kārtību arī nāves gadījumos, tāpat kā tas tiek darīts lietās par visiem citiem noziegumiem. Kādi tam varētu būt šķēršļi?

Pārlūkojot par nāves faktiem ierosinātajās krimināllietās izdarīto izmeklēšanas darbību raksturu (notikuma vietas apskates, pratināšanas, ekspertīzes), viegli ieraugāms, ka gandrīz visas tās var aizstāt ar likumā pieļautajām iepriekšējās pārbaudes darbībām KPK 109. p. 4. d. kārtībā. Notikuma vietas apskate tagad, pēc 1964. g. 24. X dekrēta ieviestās KPK 179. p. 2. daļas, ir pieļauta pirms krimināllietas ierosināšanas; cietušā piederīgo, kaimiņu, darbavietas pārstāvju u. c. personu pratināšanu var aizstāt ar likumā pieļauto paskaidrojumu pieprasīšanu; tas pats sakāms par cietušā raksturojumiem, ja tādi būtu vajadzīgi. Vienīgais izņēmums šeit ir **ekspertīzes**. Procesuālā ekspertīze var notikt tikai **pēc** krimināllietas ierosināšanas uz izmeklētāja lēmuma pamata (KPK 189. p.). Bet liķa tiesmedicīniskā izmeklēšana vardarbīgas nāves gadījumos ir obligāta nāves patologoanatomisko un fizioloģisko cēloņu noteikšanai (KPK 59. p.). Dažreiz, lai pilnīgi orientētos nāves cēloņos un izslēgtu nozieguma pazīmes, nepieciešama arī pēcnāves tiesu psihiatriskā ekspertīze. Bez lietas ierosināšanas šādas procesuālas ekspertīzes ir izslēgtas. Šeit acīmredzot arī sataustāms tas Gordija mezgls, kas sasiets ap lietu ierosināšanu par nāves faktiem.

Kāda no šā stāvokļa varētu būt izeja?

Acīmredzot izeju nedrīkstam meklēt nelikumībā, t. i., lietu ierosināšanā, apejot likumu, lai padarītu par iespējamām ekspertīzes. Būtu absurdi likumības nostiprināšanu balstīt uz nelikumībām. Tātad iespējamā izeja meklējama divos virzienos: 1) vai nu aizstājot procesuālo ekspertīzi, kam nepieciešams izmeklētāja lēmums, ar ārstu **speciālistu** atzinumu, kas iespējams bez šāda īpaša lēmuma, t. i., bez krimināllietas ierosināšanas un tās

izmeklēšanas uzsākšanas;³⁸ 2) vai nu kriminālprocesa pilnveidošanas kārtībā nosakot arī **ekspertīzi**, izņēmuma gadījumos par pieļaujamu **pirms** krimināllietas ierosināšanas, līdzīgi tam, kā par pieļaujamu tika atzīta notikuma vietas apskate. Šādu pieļāvumu būtu lietderīgi stingri ierobežot tikai ar nāves cēloņu noskaidrošanu, jo citās lietās prakse nozieguma pazīmju ticamai noskaidrošanai līdzīgu vajadzību nav izvirzījusi.

Abi šie virzieni ir vienlīdz iespējami; tie neprasītu vai nu nekādu, vai tikai nelielu spēkā esošās procesuālās kārtības pārveidojumu. Taču to izlietošana varētu atdurties uz zināmām grūtībām pastāvošo iepriekšējās pārbaudes termiņa dēļ. Prakse rāda, ka it īpaši tiesu psihiatriskā ekspertīze prasa laiku, ilgāku par desmit dienām, t. i., pārsniedz likumā pieļautā iepriekšējās izpārbaudes termiņa maksimumu. Šis apstāklis pavedina uz domām, ka būtu lietderīgi strikto iepriekšējās pārbaudes termiņu, kas noteikts KPK 109. p. 4. daļā (3—10 dienas), padarīt elastīgāku, sevišķos izņēmuma gadījumos *de lege ferenda* atļaujot Republikas prokuroram to pagarināt vēl par desmit dienām. Tad kopumā būtu pilnīgi iespējama nozieguma pazīmju noskaidrošana arī materiālos par vardarbīgas nāves faktiem pirms lietas ierosināšanas, jo lielumlielajā vairumā šādu lietu tagad pielietotās izmeklēšanas ilgums (t. i., laiks no lietas ierosināšanas līdz tās izbeigšanai) tieši atbilst šādam termiņam.

Secinājumi, kas no mūsu iztīrījuma izriet, ir šādi:

1) pastāvošā krimināllietu ierosināšanas prakse «par nāves faktu», bez nodarījuma kvalifikācijas un bez nozieguma pazīmju konstatēšanas, ir krasā pretrunā ar PSR Savienības un savienoto republiku kriminālprocesa pamatu 3. panta prasībām; kā nelikumīga šī prakse nekavējoties izbeidzama;

2) lai nodrošinātu praktisku iespējamību visos gadījumos, kad konstatēta pilsoņa vardarbīga nāve, sākotnējo materiālu iepriekšējās pārbaudes kārtībā ticami noskaidrot, vai faktiskā ir nozieguma pazīmes, būtu lietderīgi papildināt Latvijas PSR kriminālprocesa kodeksu ar šādiem noteikumiem: a) sevišķos izņēmuma gadījumos paredzēt iespēju ar Republikas prokurora motivētu lēmumu pagarināt KPK 109. p. 4. daļā noteikto iepriekšējās pārbaudes termiņu par desmit dienām; b) nāves cēloņu konstatēšanai pieļaut ekspertīzi arī pirms krimināllietas ierosināšanas, attiecīgi papildinot KPK normas.

³⁸ Starp citu vairumā krimināllietu, kas ierosinātas par nāves faktiem, arī ir atrodami šādi «**tiemediciniskās ekspertīzes**» akti ar atzinumu par nāves cēloņiem, kas sastādīti jau **pirms** lietas ierosināšanas!

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ А. ЛИЕДЕ «ВОПРОСЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА»

В статье на основании анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и следственно-судебной практики Латвийской ССР, с учетом общесоюзного законодательства и УПК других союзных республик, рассмотрены отдельные вопросы возбуждения уголовного дела, высказаны критические замечания по поводу некоторых форм возбуждения уголовного дела, имеющих место в следственной практике Латвийской ССР, и сформулированы предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Статья делится на три части. В первой из них рассмотрена компетенция возбуждения уголовного дела.

В ст. 3 Основ уголовного судопроизводства указано, что суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны возбуждать уголовные дела в пределах своей компетенции. Однако в специальных нормах УПК, регулирующих порядок возбуждения уголовного дела, эта важная черта ст. 3 Основ почти не отражена. В литературе нередко высказывания, что у всех органов, правомочных возбуждать уголовное дело, компетенция одинакова. В УПК Латвийской ССР, как и других союзных республик, компетенция возбуждения уголовного дела не определена, хотя подробно урегулирована подследственность и компетенция расследования уголовного дела. Более того — в УПК Латвийской ССР, как и ряда других союзных республик существует правило, что органы дознания, следователь, прокурор, судья, суд обязаны возбудить уголовное дело при наличии законом предусмотренных поводов и оснований. Это правило не поставлено в зависимость от компетенции и находится в явном противоречии со ст. 3 Основ уголовного судопроизводства. В УПК тех союзных республик, где это противоречие устранено (ст. 112 УПК РСФСР,

ст. 110 УПК Белорусской ССР и др.) компетенция возбуждения дела все же не определена.

Необходимо учесть, что ни судья, ни суд как органы возбуждения уголовного дела не обладают теми возможностями предварительной проверки, какие имеют органы дознания, следователь, прокурор. Поэтому в интересах законности возбуждения дела они не могут обладать и равной компетенцией его возбуждения.

Последствием отсутствия определения компетенции возбуждения уголовного дела в УПК Латвийской ССР является правило, обязывающее следователя возбуждать любое уголовное дело, подследственное другому следователю, если только им получены сведения о преступлении (ч. 3 ст. 129 УПК). Следует учесть, что обязанности возбудить дело коррелятивно право отказать в его возбуждении. Получается, что следователь имеет право отказать в возбуждении дела даже в том случае, когда оно ему не подследственно.

В статье сформулированы предложения: 1) дополнить ст. 113 УПК Латвийской ССР правилом о возбуждении уголовного дела полномочными органами в пределах их компетенции; 2) дополнить УПК нормой, определяющей компетенцию возбуждения уголовного дела.

При установлении компетенции возбуждения уголовного дела предлагается руководствоваться следующим: прокурор вправе возбудить любое уголовное дело; следователь и орган дознания возбуждают дела своей подследственности и дела, по которым они обязаны провести неотложные следственные действия; судья возбуждает дела частного обвинения, дела о хулиганстве, дела же публичного обвинения судья может возбуждать лишь в исключительных случаях, когда соответствующее преступление обнаруживается непосредственно при исполнении им своих служебных обязанностей; суд возбуждает уголовные дела лишь в случаях, предусмотренных ст. ст. 256 и 257, а также ст. 411 УПК Латвийской ССР (возбуждение уголовного дела по новому обвинению или в отношении другого лица на судебном разбирательстве и возбуждение дела о хулиганстве).

Во второй части статьи рассмотрен вопрос возбуждения уголовного дела против лица. Детальному анализу и критике подвергнуто мнение некоторых советских процессуалистов, в особенности мнение Р. Д. Рахунова, что при определенных условиях и по некоторым видам преступлений допустимо и даже необходимо возбуждение уголовного дела против индивидуально определенного лица.

Даже в тех случаях, когда возбуждение дела без указания лица представляется беспредметным например — уклонение

от призыва на военную службу; злостное уклонение от уплаты алиментов) или когда лицо, совершившее преступление, кажется достоверно определенным уже в момент возбуждения дела (явка с повинной, задержание на месте преступления или с поличным и т. п.) — недопустимо возбуждать уголовное дело против определенного лица. На примерах из практики следственных органов Латвийской ССР показаны отрицательные последствия и грубые ошибки как результат возбуждения уголовного дела против лица в некоторых случаях названных преступлений.

В стадии возбуждения уголовного дела всегда налицо лишь большая или меньшая степень **вероятности**, что лицо, на которое как совершившее преступление есть указание в первичном материале, действительно это преступление совершило. Чтобы эта вероятность стала достоверностью, необходимо осуществить расследование дела, выявить, собрать, проверить и всесторонне оценить доказательства. Только в том случае, если вся полнота объективных в процессе расследования полученных данных обосновывает виновность конкретного лица, оно с полной определенностью подлежит обозначению в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, со всеми отсюда вытекающими процессуальными гарантиями защиты.

Возбуждением уголовного дела против лица в судопроизводство вводится дополнительно к узаконенным участникам уголовного процесса новая странная фигура, не являющаяся субъектом процессуальных отношений. Создается некий объект следственных действий, лишенный прав и не имеющий обязанностей. Это уже не свидетель, так как лицо нельзя допрашивать в качестве свидетеля о его собственных преступных действиях и на такое лицо нельзя возлагать ответственность за сознательное ложное показание или отказ от дачи показаний¹. Но это лицо и не подозреваемый, если оно не задержано, и формально оно еще не обвиняемый. Лицо, против которого возбуждено уголовное дело, ставится в совершенно недопустимое положение фактически обвиняемого, но лишенного возможностей защиты вплоть до формального привлечения в качестве обвиняемого.

Такой образ действий искажает принципы и основные положения советского уголовного процесса. Однако в следственной практике ряда районных прокуратур, а также в практике органов дознания и следствия МООП Латвийской ССР имеет место такая формулировка постановления о возбуж-

¹ Однако на практике это лицо в большинстве случаев после возбуждения дела допрашивается именно как свидетель.

дении уголовного дела, когда либо в его резолютивной части, либо в описательной (что бывает чаще) прямо указывается лицо, совершившее преступление. Совершенно очевидно, что в этих случаях следствие начинается с презвзятого убеждения о вине подсудимого; место объективного, полного и всестороннего расследования дела занимает презумпция виновности.

Далее в статье проанализированы встречающиеся в литературе высказывания о допустимости возбуждения уголовного дела против лица в тех случаях, когда по делу законом не предусмотрено предварительное расследование². Показано, что и в таких случаях (дела о хулиганстве, дела частного обвинения) и теоретически и нормативно были бы более логично возбуждать дело лишь по признакам преступления, а указание на лицо, совершившее это преступление, связывать с постановлением судьи (либо определением суда) о привлечении к уголовной ответственности и предании суду. Предание суду мыслимо лишь по вполне определенному обвинению конкретного лица, привлеченного к уголовной ответственности. В этой связи предлагается формулировка постановления (определения) о возбуждении уголовного дела, привлечении к уголовной ответственности и предании суду по делам о хулиганстве и делам частного обвинения.

Эта часть статьи заканчивается рассмотрением в процессуальном законодательстве узаконенного случая возбуждения на судебном разбирательстве уголовного дела в отношении лица. Анализом соответствующих формулировок статей УПК союзных республик выявлена их редакционная неточность. Показана несколько большая точность формулировок соответствующей нормы в УПК тех союзных республик (ст. 284 УПК Казахской ССР и ст. 217 УПК Эстонской ССР), где не говорится, что в случае констатации судом на судебном следствии фактов, указывающих на совершение преступления лицом, не привлеченным к уголовной ответственности, суд возбуждает уголовное дело непосредственно **в отношении лица**. Однако полное соответствие формулировок означенных статей УПК союзных республик с Основами уголовного судопроизводства было бы достигнуто предоставлением суду права в указанном случае не только возбуждать уголовное дело по признакам преступления, но и привлекать на судебном следствии изобличенное лицо к уголовной ответственности.

² См. Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Предварительное следствие в советском уголовном процессе, изд. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 25—28.

В третьей части статьи рассмотрен вопрос о возбуждении уголовного дела по факту без квалификации деяния. — Приводятся данные о большой распространенности в следственной практике Латвийской ССР возбуждения уголовных дел по фактам насильственной смерти, без указания на наличие признаков преступления. В основном это дела о самоубийствах или несчастных случаях со смертельным исходом. В следственной практике за 1966—1967 годы не обнаружено случаев, когда такие дела не завершились бы их прекращением за отсутствием события преступления. Выходит, что эти дела не только возбуждаются без признаков преступления, но следствием подтверждается, что факт действительно не содержит преступления. Естественно, возникает вопрос не только о законности, но и логической оправданности подобного возбуждения уголовных дел.

Вне всякой дискуссии, что возбуждение уголовного дела без признаков преступления противозаконно и недопустимо. Однако, коль скоро в следственной практике Латвийской ССР не только имеют место многочисленные случаи таких возбуждений, но уголовные дела без признаков преступления возбуждаются почти во всех без исключения случаях фактов насильственной смерти, в статье поставлен вопрос о смысле, цели такого образа действий.

Изучением нескольких десятков такого рода дел установлено, что их возбуждение и расследование преследует несколько целей. Во первых — определить путем судебного медицинской экспертизы причину смерти, во вторых — проверить отсутствие (наличие) **состава преступления**, в третьих — исследовать в профилактических интересах причины насильственной смерти и способствовавшие обстоятельства. Обнаружено далее, что в процессе расследования дел, возбуждаемых по факту насильственной смерти, причины смерти устанавливаются в порядке обязательной экспертизы (п. 1 ст. 59 УПК Латвийской ССР), отсутствие события преступления подтверждается осмотрами, допросами, справками, а причины и способствовавшие насильственной смерти обстоятельства бывают определены лишь в самых общих чертах, в такой плоскости, которая достаточно ясно обнаружена уже в первичных материалах дела. Так, например, в большинстве случаев самоубийства выяснение его причин остается в общей плоскости алкоголизма, семейных неурядиц или психического заболевания. Следствие по этим делам, как правило, не дает достаточного материала для обоснованных представлений об устранении причин и способствовавших обстоятельств.

Таким образом из задач, поставленных перед практикой

возбуждения указанных уголовных дел, лишь первая — установление путем судебно-медицинской экспертизы причин смерти — на следствии решается положительно. Но так как проведение процессуальной экспертизы законом дозволено лишь по делам о преступлениях, то достаточно ясно, что в случаях обнаружения факта насильственной смерти без признаков преступления, причина смерти должна быть установлена непроцессуального характера заключением, либо должна быть узаконена возможность экспертного заключения до возбуждения дела.

Использование уголовно процессуального метода для решения вышеуказанных трех задач, при отсутствии преступления, не только противоречит закону, но вне зависимости от этого не оправдано и практически. В статье это суждение подтверждается анализом ряда дел.

Из рассмотрении правил предварительной проверки заявлений и сообщений (ст. 109 УПК Латвийской ССР) и фактически при расследовании осуществляемых проверочных действия, сделан вывод о достаточности существующих процессуальных возможностей для определения наличия или отсутствия признаков преступления до возбуждения уголовного дела по факту насильственной смерти. Однако было бы целесообразно сделать несколько эластичнее твердый 3—10 дневный срок проверки, предоставив *de lege ferenda* право прокурору республики в **исключительных случаях** это срок продлиться на десять дней, т. е. на время, в которое в подавляющем большинстве случаев укладывается следственная проверка фактов насильственной смерти. Кроме того было бы целесообразно в законодательном порядке разрешить проведение судебно-медицинской экспертизы для установления причин смерти до возбуждения уголовного дела.

А. ЛНЕДЕ
профессор, доктор юрид. наук
В. ЛУКАШЕВИЧ
доктор юрид. наук

ЗАКОННОСТЬ И ОБОСНОВАННОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Предмет данной статьи — определение тех процессуальных предпосылок и условий, соблюдение которых является гарантией законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности. Однако, учитывая, что в связи с обсуждением в последние годы вопросов давности нередко встречается отрицание за привлечением к уголовной ответственности значения института предварительного расследования, рассмотрение нашей темы необходимо начать с уяснения именно этого вопроса.

Ряд авторов проводят резкую грань между привлечением к уголовной ответственности и привлечением в качестве обвиняемого на том основании, что уголовную ответственность определить вправе только суд. Распространено мнение, что привлечение к уголовной ответственности состоится лишь в тот момент, когда признаки определенного преступления в действиях лица установлены обвинительным приговором¹. Что

¹ См. Н. Загородников, Давность уголовного преследования и ее сроки, «Социалистическая законность», 1967, № 2, стр. 33; см. также В. Малков, «Исчисление сроков давности привлечения к уголовной ответственности», «Советская юстиция», 1966, № 22, стр. 6—7; А. Р. Палтсер, Освобождение от уголовной ответственности по советскому уголовному праву, Тарту, 1966, автореферат канд. дисс., стр. 6; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., Госюриздат, 1961, стр. 61—62 и др.

же касается таких уголовно-процессуальных действий как привлечение в качестве обвиняемого, избрание меры пресечения и других, совершаемых до вынесения обвинительного приговора, то эти меры якобы направлены лишь на то, чтобы обеспечить правильное разрешение уголовного дела судом, и с привлечением к уголовной ответственности непосредственной связи не имеют².

С такой трактовкой привлечения к уголовной ответственности, по нашему мнению, нельзя согласиться. Она не соответствует ни теоретическим представлениям о понятии уголовной ответственности, ни действующему законодательству.

Уголовная ответственность определенного лица в совершении определенного преступления как категория объективной реальности существует еще до вынесения обвинительного приговора. Суд ее определяет, но не создает своим приговором. Уже с момента совершения преступления возникает уголовно-правовое отношение между государством и лицом, совершившим преступление. У государства в лице компетентных его органов возникает обязанность изобличить и наказать виновного в соответствии с содеянным, а у лица, совершившего преступление, обязанность подчиниться государственным принудительным мерам, направленным на установление его виновности и назначение справедливого наказания.

Если по тем или иным причинам органы государства, обязанные возбудить уголовное дело по факту совершенного преступления, не возбуждают уголовного дела (например, по той причине, что они не знают о совершении преступления или по каким-либо другим причинам, препятствующим осуществлению требований действующего законодательства), то все равно уголовно-правовое отношение, порожденное самим фактом совершения преступления существует, обязывая соответствующие органы государства возбудить уголовное дело и принять все необходимые меры для раскрытия преступления и изобличения виновного. Уголовно-правовое отношение всегда предшествует уголовно-процессуальным отношениям, включая и те случаи, когда возбуждение уголовного дела следует сразу же за совершением преступления. Статья 5 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению за отсутствием события преступления и за отсутствием в деянии состава преступления, а ст. 2 Основ требует изобли-

² См. Н. Загородников. Давность уголовного преступления и ее сроки, «Социалистическая законность», 1967, № 2, стр. 34.

чения виновных, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию. Факт совершения преступления определенным лицом, подлежащим изобличению и наказанию, лежит в основе всех уголовно-процессуальных отношений, а том числе отношений, связанных с привлечением в качестве обвиняемого. Если же самого факта совершения преступления в действительности не было (не было события преступления или в событии отсутствуют признаки состава преступления), то ошибочно возникшие уголовно-процессуальные отношения прекращаются. Следовательно уголовно-правовое отношение, возникая одновременно с фактом совершения преступления, создает возможность возникновения уголовно-процессуальных отношений, в ходе осуществления которых соответствующие государственные органы должны изобличить виновного и подвергнуть его справедливому наказанию и возникновение этих отношений отнюдь не откладывается до вынесения судом обвинительного приговора.

У лица, совершившего преступление, возникает обязанность подчиниться государственным принудительным мерам, направленным на установление его виновности и наказания, но до привлечения этого лица в качестве обвиняемого эта обязанность не конкретизирована и, как правило, не обеспечивается принудительными государственными мерами, хотя уголовное дело по факту совершения преступления и может быть уже возбуждено³.

Однако для лица, совершившего преступление, положение резко меняется с момента вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого. После вынесения этого постановления лицо, производящее дознание, следователь или прокурор как представители органов государства, выполняющие лежащую на них обязанность по раскрытию преступления и изобличению виновного, получают по отношению к об-

---

³ Эту обязанность лицо, совершившее преступление, до привлечения в качестве обвиняемого может осуществить только добровольно. В УПК союзных республик в качестве одного из поводов к возбуждению уголовного дела предусмотрена явка с повинной. В следственной практике случаи явки с повинной сравнительно редки. Так, например, из 195 человек осужденных Ленинградским городским судом в 1964 году, с повинной явилось двое: С., совершивший умышленное убийство жены на почве семейных отношений, и Б., причинивший в состоянии опьянения телесные повреждения.

Только в исключительных случаях по основаниям, предусмотренным законом, на очень краткие сроки возможно до привлечения лица в качестве обвиняемого задержание подозреваемого до 3 суток или избрание меры пресечения до предъявления обвинения продолжительностью до 10 суток (см. ст. 122, 90 УПК РСФСР, 122, 70 УПК Латв. ССР).

виняемому ряд таких полномочий, которых они не имеют в отношении других граждан. К таким полномочиям относятся: допрос обвиняемого, отстранение обвиняемого от должности, наложение ареста на имущество обвиняемого в обеспечение гражданского иска или возможной конфискации имущества, принятие мер пресечения (заключение под стражу и т. д.). Следовательно после вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого обязанность лица, совершившего преступление, подчиниться мерам государственного принуждения, направленным на изобличение виновного и его справедливое наказание, осуществляется в принудительном порядке при помощи предусмотренных в законе средств, а применение этих принудительных средств (заключение по стражу в качестве меры пресечения и т. д.) является оправданным и необходимым в предусмотренных законом случаях только тогда, когда в качестве обвиняемого привлечено лицо, действительно совершившее преступление.

Принудительный характер процессуальных действий на предварительном расследовании, обусловленный постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, в том числе и такая принудительная мера как длительное лишение свободы — предварительное заключение под стражу, могут быть объяснены только тем, что в момент привлечения обвиняемого уже достаточно изобличен в совершении преступления (ст. 143 УПК РСФСР, ст. 145 УПК Латв. ССР) и поэтому он должен перед государством нести ответственность за свое деяние. Если бы его статус уголовной ответственности еще не наступил, если процессуальное состояние уголовной ответственности еще не началось, то не было бы никакого основания выделять обвиняемого постановлением о привлечении из числа прочих граждан. Процессуальные отношения, в какие он с этого момента вступает с органами предварительного расследования, можно разумно объяснить только достаточной доказанностью совершения им уголовно наказуемого деяния, возникновением (началом) уголовной ответственности за это деяние, сформулированного в постановлении о привлечении с точным определением состава преступления, объема и границ уголовной ответственности. Чрезвычайно важно, что этот объем и границы уголовной ответственности, предопределенные постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, суд впоследствии расширить не вправе (ст. ст. 227 и 254 УПК РСФСР; ст. ст. 223 и 255 УПК Латв. ССР).

Приходится вывести суждение, что именно с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, т. е. с момента определения содержания и границ уго-

ловной ответственности обвиняемого, и начинается привлечение этого лица к уголовной ответственности. Но с этого момента оно только **начинается**, так как признание обвиняемого виновным и назначение ему наказания является исключительной прерогативой суда. Такое понимание привлечения лица в качестве обвиняемого как привлечения к уголовной ответственности находит обоснование и в действующем законодательстве. Это явствует из рассмотрения некоторых правил.

Согласно ст. 96 УПК РСФСР (ст. 76 УПК Латв. ССР) заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется только по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения в стадии предварительного следствия и дознания осуществляется на практике довольно широко. Если взять за 100% число всех подсудимых, преданных суду по гор. Ленинграду или по г. Риге в 1966 году, то число арестованных по санкциям прокуроров в 1966 г. будет составлять примерно 52%. Если обвиняемый до постановления обвинительного приговора содержался под стражей в порядке меры пресечения, то в случае его осуждения с назначением наказания в приговоре указывается о зачете предварительного заключения с момента заключения под стражу. Следовательно действующее уголовно-процессуальное законодательство считает возможным применение заключения под стражу в качестве меры пресечения, во-первых, только по тем делам, по которым возможен зачет предварительного заключения в случае признания обвиняемого виновным по приговору суда и подлежащим уголовному наказанию. Во-вторых, применение заключения под стражу в качестве меры пресечения, как и других мер пресечения к лицу, не подлежащему уголовной ответственности, вообще недопустимо по закону, а отдельные такие случаи являются грубейшим нарушением социалистической законности, ибо все принудительные меры уголовно-процессуального характера, которые применяются к обвиняемому, имеют своей целью обеспечить изобличение и наказание **виновного**.

Действующее законодательство предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в стадии предварительного следствия и дознания. Поэтому уголовная ответственность уже должна существовать как объективная реальность в стадии предварительного следствия и дознания (см. ст. ст. 6, 7, 8, 9 УПК РСФСР и Латвийской ССР; и ст. 10 УПК РСФСР).

В Положении о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.

прямо предписывается Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам осуществлять надзор за точным исполнением законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия, чтобы: 1) привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, принимать меры к тому, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни один преступник не уклонился от ответственности; 2) строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах» (ст. 17). Приведенные формулировки не оставляют сомнения в том, что говоря о привлечении к уголовной ответственности виновных и о недопустимости привлечения к уголовной ответственности невиновных, закон имеет в виду не вынесение судом обвинительного приговора, а привлечение в качестве обвиняемого, осуществляемое в стадии предварительного следствия и дознания.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г. «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» подчеркивается, что органы прокуратуры должны усилить прокурорский надзор за законностью при расследовании уголовных дел с тем, чтобы ни один правонарушитель не ушел от законного наказания и чтобы ни один гражданин не был привлечен к уголовной ответственности без достаточных оснований⁴.

В приказе Генерального Прокурора СССР от 30 декабря 1965 г. № 125 «Об улучшении работы следственного аппарата органов прокуратуры и усилении прокурорского надзора за следствием и дознанием» также указывается на случаи «незаконного привлечения граждан к уголовной ответственности» и предписывается решительно искоренить случаи «незаконного ареста и привлечения граждан к уголовной ответственности»⁵.

Поэтому следует признать правильным, но неточным утверждение В. И. Курляндского о том, что уголовная ответственность в смысле обязанности отвечать за содеянное не

⁴ См. «Известия» от 19 февраля 1965, № 43.

⁵ См. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР, М., из-во «Юридическая литература», 1966, стр. 63—70.

В этой связи интересно отметить, что ст. 145 УПК Латвийской ССР иззвана «Привлечение к уголовной ответственности» (а не «Приалечение в качестве обвиняемого», как ст. 143 УПК РСФСР). Содержание статьи соответствует ее названию. К сожалению, в этом смысле русский перевод ст. 145 УПК Латв. ССР неточен и повторяет формулировку ст. 143 УПК РСФСР.

зависит от формального момента — привлечения лица к уголовной ответственности⁶. Уголовная ответственность как обязанность лица, совершившего преступление, отвечать за содеянное действительно возникает до привлечения этого лица в качестве обвиняемого. Но именно с момента привлечения органы предварительного расследования конкретно определяют лицо, подлежащее уголовной ответственности, устанавливают ее объем и границы в формулировке обвинения. С этого момента начинается принудительное выполнение обвиняемым обязанности отвечать за содеянное, обеспечиваемое всеми средствами, предусмотренными законом, т. е. начинается привлечение к уголовной ответственности этого лица органами следствия или дознания.

Нам представляется, что отрицание за привлечением в качестве обвиняемого значения привлечения к уголовной ответственности основано на смешении двух в корне отличных понятий: материально правового понятия уголовной ответственности и процессуального понятия **привлечения** к уголовной ответственности. Первым определяется содержание уголовной ответственности, вторым — порядок реального установления ее наличия; установление органами предварительного расследования конкретно определенного лица, подлежащего уголовной ответственности перед судом, с точным определением объема и границ обвинения, т. е. — обязанности отвечать перед судом в этих границах. Это и есть привлечение к уголовной ответственности определенного лица за конкретное общественно опасное деяние, выраженное в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Теперь обратимся к нашему основному вопросу и рассмотрим те процессуальные предпосылки и условия, соблюдение которых является гарантией законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности в стадии предварительного расследования.

Если привлечение к уголовной ответственности начинается с указанного выше момента, то тогда для вынесения следователем такого постановления необходимо установление наличия состава преступления в действиях, инкриминируемых обвиняемому. Статья 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующие статьи УК союзных республик предусматривают, что уголовной ответственности и наказанию подлежат только лица, виновные в совершении преступления, то есть умыш-

⁶ См. В. И. Курлянский, «О сущности признаках привлечения к уголовной ответственности». Советское государство и право, 1963, № 11, стр. 91; его же, Уголовная ответственность и меры общественного воздействия, М., 1965, изд-во «Юридическая литература», стр. 20.

ленно или по неосторожности совершившие предусмотренное уголовным законом общественно-опасное деяние.

Во всех УПК союзных республик, принятых в 1959—1961 гг., не имеется никаких указаний о том, что следователь может вынести постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого при наличии достаточных оснований лишь к предположению, что расследуемое преступление совершено подозреваемым лицом, как это имело место в некоторых УПК союзных республик до принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. Все УПК союзных республик требуют наличия **достаточных доказательств**, «дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления» (ст. 143 УПК РСФСР, ст. 145 УПК Латв. ССР) или «указывающих на совершение преступления определенным лицом» (ст. 131 УПК УССР). Ст. 17 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и соответствующие статьи УПК союзных республик подчеркивают, что суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, снованному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием. Тем самым в законе прямо указано, что следователь и прокурор в стадии предварительного расследования должны оценивать доказательства, основываясь на тех же правилах, что и суд.

Ст. 30 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и соответствующие статьи УПК союзных республик разрешают следователю не соглашаться с указаниями прокурора и представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений по вопросам о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела. Решение следователем всех этих вопросов связано с его внутренним убеждением, основанным на оценке доказательств. Поэтому то закон и предоставляет право следователю не согласиться с указаниями прокурора по вопросу о привлечении к уголовной ответственности. Наконец ст. 2 Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и соответствующие статьи УПК союзных республик прямо требуют, чтобы «каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

Приведенные выше положения Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК союзных республик, принятых в 1959—1961 годах, позволяют с полным основанием утверж-

дать, что для привлечения к уголовной ответственности следователь должен собрать такие достаточные доказательства, которые бы его убеждали в виновности обвиняемого в совершении преступления, то есть он должен установить наличие состава преступления в действиях привлекаемого лица.

Отрицание необходимости наличия такой совокупности доказательств, которая бы убеждала следователя в наличии состава преступления в действиях обвиняемого, неизбежно приводит к тому, что привлечение в качестве обвиняемого может осуществляться на основе «обоснованного предположения» о виновности обвиняемого, вне зависимости от того, употребляют ли этот термин противники внутреннего убеждения следователя при привлечении к уголовной ответственности или нет. Так, например, В. И. Каминская не употребляет термина «обоснованное предположение о виновности обвиняемого», но она утверждает, что при вынесении следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого «об убеждении в виновности привлекаемого к ответственности лица говорить преждевременно»⁷. Понятно, что внутреннему убеждению следователя в виновности обвиняемого может быть противопоставлено только «обоснованное предположение» или «обоснованное подозрение» следователя в виновности обвиняемого, ибо как бы не было обоснованно подозрение или предположение следователя о виновности обвиняемого — оно все равно остается только гипотезой, одной из возможных версий.

Внутреннее убеждение следователя как состояние уверенности, убежденности в правильности сделанного вывода несовместимо с колебаниями и сомнениями по вопросу о виновности обвиняемого, которые неизбежны при наличии «обоснованного предположения» следователя о виновности привлекаемого. Подозрение — это «предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-либо поступков»⁸. Неправильно также отрицать необходимость наличия внутреннего убеждения следователя в виновности обвиняемого к моменту привлечения к уголовной ответственности и одновременно утверждать, что «привлечение в качестве обвиняемого является результатом определенной степени убежденности следователя в виновности данного лица»⁹, ибо внутреннее убеждение вообще не может иметь каких-либо сте-

⁷ См. В. И. Каминская. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., изд-во АН СССР, 1960, стр. 120.

⁸ С. И. Ожегов. Словарь русского языка, М., 1960, стр. 530.

⁹ См. Р. Д. Рахунев. Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., Госюриздат, 1961, стр. 50, 124—125.

пеней. Поэтому при привлечении к уголовной ответственности можно говорить или об убеждении следователя в виновности обвиняемого или об обоснованном предположении «виновности привлекаемого».

Но предположение о виновности обвиняемого означает только вероятность, по мнению самого следователя, виновности обвиняемого. Иными словами, сам следователь, привлекая к уголовной ответственности и, возможно, заключая обвиняемого под стражу, не уверен в виновности привлекаемого, так как не обязан, согласно этой теории, собрать такой объем доказательств, который бы убеждал его самого в виновности обвиняемого. Следовательно, эта теория совершенно определенно допускает привлечение и даже заключение под стражу невиновных граждан. Причем случаи привлечения невиновных граждан к уголовной ответственности не могут быть фактически поставлены в вину следственным органам, так как согласно этой теории следователи должны собрать такой доказательственный материал к моменту привлечения к уголовной ответственности, который был бы достаточен только для предположения следователя о виновности обвиняемого.

Известно, что в ходе предварительного расследования у следователя довольно часто возникают уже в самом начале следствия весьма обоснованные предположения о виновности ряда лиц в совершении конкретного преступления. При дальнейшем расследовании устанавливается полная непричастность к данному преступлению одних лиц и действительная виновность других. Если бы следственные органы, руководствуясь своим «обоснованным предположением о виновности» этих лиц, привлекали бы их к уголовной ответственности, то в таких случаях было бы налицо привлечение к уголовной ответственности невиновных советских граждан, т. е. грубейшее нарушение социалистической законности. Из сказанного следует сделать неоспоримый, по нашему мнению, вывод: теория привлечения к уголовной ответственности на основании предположения следователя о виновности обвиняемого не дает достаточных гарантий советским гражданам против неправильного и незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Конечно, следователь может придти к неправильному выводу о виновности обвиняемого и при наличии у него твердого убеждения в виновности привлекаемого. Но если считать достаточным для привлечения к уголовной ответственности «обоснованного предположения о виновности обвиняемого», то такие ошибки становятся неизбежными в силу того различия, которое существует между понятиями «внутрен-

нее убеждение» и «обоснованное предположение», между вероятным и достоверным знанием.

Однако для обеспечения законных интересов обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности одного наличия твердого внутреннего убеждения следователя в виновности обвиняемого явно недостаточно, ибо это внутреннее убеждение может быть ошибочным, основываться на неполном, недоброкачественном доказательственном материале. Такое внутреннее убеждение следователя не будет соответствовать истине, а вывод следователя о виновности обвиняемого не будет достоверным выводом. Поэтому для обеспечения законных интересов обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности необходимо, чтобы внутреннее убеждение следователя в виновности обвиняемого основывалось на достоверных и достаточных доказательствах и было истинным, правильным по существу.

Нельзя согласиться, по нашему мнению, с утверждением Л. М. Карнеевой, что объективно «в момент предъявления обвинения следователем делается вероятностный вывод, поскольку доказывание не закончено, но при этом субъективно следователь должен быть уверен в его правильности, поскольку основан этот вывод на объективных данных, проверенных в той мере, в какой это было возможно на данной стадии»¹⁰. Само по себе убеждение следователя в виновности обвиняемого (даже если оно истинно) не может, конечно, доказать виновность обвиняемого, установить объективную истину, а оно должно обязательно основываться на такой совокупности достоверных доказательств, которые бы убеждали любого человека в виновности привлекаемого. Поэтому, как для выполнения задач уголовного судопроизводства, так и для охраны законных интересов обвиняемого прежде всего важна объективная истинность вывода следователя о виновности обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности.

Объективная истинность вывода следователя о наличии состава преступления в инкриминируемых обвиняемому действиях может быть достигнута только в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств расследуемого дела, в ходе которого будут подробно исследованы все возможные версии о виновнике преступления, включая и те версии, которые может выдвинуть в своих показаниях обвиняемый. Причем истинность вывода следова-

¹⁰ См. рецензию Л. М. Карнеевой на книгу А. М. Ларина «Работа следователя с доказательствами», М., изд-во «Юридическая литература», 1966, опубликованную в ж. «Социалистическая законодательность», 1967, №1, стр. 92.

теля о доказанности виновности обвиняемого достигается только в том случае, когда расследование убедительно опровергает все прочие возможные версии и устанавливает и обосновывает достоверными доказательствами правильность только одной из них. Однако к моменту привлечения в качестве обвиняемого последний еще не допрошен, его объяснения не получены и не проверены следователем, поэтому, как утверждают сторонники привлечения к уголовной ответственности на основе «обоснованного предположения о виновности обвиняемого», нельзя говорить об объективной доказанности обвинения, о наличии у следователя внутреннего убеждения в виновности привлекаемого¹¹. Рассмотрим этот довод по существу.

Прежде всего обратимся к следственной и судебной практике последних лет, чтобы в результате ее анализа попытаться установить, являются ли объективно истинными выводы следователя о виновности обвиняемого к моменту привлечения к уголовной ответственности и каков процент неправильных и необоснованных привлечений. Как известно, правильность выводов следователя о виновности обвиняемого при привлечении к уголовной ответственности проверяется самим следователем после предъявления обвинения, прокурором при утверждении обвинительного заключения или рассмотрении ходатайств и жалоб участников уголовного судопроизводства на необъективность и неполноту расследования и, наконец, судом во всех последующих судебных стадиях советского уголовного процесса. Поэтому количество прекращенных уголовных дел после привлечения лица в качестве обвиняемого в стадии предварительного расследования и во всех последующих судебных стадиях и количество оправдательных приговоров является объективным и надежным показателем правильности и обоснованности привлечения следователем граждан к уголовной ответственности.

Приведем статистические данные в процентном отношении о количестве прекращенных уголовных дел по реабилитирующим обвиняемого основаниям после предъявления обвинения в целом по г. Ленинграду и Латвийской ССР за 1966 г. Если взять количество оконченных уголовных дел следователями прокуратуры и следователями МООН и органами дознания в 1966 г. за 100%, то количество всех прекра-

¹¹ См. напр., В. И. Каминская. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., изд-во АН СССР, 1960, стр. 120; Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., Госюриздат, 1961, стр. 193—194; Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства, Кемерово, 1962, стр. 144 и др.

шенных уголовных дел после предъявления обвинения по основаниям реабилитирующим обвиняемого (отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления и недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления) по г. Ленинграду составит только 1,7%, а по Латвийской ССР — 2,3%. В 1967 г. по Латвийской ССР в судебных органах прекращены лишь 0,1% из поступивших дел.

Если к тому же принять во внимание, что количество уголовных дел, по которым вынесены оправдательные приговоры, составляют в каждом районном народном суде в буквальном смысле слова единицы, то можно сделать вывод, что следователи по существу почти безошибочно привлекают к уголовной ответственности граждан в стадии предварительного расследования. Если число всех рассмотренных в судах уголовных дел в г. Ленинграде и в Латвийской ССР в 1965 г. взять за 100%, то процент оправдательных приговоров в г. Ленинграде составит 0,27%, а в Латвийской ССР — 0,22%; в 1966 г. по отношению к общему числу рассмотренных уголовных дел этот процент в г. Ленинграде равен 0,31%, в Латвийской ССР — 0,21%. Если же взять число всех лиц, преданных суду в 1965 г. за 100%, то процент оправдательных приговоров будет еще меньше и составит немногим больше 0,2% по отношению лиц, преданных суду.

Очень невелик и процент возвращения уголовных дел на доследование из судов. В 1965—1966 гг. этот процент составлял около 1% от числа всех уголовных дел, рассмотренных судами на указанных территориях.

Объективно истинный характер выводов следователей о виновности привлекаемого ими лица в совершении преступления (в следственной практике, как мы видели, эти выводы носят такой характер в 97—98% всех случаев привлечения к уголовной ответственности) объясняются тем обстоятельством, что следователи еще до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого стремятся проверить все возможные версии. В зависимости от конкретных обстоятельств каждого расследуемого уголовного дела такое построение самим следователем возможных версий обвиняемого и их проверка помогают предотвратить неправильное и необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Установление объективной истины по уголовному делу не должно находиться в зависимости от показаний обвиняемого. Следователь обязан вне зависимости от показаний обвиняемого предпринять все возможные меры для полного, всестороннего и объективного установления всех обстоятельств, имеющих значение по данному делу. В следственной

практике встречаются случаи, когда в действительности невиновный обвиняемый по тем или иным причинам в своих показаниях не выдвигает правдоподобных версий в свое оправдание, хотя и отрицает свою вину. В этих случаях следователь все равно вынужден по собственной инициативе выдвинуть и проверить возможные версии, которые могут поколебать или опровергнуть предъявленное обвинение. Поэтому проверка следователем возможных версий обвиняемого до привлечения к уголовной ответственности — вполне допустимый и целесообразный прием.

Помимо проверки всех возможных версий о лице, совершившем преступление, следователи в подавляющем большинстве случаев имеют возможность учитывать те объяснения подозреваемого или лица, которые он дает органам дознания или следствия до привлечения к уголовной ответственности. Ст. 109 УПК РСФСР и Латвийской ССР прямо разрешают истребовать необходимые материалы и «получать объяснения» еще до возбуждения уголовного дела по поступившим заявлениям и сообщениям о совершенных преступлениях¹². Практика получения «объяснений» очень широко распространена в органах дознания и следствия, что дает возможность следователю получить «объяснения» по всем интересующим его вопросам. По существу до того как «объяснения» протоколируются, им может предшествовать самый настоящий допрос, который только оформляется в виде «объяснений», т. е. проводится без соблюдения процессуальных правил (без указания времени начала и конца «беседы» следователя с лицом, дающим объяснения, без предупреждения его об уголовной ответственности и т. д.). В законе не содержится никаких обязательных правил о допустимости неоднократного вызова лиц для дачи объяснений в пределах срока при соблюдении требований об обязательном письменном оформлении каждого «объяснения», полученного следователем, о допустимости постановки вопросов этому лицу, о том, кто должен записывать эти объяснения — следователь или гражданин, дающий эти объяснения и т. д. Поэтому практика получения и оформления «объяснений» до возбуждения уголовного дела отличается большим разнообразием.

В следственной практике самое широкое распространение

---

¹² Ст. 120 УПК Туркменской ССР не предусматривает прямо возможность получения «объяснений» до возбуждения уголовного дела, а говорит... только об «истребовании дополнительных материалов и возможности выезда на место». В УПК Киргизской ССР вообще не говорится ничего о способах проверки заявлений и сообщений о совершенных преступлениях (ст. ст. 95—103) до возбуждения уголовного дела.

получили случаи допроса лиц, которых следователь считает причастным к совершению расследуемого преступления, в качестве подозреваемых тогда, когда к ним не применено задержание или какая-либо из мер пресечения. Если допрос в качестве подозреваемого тогда, когда это лицо задержано или к нему применена мера пресечения до привлечения к уголовной ответственности, предусмотрен действующим законодательством, то допрос в качестве подозреваемых в иных случаях является нарушением закона и не может быть использован в целях проверки законности и обоснованности привлечения к уголовной ответственности.

С учетом указанных выше двух факторов — необходимости выдвижения и проверки следователем до привлечения к уголовной ответственности всех версий, включая возможные версии обвиняемого, и получением объяснений от подозреваемого лица до возбуждения уголовного дела или допросом этого лица в качестве свидетеля или подозреваемого в случаях, прямо предусмотренных законом, — следователи и приходят к объективным результатам при привлечении к уголовной ответственности в подавляющем большинстве случаев.

Из изложенного ясно, что 1) привлечение к уголовной ответственности начинается с момента вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; 2) необходимым условием законности и обоснованности этого акта является объективно истинное установление следователем состава преступления в деянии обвиняемого; 3) следователь должен быть убежден в виновности привлекаемого на основе всестороннего и объективного анализа и проверки всех возможных версий обвиняемого, опровергающих предъявленное обвинение; 4) для привлечения к уголовной ответственности не нужно доказанности всех без исключения преступлений, совершенных обвиняемым, или даже установления всех без исключения обстоятельств, подлежащих доказыванию. Привлечение к уголовной ответственности будет законным и обоснованным уже в том случае, если следователь достоверно установил хотя бы один эпизод преступления, совершенного обвиняемым. 5) Получение объяснений до привлечения к уголовной ответственности от подозреваемого лица возможно только в случаях, прямо предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством.

И. ЛИСАГОР

НЕДОПУСТИМОСТЬ ПОВТОРНОГО УЧАСТИЯ СУДЬИ В РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

1

К числу основных процессуальных принципов принадлежит принцип независимости судей и подчинения их только закону. Независимость судей провозглашена ст. 112 Конституции СССР и является гарантией осуществления правосудия в строгом соответствии с законом. Независимость судей выражается в их фактическом ограждении от любых внешних влияний, в самостоятельном рассмотрении уголовных дел в условиях, исключающих возможность постороннего воздействия.

Принцип независимости судей четко сформулирован в ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, которая определила, что «при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону. Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей».

Одной из гарантий независимости судей являются установленные ст. 51 Основ уголовного судопроизводства ограничения прав вышестоящих судов, которые, рассматривая дела в кассационном порядке или в порядке судебного надзора, не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены приговором или отвергнуты судом первой инстанции, а равно не вправе предрешать вопросы о

доказанности или недоказанности обвинения, о достоверности или недостоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, о применении судами первой инстанции того или иного уголовного закона и о мере наказания. Ст. 52 Основ уголовного судопроизводства определяет, что после отмены первоначального приговора дело подлежит рассмотрению в общем порядке.

Таким образом, подчеркнута недопустимость воздействия на суды первой инстанции и со стороны судов, рассматривающих дела в порядке кассационного производства или судебного надзора.

Между тем, вопрос о составе суда при вторичном разбирательстве дела, находящийся в прямой связи с принципом независимости судей, в большинстве уголовно-процессуальных кодексов союзных республик разрешен, на наш взгляд, в нарушение названного конституционного принципа.

Так, ст. 28 УПК Латвийской ССР устанавливает, что судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в новом рассмотрении этого же дела в суде первой инстанции лишь в случае отмены приговора и определения о прекращении дела, постановленных с его участием.

Аналогично этот же вопрос разрешен ст. 60 УПК РСФСР, ст. 28 УПК БССР, ст. 31 УПК Узбекской ССР, ст. 30 УПК Литовской ССР, ст. 26 УПК Туркменской ССР, ст. 27 УПК Азербайджанской ССР, ст. 28 УПК Таджикской ССР.

Таким образом, отмена вышестоящим судом любого определения, за исключением определения о прекращении уголовного дела¹, не исключает возможность повторного рассмотрения дела судом первой инстанции в том же составе.

Это означает, например, что суд первой инстанции, признавший невозможным во время судебного следствия восполнить пробелы предварительного следствия или дознания и вынесший определение о направлении дела для производства дополнительного следствия или дознания, должен, в случае отмены такого определения вышестоящим судом, это же дело вновь принять к своему производству для повторного рассмотрения.

Авторы Комментария к уголовно-процессуальному кодексу

---

¹ Ст. 25 УПК Армянской ССР, ст. 33 УПК Казахской ССР и ст. 44 УПК Киргизской ССР не исключают повторное рассмотрение судом первой инстанции в том же составе дела даже после отмены определения о прекращении дела и предусматривают недопустимость повторного рассмотрения судом в том же составе дела только после отмены первоначального приговора.

РСФСР, комментируя *de lege lata* вопрос о возможности рассмотрения судом дела, возвращенного этим же судом на дознание, указывают:

«Участие судьи в деле в стадии предания суду, а равно участие в судебном разбирательстве дела, если в этих стадиях процесса постановлены определения о направлении дела на дознание, не препятствует участию судьи в дальнейшем рассмотрении дела в суде первой инстанции, так как его участие в принятых судом решениях, в силу характера этих решений, не могло повлечь и не повлекло у судьи формирования законченного внутреннего убеждения по вопросам о наличии или отсутствии преступления и о виновности обвиняемого»².

Авторы Комментария не выделяют при этом вопрос о возможности рассмотрения дела судом в случае отмены вынесенного этим же судом определения о направлении дела на дознание. Поэтому следует считать, что они допускают в этом случае рассмотрение дела судом с участием тех же судей, тем более, что это не противоречит действующей редакции ст. 60 УПК РСФСР.

Однако, с точки зрения принципа независимости судей, как уже сказано выше, право судьи рассматривать дело, по которому отменено вынесенное с его участием определение о направлении дела на дознание, вызывает возражения.

Как УПК Латвийской ССР, так и УПК РСФСР устанавливают определенные обстоятельства, при которых суд направляет дело для производства дополнительного предварительного следствия или дознания, а именно:

1) при существенной неполноте предварительного следствия или дознания, которая не может быть восполнена на судебном следствии;

2) в случае допущения при производстве предварительного следствия или дознания существенных нарушений требований процессуального закона, которое препятствует рассмотрению дела судом;

3) при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, помимо ранее предъявленного, либо для изменения обвинения на более тяжкое или отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения;

4) при наличии оснований для привлечения к уголовной ответственности других лиц, если данное дело не может быть рассмотрено без привлечения этих лиц к уголовной ответственности;

---

² Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, Издательство «Юридическая литература», М., 1965, стр. 105.

5) в случае неправильного соединения или разъединения дела³.

Во всех указанных случаях решение судьи о направлении дела для доследования хотя и непосредственно не связано с вопросом о наличии или отсутствии преступления и виновности обвиняемого, но оно связано с убеждением судьи о невозможности рассмотрения дела по существу.

Убеждение судьи формируется в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела в их совокупности, на основе закона и социалистического правосознания. Если обстоятельства дела и закон составляют объективную основу, то само судебское убеждение, основанное на социалистическом правосознании, является субъективной категорией.

Социалистическое правосознание судьи находит свое выражение в его правовых взглядах и представлениях о том, что является правомерным, законным, справедливым, соответствующим интересам социалистического государства и общества.

Но наличие социалистического правосознания не исключает возможности возникновения объективно неверного судебного убеждения. Правильное восприятие и оценка любых явлений зависят также от интеллектуальных и эмоциональных особенностей как самого индивида, так и условий и обстоятельств восприятия и оценки. Поэтому по одному и тому же делу каждый судья может иметь свое суждение, основанное на своем внутреннем убеждении. Естественно, что истинным может быть только одно решение и, следовательно, ложными, неправильными являются все другие. Таким же образом, истинным может быть только убеждение, на основе которого принято истинное решение. Но «ложное, неверное» убеждение судьи не теряет характера внутреннего судебного убеждения.

Любое определение, вынесенное судом в соответствии с «ложным, неверным» убеждением судей, подлежит отмене вышестоящей судебной инстанцией. Подлежит, бесспорно, отмене и необоснованное определение суда о направлении дела для дополнительного расследования. Но направление дела на повторное рассмотрение тому же суду, несмотря на то, что решение суда о возвращении дела на доследование объективно неверно, противоречит субъективному убеждению судей, принимавших такое решение.

Поэтому повторное рассмотрение судьей этого же дела в случае отмены вынесенного при его участии определения о

---

³ См. ст. ст. 235 и 259 УПК Латвийской ССР и ст. ст. 232 и 258 УПК РСФСР.

направлении дела на доследование противоречит принципу независимости судей, т. к. судья вынужден рассматривать дело вопреки своему убеждению о невозможности рассмотрения дела без проведения дополнительного расследования или дознания.

Необходимо отметить, что Верховный Суд Латвийской ССР не воспользовался предоставленным ему «правом» передавать в указанных случаях дела для повторного рассмотрения суду в том же составе, а в строгом соответствии с необходимостью обеспечить неуклонное осуществление принципа независимости судей, направляет дело в таком случае для рассмотрения тому же суду в ином составе, а если это невозможно, в другой суд.

Такая практика представляется совершенно правильной и свидетельствует о необходимости законодательным путем предусмотреть, что судья, принимавший участие в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, не может участвовать в новом рассмотрении дела в суде первой инстанции в случае отмены приговора, а также любого определения и или постановления, постановленных с его участием.

Именно таким образом этот вопрос разрешен ст. 54 УПК Грузинской ССР, ст. 22 УПК Молдавской ССР⁴, ст. 55 УПК Украинской ССР и ст. 26 УПК Эстонской ССР.

II

УПК Латвийской ССР, также, как и уголовно-процессуальное законодательство других союзных республик, не запрещает суду, которым возбуждено дело о совершении преступления лицом, не привлекавшимся к уголовной ответст-

⁴ Авторы комментарий к ст. 22 УПК Молдавской ССР справедливо указывают на недопустимость участия судьи при вторичном рассмотрении дела, «...поскольку выводы, к которым он пришел в результате своего участия в деле, будучи признанными порочными вышестоящим судом могут повлиять на беспристрастность вторичного решения» (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Молдавской ССР, Кишинев, 1966, стр. 34), но тут же авторы Комментария, ссылаясь на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 26 апреля 1952 года, приведенное в Сборнике постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса 1946—1962 г. г., указывают, что «судья, принимавший участие в вынесении отмененного определения о возвращении дела на доследование, не лишен права рассмотрения этого же дела по существу» (?). Непонятно, чем руководствовались авторы названного Комментария, ссылаясь на это определение Судебной коллегии по уголовным делам по делу, рассмотренному по УПК РСФСР в редакции 1923 г. и не имеющее никакого отношения к правилам, изложенным в ст. 22 УПК Молдавской ССР, которая, как уже указано, вопрос о возможности повторного участия судьи в рассмотрении дела решает иначе, чем этот же вопрос решен в УПК РСФСР.

ответственности, рассматривать такое дело. В том числе, не исключена возможность рассмотрения дела о лжесвидетельстве и дела об уклонении или отказе от дачи показаний, заключения или перевода тем судом, которым вынесено определение о возбуждении такого дела. Между тем, специфичность совершения этих преступлений требует, на наш взгляд, иного порядка их рассмотрения.

УПК Латвийской ССР предусматривает, что при даче свидетелем, потерпевшим или экспертом заведомо ложного показания или заключения, а также при уклонении от явки или отказе от дачи показаний и заключения в судебном заседании, судом по этому основанию возбуждается уголовное дело, которое направляется прокурору для проведения расследования. В таком же порядке судом возбуждаются дела в случае уклонения от явки переводчика или понятого, а также при их отказе от исполнения обязанностей (ст. ст. 54, 55, 62, 139, 269).

Во всех этих случаях свидетель, потерпевший, эксперт, переводчик и понятой совершают уголовно наказуемое деяние в судебном заседании и, следовательно, суд в этих случаях является не только государственным органом, на который возложена обязанность возбуждения дела, но каждый из судей становится очевидцем, свидетелем совершения преступления и поэтому судья, участвовавший в возбуждении такого дела не может участвовать в рассмотрении этого дела.

В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик норма, устанавливающая, что участие судьи при рассмотрении дела в качестве свидетеля является обстоятельством, устраняющим дальнейшее участие судьи в рассмотрении этого же дела, изложена в двух разных редакциях, а именно:

Ст. 27 УПК Латвийской ССР, а также ст. 28 УПК Азербайджанской ССР, ст. 24 УПК Армянской ССР, ст. 53 УПК Грузинской ССР, ст. 32 УПК Казахской ССР, ст. 43 УПК Киргизской ССР, ст. 29 УПК Литовской ССР, ст. 22 УПК Молдавской ССР, ст. 27 УПК Таджикской ССР, ст. 25 УПК Туркменской ССР, ст. 32 УПК Узбекской ССР, стр. 54 УПК Украинской ССР и ст. 26 УПК Эстонской ССР устанавливают, что судья не может участвовать в рассмотрении дела, если он участвовал в данном деле в качестве свидетеля.

В то же время ст. 59 УПК РСФСР и ст. 27 УПК БССР этот же запрет предусматривают в случае, если судья является свидетелем.

Я. О. Мотовиловкер, ссылаясь на ст. 59 УПК РСФСР, указывает, что она исключает возможность участия судьи в рассмотрении дела о лжесвидетельстве, возбужденного при

участии этого судьи, так как судья в этом случае является очевидцем (свидетелем) преступления⁵.

Такое доктринальное толкование закона является весьма заманчивым, так как не может быть никаких сомнений в том, что очевидец преступления не может быть судьей по этому же делу. Но точку зрения Я. О. Мотовиловкера разделяют далеко не все процессуалисты.

Так, например, авторы Комментария к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, подчеркивая, что недопустимо совмещение «процессуальных функций судьи и лица, которому непосредственно известны существенные обстоятельства дела»⁶, в то же время указывают, что возбуждение дела судьей (судом) в отношении нового лица (следовательно, и о лжесвидетельстве) не препятствует участию судьи в разбирательстве этого же дела, «так как в этом случае не предрешается вопрос о наличии преступления и о виновности лица, а лишь признается необходимым производство расследования или судебного разбирательства для выяснения этих вопросов»⁷.

Таким образом, авторы указанного Комментария, подчеркивая недопустимость совмещения функций судьи и свидетеля, не признают судью, возбудившего дело о лжесвидетельстве, очевидцем (свидетелем) преступления.

Кроме того, если даже согласиться с толкованием Я. О. Мотовиловкера, то оно, как уже сказано, может быть, распространено лишь на УПК РСФСР и БССР, так как в УПК Латвийской ССР и других союзных республик речь идет не об очевидцах, совершенного в судебном заседании преступления, а о лицах, «участвовавших в данном деле в качестве свидетелей».

Поэтому, следует, на наш взгляд, специально указать в законе на то, что судья в указанных случаях не вправе участвовать в рассмотрении уголовного дела.

III

Несовершенство редакция действующей второй части ст. 28 УПК Латвийской ССР, которая исключает участие судьи, рассматривавшего уголовное дело в суде второй инстанции, в новом рассмотрении этого же дела лишь в двух случаях, а именно:

⁵ См. Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства, Кемерово, 1962, стр. 86.

⁶ Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР, издательство «Юридическая литература», М., 1965, стр. 104.

⁷ Там же, стр. 105.

1) в суде первой инстанции или в порядке судебного надзора;

2) в суде второй инстанции, но лишь в том случае, если отменено определение, вынесенное с его участием.

Аналогично вопрос о возможности повторного участия судьи в новом рассмотрении этого же дела решен и в большинстве уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик⁸.

Однако, отмена определения, как условие, исключающее участие судьи в новом рассмотрении дела в суде второй инстанции, не охватывает все те случаи, когда повторное участие судьи может повредить объективному рассмотрению дела.

В частности, представляется совершенно недопустимым участие судьи в новом рассмотрении дела в суде кассационной инстанции в случае, когда ранее в кассационном порядке при участии этого же судьи отменен приговор за мягкостью наказания.

Между тем в практике Верховного Суда Латвийской ССР такие случаи имеют место.

Так, например, в 1967 году Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Латвийской ССР в кассационном порядке рассмотрено дело по обвинению Р., осужденного народным судом по части первой ст. 105 УК Латвийской ССР за умышленное причинение тяжких телесных повреждений к 1 году и 6 месяцам лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам, учитывая тяжесть причиненных телесных повреждений, удовлетворила кассационную жалобу потерпевшего и отменила приговор за мягкостью наказания.

При новом рассмотрении дела народный суд в ином составе приговорил Р. к 5 годам лишения свободы. Осужденный и его защитник принесли на приговор кассационные жалобы, которые Судебной коллегией по уголовным делам оставлены без удовлетворения, причем один из судей участвовал в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции оба раза⁹.

Хотя и результаты рассмотрения дела судом кассационной инстанции в данном случае не вызывают сомнений, но, очевидно, что решение судьи, (при участии которого рассмотрена кассационная жалоба потерпевшего, а впоследствии и кассационная жалоба осужденного) о необходимости отмены приговора за мягкостью наказания не могло не предопределить

⁸ Только ст. 22 УПК Молдавской ССР и ст. 26 УПК Эстонской ССР исключают в любом случае участие судьи, уже принимавшего участие в разбирательстве дела, в новом рассмотрении дела как в первой, так и второй судебной инстанции.

⁹ Архив народного суда Екабпилского района Латв. ССР.

его решение о необходимости оставления жалобы осужденного без удовлетворения при повторном рассмотрении дела. Именно это обстоятельство в достаточной степени свидетельствует о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении дела.

С учетом изложенного представляется целесообразным предусмотреть в законе, что судья, принимавший участие в рассмотрении дела в суде второй инстанции, вторично (в любом случае) в рассмотрении этого же дела участвовать не может.

V. JAKOBSONE

TIESVEDĪBA HULIGĀNISMA LIETĀS PĒC LATVIJAS PSR PRAKSES MATERIĀLIEM

Partija un Valdība pēdējos gados veikusi vairākus pasākumus, lai istenotu dzīvē Partijas programmas prasību — likvidēt noziedzību un novērst tās cēloņus un veicinošos apstākļus.

Pieaudzis padomju cilvēku apzinīgums, viņu patriotiskā un pilsoņu pienākuma dziļa izpratne. Līdz ar to arī pieaug prasības katram sabiedrības loceklim stingri ievērot sociālistiskās sadzīves un morāles normas.

Huligānisms — tā ir necieņa pret sabiedrību, tā ir nerēķināšanās ar vispāratzīto sabiedrisko kārtību. Šis noziegums ir sevišķi bīstams tādēļ, ka tas dažkārt pāraug tādos smagos noziegumos, kādi ir smagu miesas bojājumu nodarīšana aiz huligāniskiem motīviem un slepkavība aiz huligāniskiem motīviem.

Nav pieļaujams, ka padomju sabiedrībā vēl arvien ir ļaudis, kas rupji pārkāpj tiesisko kārtību un ar huligānismu traucē cilvēku radošo darbu un atpūtu.

Nolūkā nostiprināt sociālistisko likumību un aktivizēt cīņu pret noziedzību, Padomju Savienības Komunistiskā Partija, PSRS Augstākās Padomes Prezidijs un PSRS Ministru Padome 1966. gada 23. jūlijā apsprieda pasākumus cīņas pastiprināšanai ar sabiedriskās kārtības pārkāpumiem.

1966. gada 26. jūlijā PSRS Augstākās Padomes Prezidijs pieņēma dekrētu «Par atbildības pastiprināšanu par huligānismu».

Saskaņā ar Partijas un Valdības lēmumu, cīņa pret jebkuru likumu pārkāpumu, tajā skaitā arī huligānismu, ir viens no svarīgākajiem uzdevumiem.

Nepieciešams pareizi novērtēt briesmas, ko sabiedrībai rada uzbrukumi pilsoņu dzīvībai, veselībai un cieņai. Huligānisms apdraud ne tikai atsevišķa cilvēka intereses un tiesības, bet vēršas pret sabiedrības interesēm vispār. Tādēļ arī cīņa pret huligānismu ir visas sabiedrības kopēja lieta.

Dekrēts «Par atbildības pastiprināšanu par huligānismu» paplašināja kriminālatbildību par huligānismu. Saskaņā ar jauno likumdošanu pie kriminālatbildības saucamas personas, kas izdarījušas sīko huligānismu, un kurām gada laikā bijis piemērots administratīvās ietekmēšanas līdzeklis par sīko huligānismu, kur preti līdz 1966. gada 26. jūlijam pie kriminālatbildības par sīko huligānismu sauca tikai personas, kurām viena gada laikā 2 reizes piemērots sabiedriskās vai administratīvās ietekmēšanas līdzeklis par sīko huligānismu.

Sevišķa atbildība paredzēta par huligānismu, ja tas izdarīts, lietojot vai mēģinot lietot šaujamos ieročus vai nažus, kastetus vai citādus aukstos ieročus, kā arī citus priekšmetus, kas speciāli pielāgoti miesas bojājumu nodarīšanai. Likums paredz arī bargāku sodu par huligānismu. Ja līdz 1966. gada 26. jūlijam maksimālais brīvības atņemšanas sods par huligānismu bija paredzēts 5 gadi, tad tagad 7 gadi.

Taču LPSR KK 204. pantā paredzētais kriminālsods nav un nevar būt vienīgais līdzeklis huligānisma izskaušanai.

Svarīgu vietu cīņā ar huligānismu ieņem visa sabiedrība. Bez kolektīva nosodījuma, asas reakcijas un neiecietības pret sabiedriskās kārtības pārkāpējiem nav iedomājama sekmīga cīņa ar huligānismu.

Sabiedrības līdzdalība cīņā ar noziegumiem arvien pieaug un pilnveidojas tās izpausmes formas. Te jāmin biedru tiesas, brīvprātīgo kārtības sargu vienības, sabiedriskie apsūdzētāji un aizstāvji, nepilngadīgo lietu komisijas pie darbaļaužu deputātu Padomju Izpildu Komitejām.

Partija un Valdība uzdeva tiesai, prokuratūrai un Sabiedriskās kārtības sargāšanas ministrijai nodrošināt pareizu un mērķtiecīgu kopējo pasākumu plānošanu un neatslābstošu cīņu pret tām personām, kas izdara noziegumus, tajā skaitā arī huligānismu. Jānodrošina saprātīga piespiedu un arī sabiedriskās ietekmēšanas līdzekļu pielietošana.

Saskaņā ar PSKP Centrālās Komitejas, PSRS Augstākās Padomes Prezidija un PSRS Ministru Padomes izvirzītiem uzdevumiem Latvijas PSR Augstākā Tiesa, Prokuratūra un Sabiedriskās kārtības sargāšanas ministrija organizējušas savu darbu cīņas pastiprināšanai ar huligānismu. Lai novērtētu 1966. gada otrās puses un 1967. gada rezultātus un nodrošinātu turpmākā darba mērķtiecību un efektivitāti, 1967. gada beigās

republikas Augstākā Tiesa, Prokuratūra un Sabiedriskās kārtības sargāšanas ministrija izdarīja prakses vispārinājumu hulgānisma lietās.

Vispārinājuma rezultāti rāda, ka, salīdzinot ar 1965. gadu, 1966. un 1967. gadā Latvijas PSR vērojams kriminālsodāma huligānisma gadījumu pieaugums. Tas izskaidrojams ar vispusīgu cīņas aktivizēšanu pret huligānismu pēc 1966. gada 26. jūlija dekrēta pieņemšanas, kā arī ar augstākminētām izmaiņām likumdošanā.

Statistikas dati liecina, ka kriminālsodāma huligānisma gadījumu pieaugums nav vairs raksturīgs 1967. gada otrajai pusei, salīdzinot ar 1966. gada 3. ceturkšņa pēdējiem mēnešiem un 4. ceturksni.

Tā, 1967. gada jūlijā reģistrēto huligānisma gadījumu skaits, salīdzinot ar 1966. gada augustu, republikā samazinājies par 42,6%, bet Rīgā par 45,5%.

Tāpat arī samazinājies reģistrēto huligānisma gadījumu īpatsvars pārējo reģistrēto noziegumu vidū.

Raksturīgas izmaiņas notikušas to personu skaitā, kas sauktas pie kriminālatbildības pēc LPSR KK 204. p. 1., 2. un 3. daļas.

Ja 1966. gadā līdz 1966. gada 26. jūlija dekrēta spēkā stāšanās brīdim galvenokārt pie kriminālatbildības sauca personas pēc LPSR KK 204. p. 2. daļas, tad 1966. gada 4. ceturksnī un 1967. gadā šo personu skaits sāk ievērojami samazināties, toties strauji pieaug personu skaits, kas sauktas pie kriminālatbildības pēc LPSR KK 204. p. 1. daļas. Šis pieaugums notiek galvenokārt uz to personu rēķina, kas gada laikā izdarījušas sīku huligānisku pārkāpumu 2 reizes. 1967. gada 9 mēnešos no visām personām, kas sauktas pie kriminālatbildības par huligānismu bez pastiprinošiem apstākļiem, 58,8% saukti pie kriminālatbildības par atkārtotu sīku huligānismu.

Sos secinājumus apstiprina arī statistisko datu analīze par notiesātajiem pēc LPSR KK 204. p. 1., 2. un 3. daļas.

Pie kriminālatbildības saukto un notiesāto skaita pieaugums pēc KK 204. p. 1. daļas ir likumsakarīga parādība, jo līdz 1966. gada 26. jūlija dekrētam pie kriminālatbildības varēja saukt personas, kas gada laikā 3 reizes izdarījušas sīku huligānismu. Saskaņā ar KK 204. p. 1. daļas 1966. gada redakciju, kriminālatbildība iestājās, ja gada laikā izdarīti 2 sīki huligāniski pārkāpumi.

Pieaug arī to personu skaits, kas sauktas pie kriminālatbildības pēc LPSR KK 204. p. 3. daļas (1966. gada redakcijā), kas daļēji izskaidrojams ar izmaiņām likumdošanā.

Sevišķu vietu to līdzekļu kompleksā, kas palīdz organizēt un realizēt cīņu ar huligānismu, ieņem īpaša tiesvedības kārtība

huligānisma lietās, kas noteikta PSRS Augstākās Padomes Prezidija 1966. gada 26. jūlija dekrēta «Par atbildības pastiprināšanu par huligānismu» 10. un 11. pantā un ietverta LPSR KPK 9. sadaļā no 406. līdz 412. pantam.

Īpaša tiesvedības kārtība huligānisma lietās vispirms raksturīga ar saīsinātiem izziņas un izmeklēšanas termiņiem un speciālu tiesvedību lietās par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. panta 1. daļā.

LPSR KPK 407. pants nosaka, ka lietās par LPSR KK 204. panta 1. daļā paredzētajiem noziegumiem milicijas un citas izziņas iestādes noskaidro nozieguma apstākļus 5 dienu laikā.

Saskaņā ar LPSR KPK 408. pantu lietās par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. p. 2. daļā un sevišķos gadījumos arī 204. panta 1. daļā, Sabiedriskās kārtības sargāšanas iestāžu izmeklētāji izdara izziņu 20 dienu laikā, bet KPK 409. pantā paredzētajos gadījumos izdara iepriekšējo izmeklēšanu 1 mēneša laikā.

Šādi saīsināti termiņi maksimāli tuvina nozieguma izdarīšanas brīdi saukšanai pie kriminālatbildības un notiesāšanai. Šeit likumdevējs pasvitrojis soda neatvairāmības principu, tādā kārtā palielinot arī soda preventīvo nozīmi.

Prakse rāda, ka republikas izziņas un izmeklēšanas orgāni atsevišķos gadījumos pārkāpj LPSR KPK 407., 408. un 409. pantos paredzētos materiālu pārbaudes, izziņas un iepriekšējās izmeklēšanas termiņus.

Rīgas pilsētas Maskavas rajona milicijas daļā materiālu pārbaude, izziņa un iepriekšējā izmeklēšana notiek šādos termiņos: līdz 5 dienām — 27%, līdz 20 dienām — 31%, līdz 1 mēnesim — 17%, vairāk kā mēnesi — 25%.

Termiņu pārkāpumi galvenokārt saistīti ar to, ka lietās nepieciešams noteikt ekspertīzi, meklēt vainīgās personas, kā arī tādēļ, ka nav savlaicīgi nopratināti cietušie un liecinieki.

Atsevišķos gadījumos garie pirmstiesas izmeklēšanas termiņi saistīti ar to, ka vainīgās personas vienlaicīgi tiek sauktas pie kriminālatbildības par huligānismu un citu smagu noziegumu, kas paildzina izmeklēšanas laiku.

Vai šādā gadījumā saskatāms KPK 407. līdz 409. pantos noteikto pirmstiesas izmeklēšanas termiņu pārkāpums?

Profesors D. Karevs uzskata, ka tajā gadījumā, ja persona izdarījusi huligānismu, kas saistīts ar draudiem izdarīt slepkavību vai arī ar pretošanos milicijas darbiniekiem vai tautas brīvprātīgajiem kārtības sargiem, iepriekšējā izmeklēšana notiek parastajā kārtībā.¹

¹ «Советский уголовный процесс» под редакцией проф. Д. С. Карева. — Издательство «Высшая школа», Москва, 1968 г., стр. 513.

Tātad, šādos gadījumos iepriekšējā izmeklēšana jāpabeidz 2 mēnešu laikā, kā tas noteikts LPSR KPK 134. pantā.

Taču būtu nepareizi uzskatīt, ka tikai tad, ja huligānisms saistīts ar draudiem izdarīt slepkavību vai pretošanos milicijas darbiniekiem un tautas brīvprātīgajiem kārtības sargiem, pirms tiesas izmeklēšanas kārtība un termiņi ir vispārējie. Termiņi un vispārējā tiesvedības kārtība attiecināma arī uz tādiem gadījumiem, kad viena persona izdarījusi huligānismu un citu noziegumu, par kuru nav paredzēta speciāla tiesvedības kārtība, kas noteikta LPSR KPK 9. sadaļā, un ja par šiem noziegumiem tā vienlaicīgi tiek saukta pie kriminālatbildības.

Huligānisma nekavējošu pārtraukšanu un tā recidīva novēršanu veicina LPSR KPK 410. panta noteikumi par to, ka personām, kas aizturētas par huligāniskām darbībām, kā drošības līdzekli līdz lietas izskatīšanai tiesā parasti pielieto apcietinājumu.

Sis noteikums attiecas arī uz tām personām, kas izdarījušas LPSR KK 204. panta 1. daļā paredzēto noziegumu, par ko izziņas iestādes krimināllietu neierosina, bet izdara LPSR KPK 407. pantā paredzēto pārbaudi un sastāda protokolu par huligānismu.

Tādā kārtā drošības līdzekļa pielietošana pirms krimināllietas ierosināšanas ir krass izņēmums no vispārējā kriminālprocesa principa, ka izmeklēšanas darbības, tajā skaitā arī drošības līdzekļa pielietošanu, var izdarīt tikai pēc krimināllietas ierosināšanas.

Juridisko zinātņu doktors N. Žogins uzskata, ka likums uzliek par pienākumu Sabiedriskās kārtības sargāšanas iestādēm un prokuratūrai personām, kas aizturētas par huligānismu, pielietot drošības līdzekli apcietinājumu un cita drošības līdzekļa pielietošana pieļaujama tikai izņēmuma gadījumos.²

Latvijas PSR prakse liecina, ka samērā daudz personām, kas izdarījušas huligānismu, netiek pielietots drošības līdzeklis apcietinājums.

Laikā no 1966. gada augusta līdz 1967. gada jūlijam attiecībā uz personām, kas izdarījušas kriminālsodāmas huligāniskas darbības, tikai 69,9% gadījumu pielietots drošības līdzeklis apcietinājums.

Apcietinājuma kā drošības līdzekļa pielietošana ir cieši saistīta ar lietu izskatīšanas termiņiem tiesā. Ja tiesa stingri ievēro LPSR KPK 412. pantā noteiktos lietu izskatīšanas termiņus (5 un 10 dienas), tad apcietinājums ir ietekmīgs izolācijas

² Н. Н. Жогин. «Борьба с хулиганством — дело всех и каждого», издательство «Юридическая литература», Москва, 1967 г., стр. 35.

līdzeklis personām, kas izdarījušas kriminālsodāmu huligānismu. Pretējā gadījumā šāda drošības līdzekļa pielietošana var novest pie ilgstošas brīvības atņemšanas pirms notiesāšanas un sprieduma spēkā stāšanās.

Republikas tiesu prakse rāda, ka tiesas samērā lielu lietu skaitu izskata, pārkāpjot likumā noteiktos termiņus.

Rīgas pilsētas Maskavas rajona tautas tiesa 1967. g. 10 mēnešos, pārkāpjot LPSR KPK 412. p. noteikumus, izskatījusi 34% no visām huligānismā lietām.

Galvenais lietu izskatīšanas termiņu pārkāpumu iemesls ir bieža lietu izskatīšanas atlikšana liecinieku, cietušo un pat tiesājamo neierašanās dēļ.

Lai samazinātu lietu izskatīšanas atlikšanu, nepieciešams tūlīt pēc materiālu pārbaudēs, izziņas vai iepriekšējās izmeklēšanas lietu nosūtīt tiesai un nekavējoši izlemt jautājumu par lietas ierosināšanu, kā arī apsūdzētā nodošanu tiesai. Tādā gadījumā būs iespējams savlaicīgi veikt sagatavotājas darbības lietas izskatīšanai tiesā, tajā skaitā arī liecinieku un cietušo aicināšanu uz tiesas sēdi.

Izlemjot jautājumu par apsūdzētā nodošanu tiesai, tiesa saskaņā ar LPSR KPK 225. panta 9. punktu izlemj jautājumu par to, vai apsūdzētajam pareizi pielietots drošības līdzeklis. Ja huligānisma lietā bez pietiekama pamata vainīgajam nav pielietots drošības līdzeklis — apcietinājums un tas var traucēt lietas savlaicīgu izskatīšanu, tiesai rīcības sēdē drošības līdzeklis jāgroza. Tāda tiesas rīcība samazinātu gadījumu skaitu, kad lietas izskatīšanu jāatliek tiesājamā neierašanās dēļ.

Lai gan lietās par huligānismu paredzēta sevišķa tiesvedības kārtība, šajās lietās obligāti jāievēro vispārējie kriminālprocesa kodeksa noteikumi, ciktāl tie nav aizstāti ar LPSR KPK 9. sadaļā ietvertajām normām.

Sajā sakarā praksē ir svarīgs jautājums par to, kādas ir likumpārkāpēja tiesības un pienākumi, kas izdarījis LPSR KK 204. panta 1. daļā paredzēto noziegumu.

Saskaņā ar LPSR KPK 121. pantu persona, kas aizturēta saskaņā ar KPK 120. pantu vai pret kuru pielietots drošības līdzeklis saskaņā ar KPK 70. p., ir aizdomās turētais. Tātad, arī tās personas, kas aizturētas par huligānismu, kas paredzēts LPSR KK 204. p. 1. daļā, vai pret kurām pielietots drošības līdzeklis (apcietinājums vai cits drošības līdzeklis), ir uzskatāmas par aizdomās turētajām un tām ir KPK 121. un 123. pantā paredzētās tiesības — pārsūdzēt izziņas izdarītāja, izmeklētāja vai prokurora darbības, sniegt paskaidrojumus un pieteikt lūgumus, kā arī zināt, kāda nozieguma izdarīšanā viņu tur aizdomās.

Raksturīgi, ka pārbaudes termiņš lietās par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. panta 1. daļā, paredzēts 5 dienas, bet šīs lietas tiesā jāizskata arī 5 dienu termiņā (LPSR KPK 407. un 412. p. p.).

Tādā kārtā nav pārkāpts LPSR KPK 70. pants, kurā noteikts, ka aizdomās turētajam, ja pret to pielietots drošības līdzeklis, apsūdzība jāceļ ne vēlāk kā 10 dienu laikā no drošības līdzekļa pielietošanas brīža.

Ja šajā laikā apsūdzība netiek uzrādīta, drošības līdzeklis atceļams.

Ievērojot LPSR KPK 412. pantā noteikto 5 dienu termiņu, tiesa vai tiesnesis vienpersonīgi krimināllietu par huligānismu bez pastipriņošiem apstākļiem ierosina vai arī atsakās to ierosināt 10 dienu laikā no drošības līdzekļa pielietošanas brīža likumpārkāpējam.

Bez tam saskaņā ar LPSR KPK 408. panta 2. daļas «a» punktu, gadījumā, ja nav iespējams noskaidrot svarīgus nozieguma izdarīšanas apstākļus, izziņas iestādes priekšniekam ir jāierosina krimināllietā un šādā lietā izdarāma izziņa, ievērojot vispārējos kriminālprocesa kodeksa noteikumus.

Pēdējā laikā publicētie zinātnieku un praktisko darbinieku uzskati jautājumā par sevišķo tiesvedības kārtību lietās par huligānismu bez pastipriņošiem apstākļiem, liecina, ka likumpārkāpējs, pret kuru pielietots drošības līdzeklis, līdz krimināllietas ierosināšanas brīdim ir uzskatāms par aizdomās turēto. Tāds viedoklis ir juridisko zinātņu doktoram profesoram A. Liedem, kā arī PSRS prokuratūras izmeklēšanas pārvaldes prokuroram A. Čuvilevam.³

Saskaņā ar LPSR KPK 408. pantu, salīdzinot ar spēkā esošo likumu līdz 1966. gada 26. jūlijam, ir palielinājies to lietu skaits, kurās izdara izziņu (lietās par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. p. 2. daļā).

Tātad, izziņas pabeigšanas stadijā, iepazīstinot apsūdzēto ar visiem lietas materiāliem, nepiedalās aizstāvis.

LPSR KPK 204. pants nosaka, ka aizstāvis piedalās pie apsūdzētā iepazīstināšanas ar krimināllietas materiāliem tikai tad, ja lietā izdarīta iepriekšējā izmeklēšana.

Juridiskajā literatūrā arvien biežāk sastopami uzskati par to, ka pienācis laiks izlemt pozitīvi jautājumu par aizstāvja piedalīšanos ne tikai iepriekšējās izmeklēšanas, bet arī izziņas

³ «Latvijas PSR Kriminālprocesa kodeksa komentāri», profesora Artura Liedes redakcijā, izdevniecība «Liesma», Rīgā 1968. gadā, 571. lpp.

A. Чувилев. «Процессуальные гарантии по делам о хулиганстве без отягчающих обстоятельств», «Социалистическая законность», 1967 г. № 1, стр. 16—17.

pabeigšanas stadijā un aizstāvja piedalīšanos visās lietās no apsūdzības celšanas brīža.

Juridisko zinātņu doktors profesors I. Perlovs uzskata, ka pašlaik kriminālprocesa zinātnē ir aktuāls jautājums par aizstāvja piedalīšanos visās krimināllietās no apsūdzības celšanas brīža.⁴

Ka nepieciešams paplašināt apsūdzētā tiesības uz aizstāvību un sakarā ar to likumdošanas ceļā atrisināt jautājumu par aizstāvja piedalīšanos visās krimināllietās no apsūdzības celšanas brīža, uzskata arī juridisko zinātņu kandidāti A. Mihailovs, M. Raginskis, N. Jakubovičs.⁵

So zinātnieku uzskatiem ir jāpievienojas. Aizstāvja piedalīšanās visās krimināllietās no apsūdzības celšanas brīža var tikai veicināt izmeklēšanas vispusību un objektivitāti. Bez tam apsūdzētajam būtu nodrošināta iespēja realizēt tiesību uz aizstāvību un saņemt juridisku palīdzību jau no brīža, kad viņam kļuvusi zināma apsūdzības būtība.

Nav nekāda pamata sašaurināt apsūdzētā tiesības uz aizstāvību lietās par huligānismu pirmstiesas izmeklēšanas pabeigšanas stadijā, vadoties vienīgi no tā, vai lietas izmeklēšana ietilpst izmeklēšanas vai izziņas iestāžu kompetencē.

Latvijas PSR izmeklēšanas un tiesu prakse rāda, ka nav vienotas izpratnes par to, kas sankcionē protokolu par huligānismu, ja šo protokolu nosūta tiesai likumpārkāpēja saukšanai pie kriminālatbildības (lietās par noziegumiem, kas paredzēti LPSR KK 204. panta 1. daļā).

Saskaņā ar LPSR KPK 407. pantu protokolu par huligānismu sankcionē prokurors. Taču prokurora pienākumus kriminālprocesā veic likumā noteiktā kārtībā iecelti prokurori, viņu vietnieki un palīgi (KPK 40. pants). Praksē vairākos gadījumos protokolus par huligānismu sankcionē ne tikai rajonu un pilsētu prokurori un viņa vietnieki, bet arī prokuroru palīgi.

Tādu kārtību nevar uzskatīt par pareizu, jo protokols par huligānismu ir pamats krimināllietas ierosināšanai un likumpārkāpēja nodošanai tiesai. Līdz ar to protokols par huligānismu un lēmums par krimināllietas ierosināšanu un apsūdzētā nodošanu tiesai nosaka iztiesāšanas robežas un tādēļ ir pielīdzināms apsūdzības rakstam.

Šo apsvērumu dēļ jāuzskata, ka protokolu par huligānismu

⁴ И. Перлов. «Наука советского уголовного процесса и совершенствование законодательства», «Социалистическая законность», 1967 г. № 11 стр. 37—41.

⁵ А. И. Михайлов, М. Ю. Рагинский, Н. А. Якубович. «Развитие демократических начал предварительного следствия в советском уголовном процессе», «Вопросы борьбы с преступностью», выпуск 6, издательство «Юридическая литература», Москва, 1967 г., стр. 139.

sankcionē tikai rajona un pilsētas prokurori, viņu vietnieki vai vietas izpildītāji.

Republikas prokuratūras uzraudzības prakse liecina par to, ka vairākos rajonos tiesas izskatījušas lietas un notiesājušas likumpārkāpējus pēc LPSR KK 204. panta 1. daļas bez krimināllietas ierosināšanas un likumpārkāpēja nodošanas tiesai.

Tas ir sevišķi rupjš likuma pārkāpums, jo likumpārkāpēji notiesāti un tiem piemērots sods tad, kad vispār nav krimināllietas. Šādi tiesas spriedumi ir nelikumīgi un obligāti atceļami.

Vairākkārt konstatēti arī LPSR KPK 411. panta noteikumu pārkāpumi par materiālu nosūtīšanu izziņas vai iepriekšējās izmeklēšanas izdarīšanai un par atteikšanos ierosināt krimināllietu, ko izlemj tikai tiesa, bet ne tiesnesis.

Šāda veida KPK 411. panta pārkāpumi nav saprotami, jo minētajā pantā paredzētie noteikumi atbilst analogisku jautājumu vispārējai izlemšanas kārtībai citu kategoriju lietās (KPK 234. pants).

Praksē vairākos gadījumos izziņas vai izmeklēšanas orgāni kļūdaini ierosina krimināllietas pēc LPSR KK 204. panta pazīmēm, bet vēlāk noskaidrojās, ka vainīgā nodarījums atbilst personīgās apsūdzības lietu kategorijai.

Ja šādi apstākļi noskaidrojas pirmstiesas izmeklēšanā, lieta ir izbeidzama un materiāli nosūtāmi tautas tiesai, pie kam cietušajam jāizskaidro viņa LPSR KPK 111. pantā paredzētās tiesības un personīgās apsūdzības lietu ierosināšanas kārtība.

Sarežģītāks jautājums ir tad, ja krimināllieta ne tikai kļūdaini ierosināta pēc LPSR KK 204. panta pazīmēm, bet likumpārkāpējs arī saukts pie kriminālatbildības un nodots tiesai par huligānismu un tikai tiesas sēdē noskaidrojas, ka par konkrētu nodarījumu vainīgais saucams pie kriminālatbildības par noziegumu, kas paredzēts KPK 111. panta 2. punktā.

Rēzeknes rajona tautas tiesa izskatīja Fjodora G. apsūdzības lietu pēc LPSR KK 204. panta 2. daļas.

Fjodors G. bija saukts pie kriminālatbildības un nodots tiesai par to, ka viņš 1967. gada 8. aprīlī iereibušā stāvoklī pie l/a «Audriņi» kluba izdarīja ļaunprātīgu huligānismu.

Fjodors G. no kluba izsauca Vasiliju S. un kluba pagalmā viņam uzbruka. Uzbrukuma rezultātā Vasilijam S. nodarīti viegli miesas bojājumi bez veselības satricinājuma.

Tiesas izmeklēšanā noskaidrojās, ka Fjodors G. Vasilijam S. uzbruka nevis aiz huligāniskiem motīviem, bet tādēļ, ka viņu starpā bija naidīgas attiecības, jo Vasilijs S. draudzējās ar Fjodora G. paziņu O.

Tiesa arī noskaidroja, ka kautiņa laikā kluba pagalmā

nevienu cilvēku nebija un Fjodors G. ar savu rīcību sabiedrisko kārtību netraucēja.

Tautas tiesa Fjodora G. noziegumu pārkvalificēja no LPSR KK 204. panta 2. daļas uz 109. panta 2. daļu un notiesāja viņu pēc šā panta ar labošanas darbiem darba vietā uz 6 mēnešiem, atskaitot no darba algas ik mēnesi 10%.

Sajā lietā piedalījās prokurors un uzturēja valsts apsūdzību pēc LPSR KK 204. panta 2. daļas.

Latvijas PSR Augstākās Tiesas Krimināllietu tiesas kolēģija krimināllietu pret Fjodoru G. izbeidza saskaņā ar LPSR KPK 5. panta 6. punktu, tas ir, uz cietušā un apsūdzētā izlīguma pamata, jo 1. instances tiesas sēdē cietušais Vasilis S. bija paziņojis, ka piedod Fjedoram G. viņa rīcību.

Sajā lietā tas apstāklis, ka krimināllietā kļūdaini ierosināta, Fjodors G. saukts pie kriminālatbildības un nodots tiesai pēc LPSR KK 204. panta 2. daļas pazīmēm, noskaidrojās tikai tiesas izmeklēšanā.

Kā pareizi vajadzēja rīkoties tautas tiesai, un vai valsts apsūdzības uzturētāja piedalīšanās šajā lietā nav šķērslis lietas izbeigšanai uz cietušā un apsūdzētā izlīguma pamata?

Saskaņā ar LPSR KPK 111. panta 3. punktu gadījumā, ja prokurors ierosinājis personīgās apsūdzības lietu, vai iestāties jau ierosinātā lietā, to nevar izbeigt, pamatojoties uz cietušā izlīgumu ar apsūdzēto. Šajā gadījumā prokurors nebija ierosinājis personīgās apsūdzības lietu pret Fjodoru G. nozieguma sevišķas sabiedriskās nozīmes dēļ vai citu KPK 111. p. 3. punktā uzskaitīto apstākļu dēļ.

Valsts apsūdzības uzturētājs gan piedalījās tiesas sēdē, tomēr viņš uzturēja apsūdzību nevis personīgās apsūdzības lietā, bet lūdza notiesāt Fjodoru G. par ļaunprātīgu huligānismu, kādēļ viņa iestāšanos lietā un apsūdzības uzturēšanu nevar uzskatīt par šķērslī lietas izbeigšanai uz cietušā un apsūdzētā izlīguma pamata.

No LPSR KPK 111. p. 3. punkta izriet, ka tikai tad, ja prokurors ir ierosinājis personīgās apsūdzības lietu vai iestāties šādā jau ierosinātā lietā, tā nav izbeidzama uz izlīguma pamata.

Ja prokurors Fjodora G. apsūdzības lietā būtu lūdzis tiesājamo notiesāt pēc LPSR KK 109. panta 2. daļas, tad varētu uzskatīt, ka prokurors iestāties jau ierosinātā personīgās apsūdzības lietā, par cik šajā lietā cietušais Vasilis S. bija iesniedzis vairākas sūdzības par Fjodora G. saukšanu pie kriminālatbildības.

Augstāk minētais jautājums KPFSR KPK 27. panta komentāros izskaidrots šādi:

gadījumā, ja tiesai nodošanas vai iztiesāšanas stādijā noskaidrojās, ka krimināllietā kļūdaini ierosināta un tajā izdarīta

pirmstiesas izmeklēšana, tad tiesai par to jāziņo prokuroram un pēdējam jāizsaka savs viedoklis par to, vai prokurors ierosinās personīgās apsūdzības lietu. Gadījumā, ja prokurors uzskata par nepieciešamu šādu lietu ierosināt, tiesa lietu nosūta papildizmeklēšanas izdarišanai. Ja prokurors neuzskata par nepieciešamu ierosināt personīgās apsūdzības lietu, tiesa lietu izbeidz.⁶

Tādam izskaidrojumam nevar piekrist, jo tad tiesai pirms lēmuma pieņemšanas vai sprieduma taisīšanas būtu jāpaziņo prokuroram, kā tiesa izlems jautājumu par nozieguma sastāvu tiesājamā rīcībā, kas saskaņā ar kriminālprocesa noteikumiem nav pieļaujams.

Tādēļ lietās, kuras ierosinājuši izziņas vai izmeklēšanas orgāni uz cietušā sūdzības pamata, un kurās valsts apsūdzības uzturētājs lūdz tiesājamo notiesāt par noziegumiem, kas uzskaitīti LPSR KPK 111. panta 2. punktā, tiesa nevar pieņemt lēmumu par krimināllietas izbeigšanu uz cietušā un apsūdzētā izlīguma pamata.

Kas attiecas uz to, vai kasācijas instance ir tiesīga izbeigt personīgās apsūdzības lietu uz izlīguma pamata, kas noticis 1. instances tiesā, tad te jāpiekrīt juridisko zinātņu doktora profesora A. Liedes uzskatam. Profesors A. Liede uzskata, ka gadījumā, «ja izlīgumam, kas noticis 1. instancē, nav sekojusi lietas izbeigšana nevis tāpēc, ka likumā paredzētajā termiņā nav noticis cietušā un apsūdzētā gribas izteikums, bet tāpēc, ka šo gribas izteikumu tiesa nav pareizi sapratusi . . . vai arī, ja kādu citu iemeslu dēļ cietušā un apsūdzētā faktiski un pirms tiesas apspriedes notikušais izlīgums 1. instancē palicis bez juridiskām sekām (lieta nav izbeigta), tad nevarētu būt šķēršļu kļūdu labot kasācijas instancē». Šādā gadījumā spriedums ir atceļams un lieta izbeidzama uz LPSR KPK 5. panta 6. punkta pamata.⁷

Sajā rakstā apskatīti daži aktuāli tiesvedības jautājumi huligānisma lietās, kas izriet no Latvijas PSR izmeklēšanas un tiesu prakses vispārīguma.

---

⁶ «Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР». Государственное издательство юридической литературы, Москва, 1963 г., стр. 88.

⁷ A. Liede «Izlīgums personīgās apsūdzības lietās». «Latvijas PSR Augstākās Tiesas biļetens» 1967. gada Nr. 4, 44.—45. lpp.

**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ В. ЯКОБСОН
«СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ О ХУЛИГАНСТВЕ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПРАКТИКИ ЛАТВИЙСКОЙ ССР»**

Партия и Правительство за последние годы приняли ряд мер, направленных на претворение в жизнь требований Программы Партии — искоренить преступность и предотвратить причины и условия, порождающие преступления.

Особое внимание уделяется борьбе с таким сравнительно распространенным видом преступления как хулиганство. Хулиганство является особо опасным преступлением, так как нередко перерастает в такие преступления, как тяжкие телесные повреждения и убийство.

В целях укрепления социалистической законности Президиум Верховного Совета Союза ССР 26 июля 1966 года принял Указ «Об усилении ответственности за хулиганство».

В связи с новым законодательством расширилась уголовная ответственность за хулиганство. Вместе с тем, борьба с этим видом преступлений ведется не только усилением наказания, но и умелым применением средств общественного воздействия.

Для того, чтобы оценить результаты борьбы с хулиганством, за II-е полугодие 1966 г. и 1967 год, Верховный Суд, Прокуратура и Министерство охраны общественного порядка Латвийской ССР, обобщили результаты судебно-следственной практики по делам о хулиганстве.

Эти результаты свидетельствуют о тенденции к уменьшению числа лиц, совершивших уголовно-наказуемое хулиганство, и также об изменении в соотношении количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ч. 1, 2 и 3 ст. 204 УК ЛССР.

Важное место среди мер, способствующих успешной борьбе с хулиганством, занимает введение особого

судопроизводства по делам о хулиганстве, направленное к обеспечению неотвратимости наказания за совершенные преступления.

Важное значение имеют сокращенные сроки проверки, дознания и предварительного следствия.

Здесь важно правильно решать вопрос о сроках дознания и предварительного следствия, в случаях когда правонарушитель одновременно привлекается к уголовной ответственности за хулиганство и другое преступление, для дознания и предварительного следствия по которому не предусмотрено особое производство.

По делам о хулиганстве, предусмотренном ст. 204 ч. I УК ЛССР, важно решить вопрос о правах правонарушителя, в отношении которого применена мера пресечения до возбуждения уголовного дела судом.

В настоящей статье разбираются взгляды ученых и практических работников по этому вопросу и поддерживается точка зрения, что правонарушитель по делам этой категории имеет права подозреваемого.

Разбираются также взгляды ученых И. Перлова, А. Михайлова, М. Рагинского и Н. Якубович о расширении прав обвиняемого на защиту в стадии предварительного следствия, в том числе и дознания.

В статье рассматривается вопрос о возможности прекращения уголовного дела в суде I и II инстанции, согласно пункта 6 ст. 5 УПК ЛССР (за примирением обвиняемого и потерпевшего), если дело ошибочно возбуждено по признакам ст. 204 УК ЛССР и только в судебном заседании выяснено, что фактически имеет место преступление, по которому дело возбуждается в порядке частного обвинения, а обвиняемый и потерпевший в законом установленный срок примирились в суде первой инстанции. В статье уделено внимание вопросу о том, какое значение для прекращения дел такой категории за примирением имеет участие прокурора в процессе.

В статье использованы материалы обобщения судебно-следственной практики по делам о хулиганстве Латвийской ССР.

A. NIEDRE,
aspirants

PAR DAZIEM SEVIŠKI BISTAMU HULIGĀNISKU DARBIBU CĒLOŅIEM UN RĒCIDIVA IETEKMI ŠO NOZIEGUMU IZDARĪŠANĀ

1966. gada jūlijā pieņemtie PSKP CK, PSRS Augstākās Padomes Prezidija un PSRS Ministru Padomes lēmumi par cīņas pastiprināšanu pret sabiedriskās kārtības pārkāpumiem atspoguļoja darbaļaužu, sabiedrisko organizāciju un valsts orgānu priekšlikumus un prasības radikāli izskaust huligānismu un citas pretsabiedriskas parādības.

Ar PSRS Augstākās Padomes Prezidija 1966. gada 26. jūlija dekrētu noteikta paaugstināta administratīva un kriminālatbildība par huligānismu.

Minētajiem lēmumiem ir milzīga mobilizējoša loma cīņā pret sabiedriskās kārtības traucējumiem. Aktivizējusies milicijas orgānu, tautas brīvprātīgo kārtības sargu vienību un visas sabiedrības darbība huligānisko izpausmju novēršanā un pārtraukšanā. Pieaugušas sabiedrības prasības tās atsevišķiem locekļiem sociālistiskās kopdzīves normu ievērošanā. Uzlabojusies administratīvā soda par sīko huligānismu izciešanas organizācija. Saīsinājušies termiņi un uzlabojusies kvalitāte huligānisma lietu izmeklēšanai un izskatīšanai tiesā.

Partijas un valdības lēmumu, 1966. gada 26. jūlija Dekrēta pieņemšana nevarēja neietekmēt tiesu praksi lietās par huligānismu. Latvijas PSR tiesu darba analīze rāda, ka zināmā laika periodā pēc minēto lēmumu un Dekrēta pieņemšanas personu skaits, kuras sauktas pie kriminālatbildības un notiesātas par huligānismu, ievērojami pieauga. Tas izskaidrojams ar pilsoņu, kuri pieļauj sabiedriskās kārtības pārkāpumus, darbību daudz

stingrāku novērtējumu nekā agrāk, kā arī ar kriminālatbildības paaugstināšanu par tām un rūpīgāku jautājumu izšķiršanu par huligānisko darbību kvalifikāciju.

Uzskatāmi to apliecina dati par izmaiņām huligānisma iekšējā struktūrā. Tā, pirms 1966. gada 26. jūlija Dekrēta pieņemšanas pie kriminālatbildības par atkārtoti izdarīto sīko huligānismu (t. i. par darbībām, kas paredzētas Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļā 1961. gada redakcijā) vainīgās personas sauca visai reti. Notiesāto skaits mūsu republikā par šādām darbībām 1963.—1965. gados sastādīja ne vairāk kā 5% no visu notiesāto skaita par kriminālā kārtā sodāmu huligānismu. Tagad, turpretim, saskaņā ar izmaiņām likumdošanā kriminālā kārtā sodīto skaits par atkārtotu sīko huligānismu (t. i. par darbībām, kas paredzētas Latvijas PSR KK 204. panta 1. daļā 1966. gada redakcijā) ievērojami pieaudzis, 1967. gadā sasniedzot mūsu republikā jau apmēram vienu ceturtdaļu no visiem notiesātajiem par huligānismu. Līdz ar to huligānisma struktūrā samazinājies personu īpatsvars, kuras notiesātas par ļaunprātīgu huligānismu. 1963.—1965. gados no visiem notiesātajiem par huligānismu vairāk kā četras piektdaļas sastādīja personas, kuras notiesātas par ļaunprātīgu huligānismu. 1967. gadā par šo noziegumu (pēc Latvijas PSR KK 204. panta 2. un 3. daļas 1966. gada redakcijā) notiesātie izveido tikai nedaudz vairāk par pusi no visu kriminālā kārtā par huligānismu notiesāto skaita. Tādējādi, salīdzinot tiesu statistikas datus par dažādiem laika periodiem pirms un pēc 1966. gada 26. jūlija Dekrēta pieņemšanas, var secināt, ka vispārējā par huligānismu notiesāto personu kopskaita palielināšanās notikusi ievērojamā mērā uz to rēķina, kuras izdarījušas huligānismu bez pastiprinošiem apstākļiem, tai skaitā atkārtotu sīko huligānismu.

Vienlaikus ar minēto tendenci, kā svarīga iezīme partijas un valdības 1966. gada jūlija lēmumu izpildē konstatējama huligāniska rakstura sabiedriskās kārtības pārkāpumu pakāpeniska samazināšanās. Tā, salīdzinot ar notiesāto skaitu par huligānismu republikā 1966. gada otrajā pusgadā, par šādu noziegumu 1967. gada pirmajā pusgadā notiesāto personu skaits samazinājies par 9%, bet 1967. gada otrajā pusgadā — par 25%. Notiesāto skaits par huligānismu 1967. gada oktobrī, novembrī un decembrī sasniedz tikai divas trešdaļas no par šādu noziegumu notiesāto skaita attiecīgajos 1966. gada mēnešos. 1967. gadā, salīdzinot ar iepriekšējo gadu, samazinājās arī personu skaits, kuras sauktas pie administratīvās atbildības par sīko huligānismu.

Tādēļ pamatoti var atzīmēt, ka jau tagad gūti redzami panākumi sabiedriskās kārtības pārkāpumu novēršanā. Mūsu pilsetu ielās, parkos, stadionos un citās sabiedriskās vietās tagad

daudz mazāk notiek šādi huligāniski nodarījumi. Svarīgi, ka cīņas pastiprināšana ar huligānismu un savlaicīga šādu ekscesu novēršana izraisījusi redzamu vairāku citu aiz huligāniskām tieksmēm izdarītu smagu noziegumu samazināšanos. 1966. gada otrajā pusgadā, piemēram, salīdzinot ar tā paša gada pirmo pusgadu, mūsu zemē tišu slepkavību skaits samazinājās par 7,6%, tišu smagu miesas bojājumu nodarīšana — par 23,5%, izvarošanas gadījumi — par 12,5%, laupīšanas un atklātas zādzības — par 7,1%¹. Šāda tendence liecina par panākumiem, kuri gūti, savlaicīgi iedarbojoties uz huligāniskiem elementiem un novēršot viņiem iespēju izdarīt smagākus noziegumus. Te liela profilaktiska nozīme arī apstāklim, ka ar 1966. gada 26. jūlija Dekrētu pastiprināta kriminālatbildība par sevišķi bīstamām huligāniskām darbībām — tām, kas izdarītas, lietojot vai mēģinot lietot šaujamos ieročus, nažus, kastetus vai citādus aukstos ieročus, kā arī citus priekšmetus, kas speciāli pielāgoti miesas bojājumu nodarīšanai. Personas, kuras izdara huligāniskas darbības ar šādiem ieročiem vai priekšmetiem, nereti pastrādā vēl citu smagāku noziegumu: smagu miesas bojājumu nodarīšanu vai pat slepkavību. Minētām huligāniskām darbībām, trūkstot arī šim smagajām sekām un vainīgā nodomam tās panākt, ir paaugstināta sabiedriskā bīstamība, kādēļ likumdevējs paredzējis par tām lielāku atbildību nekā par citiem ļaunprātīgā huligānisma veidiem.

Tiesu prakse rāda, ka šis ļaunprātīgā huligānisma veids nav sevišķi izplatīts. Tā, no visiem notiesātajiem par huligānismu mūsu republikā 1967. gadā mazāk par 7% notiesāti pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas. Tajā pašā laikā nevar neradīt trauksmi tas fakts, ka, iezīmējoties vispārējai huligānisma gadījumu samazināšanās tendencei, notiesāto skaits par šiem visbīstamākajiem huligāniskiem nodarījumiem, tomēr pieaug kā procentuāli, tā arī absolūtajos skaitļos. Tādēļ cīņa par šās kategorijas huligānisma izpausmju novēršanu tagad iegūst sevišķi aktuālu nozīmi.

Lai minētā cīņa sekmētos ar panākumiem, svarīgi izziņāt konkrētos šīs bīstamo noziegumu kategorijas cēloņus un veikt iedarbīgus pasākumus to likvidēšanai. Skaitlisko datu par huligānismu un konkrētu krimināllietu materiālu analīze dod iespēju iegūt vispārinātas ziņas un reizē ar to zināmu priekšstatu par noziegumiem un personām, kas tos izdarušas, palīdzēt noskaidrot šo noziegumu cēloņus un veicinošos apstākļus.

Tiesu prakses dati liecina, ka gandrīz trīs ceturtdaļas no personām, kuras 1967. gadā mūsu republikā notiesātas par

¹ sk. PSRS Ģenerālprokurora pirmā vietnieka M. Maļarova rakstu «Советское государство и право» 1967. g. Nr. 9, 56. lpp.

huligānismu vispār, noziegumu izdarījušas pilsētās vai strādnieku ciematos, bet pārējie — viena ceturtdaļa — noziegumu izdarījuši lauku apvidos. Apmēram tāda pati nozieguma izdarīšanas vietas attiecība ir notiesātajiem par citiem noziegumiem. Tai pašā laikā starp personām, kuras notiesātas pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas, pilsētās un strādnieku ciematos izdarīto noziegumu īpatsvars ir ievērojami mazāks. Liela daļa no šīs kategorijas noziegumiem kā pilsētās, tā laukos izdarīta dzīvokļos, mājas apstākļos. Tā, Latvijas PSR Augstākā Tiesā speciāli tika izpētītas krimināllietas pavisam par 73 personām, kuras 1967. gada 9 mēnešos bija notiesātas mūsu republikas tautas tiesās pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas. Ar šo pētījumu konstatēts, ka 62% gadījumu noziegums bija izdarīts dzīvokļos vai dzīvojamo ēku pagalmos (pie tam gandrīz puse no tiem — savā dzīves vietā), bet tikai 27% ielās, parkos, klubu telpās un citās sabiedriskās vietās. Tas liecina, ka cīņas pret huligānismu aktivizēšanās rezultātā no sabiedriskajām vietām sāk izzust sevišķi ļaunprātīga huligānisma izpaudumi, ka šīs huligāniskās darbības pilsētās un strādnieku ciematos mazāk sastopamas, salīdzinot ar citiem ne tik bīstamiem noziegumiem. Tajā pašā laikā liela daļa šo noziegumu izdarīta dzīvokļos, kur huligānam acīmredzot, vēl līdz šim brīvāk iespējams nesodītam pārkāpt sociālistiskās kopdzīves normas.

Nereti huligāniskās darbības sākas ar skandāliem dzīvokļos, savu ģimenes locekļu tiranizēšanu, kaimiņu miera traucēšanu. Raksturīgi, ka no cietušajiem (izpētītajās lietās pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas) tikai 23% bija vainīgai personai nepazīstami. 65% cietušo, turpretim, bija par huligānismu notiesāto paziņas, bet 12% viņa radnieki — visbiežāk sieva vai bērni.

Tā, par šāda rakstura huligānismu Stučkas rajona tautas tiesa 1967. gada 7. jūlijā pēc Latvijas PSR KK 204. panta II daļas notiesāja Robertu K. Noziegums izdarīts šādos apstākļos: 1967. gada 14. maijā K. pēc alkoholisku dzērienu lietošanas Kokneses strādnieku ciematā atgriezās uz savu dzīves vietu. Pa ceļam K. iegriezās kolhoza zāglaukumā, kur tajā laikā K. kaimiņi Uldis A. un Eduards V. remontēja traktora ragavas. Būdamis iereibis, K. aiz huligāniskām tieksmēm sāka uzmaukties kaimiņiem, nolamāja viņus rupjiem vārdiem. Nevēloties uzsākt strīdu, A. un V. pameta darbu un aizgāja mājās. K. viņiem sekoja, piegāja pie sava dzīvokļa un, lai turpinātu huligāniskās darbības, paņēma cirvi, ar kuru pēc tam uzbruka A. un V. Pēdējie, izvairoties no sadursmes, iebēga savos dzīvokļos. Tad K., turpinot savas huligāniskās darbības mājas iedzīvotāju klātbūtnē, ar cirvi izsīta vairākus A. un V. dzīvokļu logus ar visiem ietvariem, pa izsītiem logiem svieda istabā kīģeļus un citus priekšmetus, sabojājot mēbeles un apdraudot cilvēkus. Redzot, ka A. cenšas no

sava dzīvokļa pazvanīt milicijai, K. paķēra ugunsdzēsēja ķeksi un norāva ar to no ārpuses telefona vadus. Pēc tam K. mēģināja pa izsisto logu iekāpt A. dzīvoklī, taču tas viņam neizdevās, jo A. ar krēslu atgrūda K. no loga.

Nopratināts par savu huligānisko darbību motīviem, K. tiesas sēdē paskaidroja, ka, būdams iereibis, uzbrucis cietušajiem tādēļ, ka agrāk tiem esot bijušas nesaskaņas ar viņa sievu. Faktiski šādiem paskaidrojumiem nebija nekāda objektīva pamata.

Krimināllietu materiāli rāda, ka vairumā gadījumu (70%) šīs kategorijas huligāni pielieto vai mēģina pielietot nazi. 24% notiesāto huligāniskās darbības izdarījuši ar priekšmetiem, kuri bija speciāli paņemti šim nolūkam, bet bez jebkādas viņu iepriekšējas apstrādes (cirvji, mieti un tml.).

Nereti nodoms pielietot nazi vai kādu citu ieroci notiesātajiem radies pašu huligānisko darbību gaitā, pie kam par tuvāko iemeslu šāda nodoma realizēšanai apmēram pusei no visiem gadījumiem bijusi cietušā rīcība, kurš pamatoti aizrādīja huligānam par viņa nepiedienīgo uzvedību vai mēģināja pārtraukt huligāniskās darbības. Tieši pateicoties cietušo enerģiskai rīcībai bieži izdevies novērst daudz smagākas nozieguma sekas. Tā, no izpētīto krimināllietu materiāliem redzams, ka gandrīz divas trešdaļas no vainīgajām personām notiesātas par huligānismu, kas saistīts tikai ar mēģinājumu pielietot ieroci, nazi vai speciāli pielāgotu priekšmetu. Tātad tikai apmēram vienai trešdai (37%) huligānisko darbību laikā izdevies pielietot šos ieročus vai priekšmetus un nodarīt cietušajiem miesas bojājumus.

Kuldīgas rajona tautas tiesā 1967. gada 27. februārī notiesāja Kārli S. par huligāniskām darbībām, kas saistītas ar mēģinājumu pielietot cirvi. S. bija sarīkojis savā dzīves vietā iedzeršanu, kuras laikā vairāku pilsoņu klātbūtnē aiz huligāniskiem motīviem uzbruka pilsonei L., nolamāja viņu rupjiem, godu aizskarošiem vārdiem, iesita viņai pa seju un mēģināja žņaugt kaklu. S. huligāniskās darbības pārtrauca pilsonis P., atraujot no L. un aizrādot par viņa nepareizo rīcību. Vēlāk S., sameklējis cirvi, turpināja huligāniskās darbības, uzbruka klātesošajiem un mēģināja iesist ar cirvi P. Tikai pielietojot fizisku spēku, P. izdevās cirvi atņemt un savaldīt huligānu.

No minētā redzams, ka cietušā aktīvam pretsparam, nepieciešamības gadījumā piemērojot pat fizisku spēku pret huligānu, ir liela nozīme huligānisko darbību atvairīšanā. Reizē ar to jāatzīmē, ka mūsu republikas tiesu praksē nav konstatēti gadījumi, kad pilsoņi būtu nepareizi, ļaunprātīgi izmantojuši ar 1966. gada 26. jūlija Dekrēta 16. pantu paredzētās tiesības, aizsargājot sevi vai citus pilsoņus no huligānu uzbrukumiem.

80% notiesāto (izpētītajās lietās) huligānismu, pielietojot vai mēģinot pielietot ieročus, nažus vai speciāli pielāgotus

priekšmetus, izdarījuši vakarā vai naktī. Pie tam tikai 10% notiesāto šo noziegumu pastrādājuši izejamās vai svētku dienās, bet visi pārējie darbdienās. Vairumā gadījumu minētās personas noziegumu izdarījušas pēc darba algas, pensijas vai citu naudas līdzekļu saņemšanas un to daļas izlietošanas alkoholisku dzērienu iegādei.

Tā, ar Rīgas pils. Maskavas rajona 1967. gada 13. jūnija spriedumu pēc Latvijas PSR KK 204. p. 3. daļas notiesāts Boriss G., kurš nozieguma izdarīšanas laikā strādāja par krāvēju lidostā. 1967. gada 6. martā, pēc darba algas saņemšanas G. kopā ar vairākiem darba biedriem turpat lidostas bufetē sāka lietot alkoholiskus dzērienus. Būdams stipri iereibis, G. pēc tam lidostas personāla telpās aiz huligāniskiem motīviem uzmacās šoferim O., aizskarot viņu rupjiem lamu vārdiem un mēģinot atņemt ziedus, kurus O. turēja rokās. O. atgrūda G. un devās projām, lai izvairītos no tālākas sadursmes. Tad G. izņēma no kabatas saliecamo nazi un, atvāzis tā asmeni, sekoja O., mēģinot viņam iedurt. O. izdevās iebēgt blakus telpā un aizslēgt durvis, bet citi lidostas darbinieki savaldīja G., kurš ar nazi mēģināja uzlauzt durvis.

Pēc lietas materiāliem izriet, ka šis nebūt nebija vienīgais gadījums, kād G. pēc darba algas saņemšanas lietoja alkoholiskus dzērienus. No darba vietas izdotā raksturojuma redzams, ka G. sistemātiski pārkāpis darba disciplīnu sakarā ar žūpošanu, šā iemesla dēļ bieži pēc algas saņemšanas vairākas dienas kavējot darbu.

No izpētītajām lietām redzams, ka 97% notiesāto huligānismu izdarījuši dzērumā. Pie tam apmēram 70% no viņiem alkoholiskos dzērienus bija lietojuši regulāri, bet vismaz viena desmitā daļa uzskatāmi par hroniskiem alkoholiķiem. Žūpība, kas sekmejusi viņu nokļūšanu uz apsūdzēto sola, uzskatāma par vienu no nopietnākajiem huligānismu veicinošajiem apstākļiem.

No notiesātajiem par apskatāmo huligānisma veidu lielais vairums bija strādājošie. Te jāatzīmē, ka to personu īpatsvars, kuri būdami darba spējīgi, nozieguma izdarīšanas laikā nestrādāja un piekopa parazitisku dzīves veidu, starp notiesātajiem pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas 1967. gadā mūsu republikas tiesās bija gandrīz divas reizes mazāks nekā starp notiesātiem kopumā par noziegumiem, kuros izdarīta iepriekšējā izmeklēšana vai izziņa, tas ir arī mazāks nekā starp notiesātiem par huligānismu vispār. Neraugoties uz šādu apstākli, kā izriet no izpētītām konkrētām krimināllietām, kurās vainīgās personas notiesātas pēc Latvijas PSR KK 204. panta III daļas, tad tās parasti bieži mainījušas darba vietas, nostrādājot katrā no tām tikai samērā neilgu laiku. Tā no visiem notiesātajiem, kuri nozieguma izdarīšanas laikā skaitījās strādājošie (izpētītajās kri-

mināllietās) viena ceturtdaļa pēdējā darba vietā bija nostrādājuši mazāk par trijiem mēnešiem, bet divas trešdaļas — mazāk par vienu gadu.

Ludzas rajona tautas tiesa ar savu 1967. gada 12. jūlija spriedumu notiesāja agrāk jau 5 reizes sodīto (tai skaitā arī par huligānismu) Ivanu T. 1967. gada 23. februārī T. bija iestājies darbā sovhoztehnikumā par strādnieku laukkopības brigādē. Jau ar pirmajām dienām jaunajā darbā T. sāka pārkāpt darba disciplīnu, žūpot un izdarīt sabiedriskās kārtības pārkāpumus. Ne-nostrādājot trīs mēnešus, T., izdarīja kriminālsodāmu huligānismu — 1967. gada 3. maijā, būdams iereibis, aiz huligāniskām tieksmēm uzbruka strādniekam J., ar atvāztu kabatas nazi mēģinot sadurt J. un piedraudot viņa ģimenes locekļiem.

Krimināllietu materiāli apstiprina, ka biežās darba vietu maiņas šīs kategorijas notiesātajiem ir visai likumsakarīga parādība. Regulāras alkoholisko dzērienu lietošanas dēļ, darba disciplīnas pārkāpumu rezultātā viņi spiesti atstāt vienu darba vietu un sākt strādāt citur, taču, turpinot agrāko dzīves veidu, arī jaunā darba vietā nespēj ilgi noturēties. Apmēram divas trešdaļas no notiesātajiem (izpētītās lietās) no darba vietām raksturoti visai negatīvi. Vajrāk nekā pusei notiesāto agrāk par sabiedriskās kārtības pārkāpumiem bija jau piemēroti administratīvās vai sabiedriskās ietekmēšanas līdzekļi. Pēc izpētīto krimināllietu materiāliem pavisam 80% personu, kas notiesātas pēc Latvijas PSR KK 204. p. 3. daļas, bija vai nu agrāk sodītas kriminālā kārtā, vai arī viņām piemēroti administratīvās jeb sabiedriskās ietekmēšanas līdzekļi.

Tā, ar Rēzeknes pilsētas tautas tiesas 1967. gada 24. februāra spriedumu notiesāts Jānis G., Krustpils dzelzceļa darbnīcu atslēdznieks. Kaut gan G. nozieguma izdarīšanas laikā bija vēl tikai 19 gadu, taču viņam izveidojies jau solids sabiedriskās kārtības pārkāpēja stāžs. Par alkoholisku dzērienu lietošanu darba laikā pret G., bija pielietoti disciplinārsodi, dzēruma izgulēšanai viņš tika ievietots arī atskurbtuvē. Par sabiedriskās kārtības traucēšanu 1966. gada 11. oktobrī G. ar tautas tiesneša lēmumu sodīja administratīvā kārtā ar 15 diennaktīm aresta. Par automašīnas nelikumīgu aizbraukšanu Jekabpils rajona tautas tiesa 1966. gada 26. decembrī notiesāja G. ar labošanas darbiem darba vietā. Pēc visiem šiem ietekmēšanas pasākumiem G. tomēr neizdarīja nekādus secinājumus, lai grozītu savu uzvedību, atmestu žūpošanu un labotos.

1967. gada 3. februārī G. automoto kluba kursantu kopmītnē lietoja alkoholiskus dzērienus, pēc tam aiz huligāniskiem motīviem sarīkoja skandālu, bet, kad viņam par to aizrādīja kopmītnes iemītnieks, kursants D., tad G. ar kabatas nazi, atvāžot tam abus asmeņus, svieda D. Naža asmenis iedūrās D. pakausī,

sakarā ar ko pēdējam bija nodarīti miesas bojājumi. G. pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas notiesāts ar ilgstošu brīvības atņemšanas sodu.

Notiesāto personības attēlu papildina dati par viņu izglītības līmeni. Vispārzināms apstāklis, ka personām, kas izdara noziegumus (un, galvenokārt, huligānismu) izglītības līmenis visumā ir zemāks nekā citiem pilsoņiem. Tieši šis apstāklis lielā mērā veicina noziegumu izdarīšanu. Aplūkojot tiesu statistikas ziņas par izglītību personām, kuras notiesātas pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas, varam konstatēt, ka tām šis līmenis ir vēl zemāks nekā pārējiem notiesātajiem. No statistiskām ziņām izriet, ka 1967. gadā mūsu republikā vairāk nekā pusei no šīs kategorijas notiesāto ir tikai pamatzglītība vai arī nemaz nav izglītības. Tādu personu starp notiesātajiem par šo sevišķi bīstamo huligānisma veidu ir gandrīz par 10% vairāk nekā starp notiesātajiem par citiem noziegumu veidiem (tai skaitā arī par noziegumiem, kas paredzēti Latvijas PSR KK 204. panta 1. un 2. daļā).

No iepriekšminētajiem faktiem var izdarīt secinājumu, ka kriminālsodāmu huligānismu, kas saistīts ar ieroču, nažu vai speciāli sagatavotu priekšmetu pielietošanu jeb šādas pielietošanas mēģinājumu, pārsvarā izdara personas ar zemu vispārējās izglītības līmeni, aprobežotu interešu loku, paaugstinātu tieksmi pēc alkoholisku dzērienu lietošanas.

Ziņas par šīs kategorijas notiesāto personību liecina, ka viņu uzvedības pretsabiedriskā nostādne, negatīvie ieradumi un uzskati izveidojušies jau sen, daudz agrāk pirms konkrētā nozieguma izdarīšanas. Vairumā gadījumu viņiem jau bija piemēroti dažādi ietekmēšanas līdzekļi, tomēr nerasniedzot pozitīvus rezultātus. Šo huligānisma izpausmju lielākā daļa izraisījusies sadzīves sfērā — tās, galvenokārt, vērstas pret paziņām vai radniekiem, izdarītas savā vai pazīstamu personu dzīves vietā, bijušas gandrīz vienmēr sasītas ar pārmērīgu reibinošo dzērienu lietošanu.

Ievērojamu minētās kategorijas noziegumu daļu izdara recidīvisi, t. i., personas, kuras jau agrāk sodītas kriminālā kārtā un tagad izdarījušas Latvijas PSR KK 204. p. 3. daļā paredzēto noziegumu. Analizējot 1967. gada republikas tiesu statistikas datus par recidīvistu skaitu dažādās notiesāto kategorijās, gūstam dažus vērā ņemamus salīdzinājumus. Pirmkārt, starp personām, kuras notiesātas par šo sevišķi bīstamā huligānisma veidu, ir apmēram par 10% vairāk recidīvistu nekā starp notiesātajiem par citiem noziegumiem, tai skaitā arī par citiem huligānisma veidiem. Gandrīz divas trešdaļas notiesāto pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas bija agrāk kriminālā kārtā sodītas personas. Otrkārt, neraugoties uz iepriekšminēto tendenci, starp

šīs kategorijas notiesātajiem-recidīvistiem ir ievērojami mazāks tādu personu īpatsvars, kuras huligānismu izdarījušas laikā līdz vienam gadam pēc atbrīvošanas no soda izciešanas. Lielākā daļa recidīvistu, kas tagad notiesāti par sevišķi bīstamo huligānismu, šo noziegumu izdarījuši vairākus gadus pēc atbrīvošanās no soda izciešanas. Treškārt, starp notiesātajiem par Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļā paredzēto noziegumu mazāk izplatīts speciālais recidīvs (t. i., šī nozieguma izdarīšana, pastāvot iepriekšējai sodamībai par huligānismu), nekā pārējiem notiesātajiem par huligānismu.

Minētie secinājumi pilnībā apstiprinās arī ar datiem, kas iegūti no 1967. gadā izskatīto krimināllietu izpētīšanas. Pētījumu rezultāti rada iespēju vēl detalizētāk saskatīt konstatētās tendences. Tā no notiesātajiem, kuri agrāk bija sodīti ar brīvības atņemšanu (34 personas no 73) huligānismu izdarījuši pēc atbrīvošanās no soda izciešanas (neņemot vērā vai iepriekšējā sodamība dzēsta jeb noņemta):

- laikā līdz 1 gadam 5 personas jeb 14,7%
- laikā no 1—2 gadiem 4 personas jeb 11,8%
- laikā no 2—3 gadiem 7 personas jeb 20,6%
- laikā no 5—10 gadiem 8 personas jeb 23,5%
- laikā virs 10 gadiem 10 personas jeb 29,4%

Tātad vairāk nekā puse no tādiem notiesātajiem, kuri agrāk izcietuši brīvības atņemšanas sodu (tie sastāda apmēram vienu ceturtdaļu no visu notiesāto skaita izpētītajās lietās), jaunu noziegumu izdarījuši, aizritot ilgāk par 5 gadiem pēc atbrīvošanās no soda izciešanas.

Tā, ar Bauskas rajona tautas tiesas 1967. gada 13. maija spriedumu pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas notiesāts padomju saimniecības strādnieks Ceslavs M. M. dzimis 1936. gadā, viņam ir 4 klašu izglītība. 1958. gadā M. bija sodīts par jaunprātīgu huligānismu ar brīvības atņemšanu uz diviem gadiem, no soda izciešanas atbrīvots 1959. gadā nosacīti pirms termiņa. Tādējādi minētā sodamība viņam dzēsta. Taču M. pēc šā soda izciešanas nebija labojies. Jau drīz pēc atbrīvošanas viņš regulāri sāka lietot alkoholiskus dzērienus, kļūstot par hronisku alkoholiķi. Lietas materiālos atspoguļoti paša M. paskaidrojumi par to, ka viņš dzēris gandrīz katru dienu — «ja tikai ir iespēja, jo bez degvīna nevar dzīvot». Lietojis arī politūru un citus surogātus. Par alkoholisku dzērienu lietošanu darba laikā, darba disciplīnas pārkāpšanu, netaktisku izturēšanos un sabiedriskās kārtības pārkāpšanu (pēdējā darba vietā M. strādāja nepilnus divus gadus), viņa uzvedība daudzas reizes apspriesta strādnieku komitejā, ar viņu izdarītas pārrunas, uzlikti disciplināri sodi.

1967. gada 10. martā pēc alkoholisku dzērienu lietošanas

darba laikā M. aiz huligāniskiem motīviem ar atvāztu nazi rokās skrējis pa padomju saimniecības centra ielu, bet pēc tam ieradies saimniecības direktora dzīvoklī, kur, uzmācies sirmgalvei un mazgadīgam bērnam, vicinot nazi un mēģinot to pielietot. Tikai citu pilsoņu iejaukšanās pārtraukusi viņa huligāniskās darbības.

Ievēribu pelna arī apstākļi, ka divas trešdaļas (23 personas) no agrāk ar brīvības atņemšanu sodītiem recidīvistiem dzīvoja kopā ar ģimeni, nereti faktiskās laulības attiecībās, gandrīz pusei (16 personām) bija apgādībā nepilngadīgi bērni. Bieži tieši ģimenes locekļi bijuši tie, pret kuriem vērsušās vainīgās personas huligāniskās izdarības.

Tā, agrāk sodītais Jevgenijs M. 1967. gada 15. jūnijā, būdams iereibušā stāvoklī, aiz huligāniskām tieksmēm dzīvoklī uzbruka pilsonei B. M. un B. dzīvoja faktiskā laulībā, viņiem bija 3 bērni Huligānisko darbību laikā M. sacēla troksni visā mājā, izsita logu, piekāva B., nodarot viņai miesas bojājumus. Skandāla satrauktās kaimiņienes G. un O., brīdināja M., lai viņš pārtrauktu huligāniskās darbības. Tad M. satvēra nazi un ar to uzbruka G., lai pēdējai iedurtu. M. izdevās savaldīt tikai ar citu pilsoņu — brīvprātīgo kārtības sargu palīdzību.

Par šo noziegumu Dobeles rajona tautas tiesa notiesāja M. pēc Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļas.

Statistisko datu un konkrēto krimināllietu materiālu analīze ļauj izdarīt secinājumu, ka sevišķi bīstamu huligānismu relatīvi vairāk nekā citus noziegumus izdara agrāk sodītās personas. Tai pašā laikā to ievērojamu daļu sastāda tieši tādi recidīvisti, kuri no soda izciešanas par iepriekš izdarīto noziegumu atbrīvoti jau pirms ilgāka laika. Tomēr nav pamata uzskatīt, ka šīs personas laika periodā pēc soda izciešanas būtu atbrīvojušās no saviem negatīvajiem uzskatiem un ieradumiem, izmainījušas savu pretsabiedrisko nostādni un spējušas atrast pilnvērtīgu vietu padomju sabiedrībā. Galvenais viņu dzīvē bijusi žūpošana, rupjība un nevižība, bet nevis vēlēšanās labāk strādāt sabiedrības labā, paaugstināt savu kultūras un izglītības līmeni. Nav palīdzējuši arī pielietotie administratīvie vai sabiedriskās ietekmēšanas līdzekļi.

Tas, ka visbīstamākajam huligānisma veidam raksturīgs liels tā izdarītāju — recidīvistu īpatsvars nekā citām kriminālsodāmām huligāniskām darbībām, apstiprina kriminoloģiskos pētījumos gūtā atzinuma pareizību par to, ka noziedznieku-recidīvistu izdarītie noziegumi ir visumā smagāki par viņu agrākajiem noziegumiem, to izdarīšanas metodes ir cietsirdīgākas.

Rīgas rajona tautas tiesa 1967. gada 3. janvārī pēc Latvijas PSR KK 105. panta 2. daļas un 204. panta 3. daļas notiesāja Nikolaju K. Agrāk K. bija trīs reizes sodīts par zādzību, pēdējo reizi no soda izciešanas atbrīvots 1963. gada decembrī. Pēc tam

K. strādāja gan par presētāju, gan krāvēju, gan transporta strādnieku, bieži mainot darba vietas. Regulāri K. lietoja alkoholiskus dzērienus. 1966. gada 10. septembrī K. atradās viesībās, kur pārējie viesi viņam bijuši maz pazīstami. Būdams iereibis, K. sagrāba galda nazi un aiz huligāniskām tieksmēm bez jebkāda iemesla ar to uzbruka citiem viesiem. Pilsonim D., kurš tajā brīdī rīkojies ap fotoaparātu, K. iedūris ar nazi krūtīs, nodarot smagus miesas bojājumus, kas bija bīstami dzīvībai to nodarīšanas momentā. Diviem citiem pilsoņiem, kuri steidzās savaldīt huligānu, K. nodarīja vidēja smaguma miesas bojājumus.

Laika periods, kas aizritējis kopš 1966. gada 26. jūlija Dekrēta pieņemšanas, ir samērā īss. Pusotra gada laikā uzkrātais faktu materiāls par Latvijas PSR KK 204. panta 3. daļā paredzētiem noziegumiem un to izdarītājiem, protams, nedod pamatu jēbkādiem kategoriskiem apgalvojumiem par šādu noziegumu cēloņiem. Tomēr, iepriekšminētās atziņas rada iespēju secināt, ka šie cēloņi un noziegumu veicinošie apstākļi saistīti ar vainīgo personu zemu kultūru, morālu primitīvismu, egoistisku izturēšanos pret sabiedrību, savu ģimeni un apkārtējiem pilsoņiem. Huligāniskās darbības nesaraujami saistītas ar žūpību, neizturētību un cietsirdību.

Lai sekmīgi cīnītos ar šādām huligānisma izpausmēm, blakus tādiem vispārprofilaktiskiem pasākumiem noziegumu novēršanā kā iedzīvotāju materiālā, kultūras un apzinīguma līmeņa paaugstināšanai nepieciešams daudz lielāku uzmanību kā līdz šim pievērst tieši individuāla rakstura līdzekļiem, nodibinot stingru kontroli par konkrētām personām, kuru darbības liecina par viņu tieksmi izrādīt necieņu sabiedrībā noteiktajām uzvedības normām. Īpaša uzmanība pievēršama tādām personām, kuras pēc atgriešanās no soda izciešanas par agrāk izdarīto noziegumu nevēlas laboties, bet izdara sabiedriskās kārtības pārkāpumus. Šeit lielas iespējas novērst smagus noziegumus (un pirmām kārtām huligānismu) paveras, īstenojot dzīvē ar PSKP CK, PSRS Ministru Padomes un PSRS Augstākās Padomes Prezidija 1966. gada jūlija lēmumiem noteikto administratīvo uzraudzību, kā arī tiesības nepieciešamības gadījumos piespiedu kārtā nogādāt milicijas orgānos un tur attiecīgi reģistrēt un oficiāli brīdināt personas, kas sistemātiski pārkāpj sabiedrisko kārtību un izdara citus likumu pārkāpumus, par kuriem nav piemērojami administratīvā vai kriminālsoda līdzekļi (PSRS Augstākās Padomes Prezidija 1966. gada 26. jūlija Dekrēta «Par atbildības pastiprināšanu par huligānismu» 15. pants). Konkrēti pasākumi jāveic arī žūpības apkarošanā. Iedarbīgs līdzeklis (ko mūsu republikas tiesas pagaidām maz pielieto) varētu būt Latvijas PSR Civīlkodeksa 16. panta noteikumu piemērošana, ierobežojot likumā

paredzētajā kārtībā rīcībspēju pilsoņiem, kas pārmērīgi lieto alkoholiskus dzērienus vai narkotiskas vielas.

Huligānisma cēloņus un veicinošos apstākļus iespējams novērst, ja cīņā ar noziedzību būs izveidota plaša fronte, piedaloties visiem valsts un sabiedriskiem orgāniem. Vienlaikus ar bargu sodu piemērošanu par ļaunprātīga huligānisma izpausmēm, nepieciešams veikt audzināšanas pasākumus, piemērojot arī individuālos sabiedriskās ietekmēšanas līdzekļus, lai huligānismu varētu novērst vēl pirms tā izdarīšanas, bet atsevišķiem nenošvērtiem pilsoņiem palīdzētu atrast viņu vietu pilnvērtīgā darba dzīvē.

**КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ АСПИРАНТА А. НИЕДРЕ
«О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ОСОБО ОПАСНЫХ ХУЛИГАНСКИХ
ДЕЙСТВИЙ И ВЛИЯНИИ РЕЦИДИВА НА СОВЕРШЕНИЕ ЭТИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Решения ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР об усилении борьбы с нарушениями общественного порядка, принятые в июле 1966 года, отразили предложения и требования трудящихся, общественных организаций и государственных органов радикально искоренить хулиганство и иные антиобщественные явления.

Осуществление в жизнь решений партии и правительства, Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года не могло не оказать своего влияния на судебную практику по делам о хулиганстве. Анализ работы судов Латвийской ССР показывает, что на протяжении определенного периода времени после принятия упомянутых решений и Указа значительно возросло число лиц, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за хулиганство. Это объясняется повышением уголовной ответственности за это преступление, а так же тем, что действия лиц, допустивших нарушения общественного порядка, теперь подвергаются более строгой оценке чем раньше, более тщательно решаются вопросы квалификации хулиганства.

Наряду с этой тенденцией в последнее время наблюдается постепенное сокращение случаев нарушений общественного порядка. Так по сравнению с числом осужденных за хулиганство во II полугодии 1966 года, в I полугодии 1967 года число осужденных за это преступление уменьшилось на 9%, а во II полугодии 1967 года — на 25%.

Важно также, что усиление борьбы с хулиганством повлекло за собой сокращение ряда других тяжких преступлений, совершенных на почве хулиганства. Это свидетельствует

об успехах, достигнутых при своевременном воздействии на хулиганов, лишая их возможности совершать более тяжкие преступления. Большое значение имеет также то, что Указом от 26 июля 1966 года усилена уголовная ответственность за особо опасные хулиганские действия, которые совершены с применением или попыткой применения огнестрельного оружия либо ножей, кастетов или иного холодного оружия, а равно других предметов, специально приспособленных для нанесения телесных повреждений.

При изучении данных судебной статистики и конкретных уголовных дел на себя влияние обращает то, что большинство лиц, осужденных по ч. 3 ст. 204 УК Латвийской ССР, совершали это преступление в квартирах, по месту жительства. Так в Верховном Суде Латвийской ССР были изучены дела в отношении 73 человек, осужденных в 1967 году по ст. 204 ч. 3 УК Латвийской ССР. 62% из осужденных преступление совершили в квартирах или во дворах жилых помещений (при этом почти половина из них по своему месту жительства) а лишь 27% — на улицах, в парках, в клубных помещениях и в других общественных местах.

97% осужденных хулиганство совершили, находясь в нетрезвом состоянии. При этом около 70% из них алкогольные напитки употребляли регулярно, а не менее 10% являлись хроническими алкоголиками. Пьянство, которое привело их на скамью подсудимых, следует считать одним из наиболее серьезных условий, способствующих хулиганству.

Значительную часть преступлений указанной категории совершают рецидивисты, т. е. лица, ранее судимые в уголовном порядке. При сравнении данных судебной статистики о числе рецидивистов, совершающих разные преступления можно сделать некоторые сопоставления. Так, среди лиц, осужденных по ч. 3 ст. 204 УК Латвийской ССР больше рецидивистов (примерно на 10%) чем среди осужденных за другие преступления (в том числе за другие виды хулиганства). Вместе с этим среди рецидивистов, осужденных в последний раз за особо опасное хулиганство, значительно меньше лиц, совершивших это преступление в течение первого года после освобождения от отбытия наказания за ранее совершенное преступление. Характерно также, что среди этой категории осужденных менее распространен специальный рецидив (т. е. совершение преступления при наличии судимости за хулиганство), чем у осужденных за другие виды хулиганства.

Указанные выводы подтверждаются также изучением материалов конкретных уголовных дел.

Внимание обращает на себя и то обстоятельство, что две

трети из рецидивистов, ранее осужденных к лишению свободы, проживали совместно с семьей, имели на содержании несовершеннолетних детей. Часто хулиганские действия были направлены именно против членов своей семьи.

То обстоятельство, что после отбытия наказания за ранее совершенное преступление прошло уже длительное время, не дает, однако, основания считать, что эти лица в какой-то мере освободились от своих отрицательных взглядов и привычек, что изменилась их антиобщественная установка и они сумели стать полноценными членами общества. Их характеризовало пьянство, грубость и невежество, а не стремление больше работать для блага общества, повышать свой культурный и общеобразовательный уровень. Не помогли им также примененные меры административного и общественного воздействия.

Для того, чтобы вести успешную борьбу с подобными проявлениями хулиганства, необходимо наряду с проведением таких мероприятий предупреждения преступности общего характера как повышение материального, культурного уровня граждан и их сознательности, больше внимания уделить именно мерам индивидуального воздействия, установив строгий контроль над лицами, действия которых свидетельствуют о их нежелании уважать нормы общественного поведения. Особое внимание следует уделить лицам, которые по возвращению с отбытия наказания за ранее совершенное преступление не желают встать на путь исправления, но совершают нарушения общественного порядка.

Большие возможности для предупреждения тяжких преступлений (и в первую очередь хулиганства) открываются проведением в жизнь, предусмотренного решениями, принятыми ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР в июле 1966 года, административного надзора. Большое значение имеет также право доставлять в органы милиции для соответствующей регистрации и предупреждения лиц, которые систематически нарушают общественный порядок.

Конкретные меры надо принимать и в отношении лиц, злоупотребляющих алкоголем. Действенной мерой может служить более широкое применение правил, предусмотренных ст. 16 ГК Латвийской ССР, об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами.

Причины хулиганства и способствующие ему условия можно устранить, если в борьбе с преступностью будет создан широкий фронт с участием государственных органов и

общественных организаций, соединено применение строгих мер наказания к злым хулиганством с мероприятиями воспитательного характера и индивидуальными мерами общественного воздействия.

И. ИНДУЛЕН

Доцент, канд. юрид. наук

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ КОЖЕВЕННЫХ ТОВАРОВ В ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Советский покупатель должен находить на полках магазинов не только ему необходимые, но и высокого качества товары. Однако, нередко, в торговую сеть поступает нестандартная, бракованная или неходовая продукция, от которой покупатель отворачивается. Известно, что, например, спрос на обувь далеко не удовлетворяется, хотя в продаже она имеется в немалом количестве. «Многие изделия швейной, текстильной и обувной промышленности низкого качества», отмечено в отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду КПСС¹.

Проверка рекламаций торговых предприятий и жалоб покупателей на недоброкачественную обувь заканчивается, нередко, в «пользу» изготовителя обуви. Работники прокуратуры при проверке таких жалоб, зачастую ограничиваются объяснениями работников, отвечающих за выпуск обуви (главного инженера, начальника ОТК, начальника цеха), принимают за обоснованные их ссылки на независящие от них причины брака, кроющиеся якобы в некачественности сырья, в несовершенстве оборудования и т. п., и отказывают в возбуждении уголовного дела. В результате не выясняются истинные причины выпуска некачественной обуви и, вместе с

¹ Материалы XXIII съезда КПСС, М., 1966, стр. 60.

тем, не устраняются обстоятельства, способствующие выпуску плохой обуви. При наличии сравнительно высокой механизации труда в обувной промышленности низкое качество обуви возникает, в основном, вследствие или плохого качества сырья или за счет хищения сырья и полуфабрикатов. Низкое качество сырья и полуфабрикатов легко обнаруживается и изготовитель обуви не должен принимать такую продукцию.

За последние годы в судах республики не было рассмотрено ни одного дела по ст. 147 УК ЛССР о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной обуви. В тоже время немало лиц осуждено за хищение кожаных товаров на предприятиях кожаненной и обувной промышленности, причем расхищалось в ущерб качества обуви. Почти все дела были возбуждены в связи с задержанием с поличным. Поэтому надо иметь в виду, что недоброкачественность обуви может быть следствием хищения кожтоваров.

Как правило, хищения кожтоваров совершаются группой работников обувного предприятия, связанных производственным процессом и использующих слабые стороны технологии и учета и безконтрольность со стороны вышестоящих органов. Тщательно продумываются и осуществляются способы маскировки хищений. Специфика учета и производства обуви, допускающие нормы использования кожтоваров в пределах «от и до», дает возможность преступникам пускать в производство минимальное количество кожтоваров, а списывать максимум, присваивая разницу. Ревизия здесь, по существу, бессильна. Похищенные детали накапливаются для выноса или для изготовления скрываемой от учета обуви. «Левая продукция» сбывается через соучастников — работников магазинов в торговую сеть, где она приобретается покупателем.

Расследование хищений кожаных товаров следует отнести к категории сложных дел. Успешное расследование хищений и выпуска недоброкачественной обуви требует знания ряда особенностей как и обувного производства, так производства отдельных следственных действий.

1. Особенности планирования

Поводом к возбуждению уголовных дел по рассматриваемой категории, как правило, являются: заявления граждан о фактах хищений кожтоваров; задержание с поличным и сообщения о выпуске недоброкачественной обуви. Следовательно, расследование дел о выпуске недоброкачественной продукции может привести к раскрытию случаев хищений и наоборот: в

результате расследования хищений может вскрыться выпуск недоброкачественной продукции. Это тоже надо иметь в виду при планировании расследования.

Как правило, в момент возбуждения уголовного дела имеются в достаточном количестве данные для выдвижения хотя бы одной версии, а это дает возможность составить план расследования.

Версии хищения могут быть следующие:

- а) хищение совершено группой работников производства;
- б) хищение совершено группой работников производства по договоренности с работниками торговли;
- в) хищение совершено кем-либо из работников производства;
- г) хищение совершено работником (или работниками) производства по договоренности с посторонними лицами;
- д) хищение совершено посторонним лицом или лицами.

План расследования составляется в письменном виде.

Для построения версий по расследуемому делу и планирования следствия необходимо иметь в виду уже известные способы хищений и причины выпуска недоброкачественной продукции.

Хищения социалистического имущества в кожевенной и обувной промышленности, как правило, совершаются группами лиц. Это объясняется сложностью производства кожтоваров, широкой специализацией и тесной взаимосвязью циклов технологического процесса, необходимостью реализацией похищенной обуви через торговую сеть и возможностью сбыта больших партий товара ввиду большого спроса.

Известно, что преступления, совершаемые группой лиц, находящихся на разных ступенях служебной лестницы одного производства, являются наиболее опасными и расследование такого рода дел связано с большими трудностями. Такие преступления редко вскрываются путем ревизий, ибо документация и отчетность на всех стадиях производства и реализации обуви преступниками продуманы и согласованы. Вовлекаются лица, обслуживающие основные узлы производства кожевенных товаров, и лица, осуществляющие контроль и документацию производства.

В начале 1957 года в артели «Яунайс цельш» была организована преступная группа, которая стала на путь систематического расхищения социалистического имущества. Главным образом расхищались кожтовары и трикотажные изделия. Эта группа возглавлялась председателем правления артели П. В преступлениях участвовали: начальник обувного цеха Б.,

начальник отдела снабжения В., заведующая складом В., технический руководитель артели Р., старший бухгалтер И., начальник отдела технического контроля Н., контрольные мастера П. и С. и ряд заведующих магазинами.

В большинстве случаев кожтовары расхищались за счет незаконных и необоснованных списаний якобы в производство использованных материалов и сырья. Составлялись фиктивные акты на списание. Естественно, что такая маскировка потребовала также внесения фиктивных данных в рабочие наряды.

За счет создания неучтенных кожтоваров изготовлялась дорогая продукция, например, дамская модельная обувь, а в документах фиксировалась дешевая продукция. Для изготовления, например, мужской обуви требуется больше кожтоваров чем для модельных дамских туфель, поэтому по документам списывалось количество кожтоваров, необходимое для мужской обуви, а фактически производилась дамская обувь. Кроме того, мужская обувь дешевле модельной дамской обуви. Таким образом «создавались» большие резервы кожтоваров для «левой» продукции и выручались большие суммы денег, которые шли в карманы расхитителей. «Левая» продукция продавалась через магазины.

Халатность материально-ответственных лиц при приеме и выдаче кожтоваров, используются преступниками для их хищения.

Так, например, начальник цеха, мастер и некоторые штамповщицы фабрики «Эрглис», не договаривавшись между собой, но наблюдая, что кладовщик штамповочного цеха Т. принимала подошвы, стельки, задники, каблуки и другие полуфабрикаты без проверки количества, а бракованные кожматериалы заменяла без составления акта, и злоупотребляя доверием Т., стали на путь хищения детской обуви. Таким путем за пять месяцев было похищено подошв, подметок, задников, набоек, флик и каблуков на общую сумму 3231 руб. 37 коп.

Сравнительно редко совершаются кражи материальных ценностей посторонними лицами, так как проникнуть на территорию предприятия возможно лишь при плохо организованной охране или халатности работников охраны.

Несовершеннолетние Д. и П. ночью проникли с крыши рядом с фабрикой «Эрглис» стоящего дома через вдавленное окно на склад готовой продукции и украли 24 пар разной обуви. Д. и П. были задержаны через длительное время, успев 21 пару уже продать и истратить деньги.

Анализ расследования дел показывает, что в хищениях кожтоваров применяются, в основном, следующие способы:

- 1) применение примерного вместо точного учета кожтоваров;
- 2) списание завышенных норм кожтоваров при изготовлении обуви и ее деталей;
- 3) незаконное использование съэкономленных кожтоваров;
- 4) использование отсутствия надлежащего контроля за работой кожевенных, обувных и торговых организаций;
- 5) неоприходование поступивших кожтоваров;
- 6) использование халатности материально-ответственных лиц;
- 7) списание сырья и материалов по фиктивным документам;
- 8) неправильное оформление рабочих нарядов;
- 9) незаконная замена лучших кожтоваров худшими;
- 10) составление фиктивных документов на реализацию обуви;
- 11) различного рода подделки документов;
- 12) кража посторонними лицами.

Помимо общих вопросов планирования расследования любого дела в плане расследования дел о хищениях социалистического имущества в обувной промышленности необходимо предусмотреть следующие основные мероприятия; если они еще не осуществлены:

1. розыск похищенных и укрытых кожевенных товаров как по месту работы подозреваемых лиц, так и по месту их жительства;
2. изъятие документации с производства (нарядов, накладных, рабочих карточек, ярлыков и т. п.);
3. проведение инвентаризации и ревизии;
4. осмотр полуфабрикатов и готовой обуви и порядка их хранения;
5. ознакомление с технологическим процессом производства;
6. ознакомление с состоянием охраны на производстве;
7. проведение экспертиз.

Следует иметь в виду, что почти по всем делам, как правило, проводятся товароведческие и бухгалтерские экспертизы. Поэтому уже своевременно следует решать вопросы о назначении этих экспертиз, что, безусловно, положительно отразится на сроках и качестве следствия.

Следователь в целях успешного расследования дел о хищениях социалистического имущества в обувной промышленности должен хорошо изучить не только технологию обувной и кожевенной промышленности и конкретно того предприятия, где совершено хищение, но и ознакомиться с руководящими

постановлениями, инструкциями и приказами вышестоящих органов. Всеми этими сведениями следователь должен вооружиться до планирования следствия. Сложность этой категории дел дает основание утверждать, что вопросам планирования необходимо уделять самое пристальное внимание, чтобы преступление было раскрыто полностью и ни один преступник не уклонился от ответственности.

2. Обыск

Совершая хищение социалистического имущества, преступник, как правило, предполагает возможное следствие и, в первую очередь, обыск. Обнаружение похищенных кожаных товаров, таких как штампованные подошвы, стельки, крой и т. п., не являющиеся предметами розничной торговли, являются весьма важным, если не основным и самым эффективным средством изобличения расхитителя.

Учитывая кроме того, что хищения кожаных товаров, как правило, совершаются группой лиц и уголовное дело возбуждается в большинстве случаев в связи с задержанием одного из преступников, производство расследования становится известным другим участникам хищений. Поэтому одним из первых действий следователя должен быть обыск. Обыск нужно производить немедленно, в противном случае возможна утрата ценных доказательств в связи с мерами принимаемыми преступниками. Следственная практика указывает на необходимость предусматривать производство обыска не только по месту работы и жительства подозреваемого, но и по месту жительства соседей, родственников, знакомых.

Обыску нужно подвергнуть непосредственно рабочее место подозреваемого лица, его шкафчик в гардеробе, место скопления отходов сырья, коридор и другие места, где можно хранить похищенное до выноса его с предприятия.

Нередки случаи, когда в целях маскировки и ожидания возможности реализации похищенное хранится на складах предприятия. Если похищенное такой же спецификации, что и материальные ценности склада, вместо обыска нужно произвести инвентаризацию. Так, например, ряд штамповщиков комбината «Блазма» похищенные жесткие кожаные товары прятали на складе. Это делалось по договоренности с заведующим складом П., у которого в результате инвентаризации было обнаружено 191,7 кг кожи излишков. У другого заведующего складом Ф. было припрятано 602 кг похищенных кожаных товаров.

Если есть основание полагать, что вместе с хранящимися

на складе похищенными кожтоварами находится также похищенное самими работниками склада, рекомендуется после обыска назначить инвентаризацию склада.

Для решения вопроса о том, производить ли обыск или инвентаризацию на складе, следователь обязан также предварительно ознакомиться в бухгалтерии с документацией о наличии материальных ценностей на складе.

Способ хранения похищенных ценностей может быть разным в зависимости от объема похищенного, обстоятельств места жительства и работы преступника. Местом хранения могут быть специально изготовленные тайники, предвидеть которые заранее невозможно. Однако, как правило, преступники прячут кожаные товары в сухих местах, в сухих упаковках и не «глубоко» с целью сохранения качества изделий, накопления требуемого количества и быстрой передачи в руки посредника или потребителя. Так, например, обыском на квартире О. похищенные кожтовары были обнаружены в кухне под буфетом, в буфете и в кладовой. Преступник Е. похищенные стельки в количестве 190 шт. хранил в старом чемодане, запрятанном в углу кухни, 60 шт. стелек в мешке в кладовой и 40 стелек в шкафу.

Посредник Д. похищенные кожтовары хранил в двойном мешке на чердаке.

Целью обыска должно быть обнаружение не только похищенных кожаных товаров, но и орудия совершения преступления, ценностей и других вещественных доказательств.

Разрушенная кожа в виде подошв и стелек, раскрой кожи, полуфабрикаты легче выносимы с предприятия и их стоимость более высокая, чем необработанная кожа. Однако, производя обработку орудиями предприятия, в случае обнаружения хищения возможно определить источник хищения. Поэтому в целях маскировки преступники иногда сами изготавливают некоторые орудия производства, как-то, штампы, лекала и т. п. Такие орудия, как правило, хранятся на рабочем месте или поблизости от него. Предметом обыска могут быть также и специально изготовленные орудия производства.

Так, например, у Б. при задержании были обнаружены разрушенные четырехугольные кожи, пригодные для подошв. Было установлено, что Б. связан с штамповщиком одной из обувных фабрик Ж. Производя немедленно обыск, следователь изъял на месте работы Ж. четырехугольный резак. Ж. отрицал какую-либо связь с Б. Произведенной криминалистической экспертизой было установлено, что обнаруженные при задержании Б. куски кожи изготовлены этим резактом.

Предметом обыска должны быть большие суммы денег, и другие ценности, приобретаемые преступниками в результате реализации похищенных товаров. Так, например, у упомянутого Ж. на квартире были обнаружены облигации 3% займа на сумму 1100 рублей. У О. кроме кожаных изделий в буфете были обнаружены две сберегательные книжки и лотерейные билеты на большие суммы.

В процессе обыска нужно обращать внимание на поиски различного рода документов, писем, записей телефонов, адресов, ярлыков, упаковочного материала, пломб и т. п., могущих свидетельствовать о хищении кожаных изделий, о связях с другими преступниками, адресах сбыта, о количестве похищенного и вырученных денег и т. д.

Учитывая, что хищение может быть совершено путем подлога документов (рабочих нарядов на изготовление обуви, накладных на отпуск приема кожаного сырья, ведомостей на выдачу заработной платы, накладных на готовую продукцию при поступлении обуви в торговую сеть), эти документы также должны быть предметом обыска как по месту работы, так и по месту жительства преступников. Нельзя упускать из виду средства изготовления фиктивных документов и, в частности, копировальную бумагу, используемую, например, для дописок в подлинных накладных после удачной реализации «левой продукции». Отраженный текст на копировальной бумаге может помочь изобличить преступника.

К производству обыска следователь обязан тщательно подготовиться: изучить имеющиеся материалы в деле, собрать необходимые сведения, характеризующие искомое; в случае необходимости потребовать образцы похищенного с предприятия, возможно подробнее изучить личность преступника, его навыки, склонности, выяснить с кем он живет или работает, обеспечить себя достаточно точным планом места обыска и продумать порядок и тактику обыска. Рекомендуется осуществить обыск после допроса преступника. В противном случае преступник на допросе будет исходить из результатов обыска, при чем не следует забывать, что следователь может и не обнаружить часть искомого. В случае надобности после обыска можно произвести дополнительный допрос.

По подозрению совершения хищений кожи, после выхода из фабрики, на улице был задержан закройщик Ю. При личном обыске Ю., под одеждой была обнаружена хромовая кожа размером в 451 кв. дм. После обыска Ю. был допрошен и показал, что он впервые совершил кражу. Немедленно в присутствии Ю. был произведен обыск в его квартире. В под-

собном помещении под лестницей в ящике были обнаружены завернутые в старый халат два куска кожи. Последовал обыск рабочего места Ю., где также обнаружена тщательно припрятаная кожа в 213 кв. дим. Товароведческая экспертиза установила, что все изъятые кожи принадлежат фабрике «1 Мая». Под давлением собранных следствием улик, Ю. признал себя виновным в хищениях кожтоваров, которые выносил с фабрики под одеждой, пользуясь тем обстоятельством, что в проходной одежду не проверяли.

Во время обыска следует помнить, что преступники иногда видоизменяют похищенные предметы, уничтожают на них марку предприятия, номера и другие опознавательные знаки. Из похищенной кожи изготавливают различные предметы, как-то: портфели, перчатки, сумки, сапоги, предметы одежды и т. п.

При обнаружении новой обуви по месту жительства преступника, которая законно могла быть приобретена в магазине для личных нужд семьи, необходимо сравнить размеры этой обуви с размерами обуви, носимой владельцем и его семьей.

Производя обыск, нужно иметь в виду, что преступники часто прячут похищенные кожаные товары вне квартиры, в подсобных помещениях, в надворных постройках, на чердаках, у соседей и т. д.

Для выноса похищенных предметов с предприятия преступники кроме сумок, портфелей, чемоданов и т. п. иногда используют специальные хранилища: выносят в одежде с большими карманами, в обуви больших размеров, посуде с двойным дном или в других специально приспособленных предметах. Поэтому при обыске необходимо обращать внимание на такого рода предметы и обязательно их изымать как вещественные доказательства.

Вследствии сравнительно широко развитой кожаной промышленности в Латвийской ССР похищенные кожтовары находят сбыт в других республиках. Поэтому весьма важно в процессе обыска обращать внимание на документы, свидетельствующие о переписке с соучастниками, о денежных переводах, железно-дорожных и почтовых посылках; проездные билеты, квитанции камер хранения багажа.

Как уже было сказано, расхищая социалистическую собственность, виновники, как правило, предполагают производство обыска и при первом обыске необнаруженные кожтовары или другие ценности извлекают из укрытия и приносят их к себе домой. Поэтому иногда положительный результат может дать повторный обыск. Промежуток времени между первым и

вторым обысками, а иногда и между вторым и третьим обысками может быть разным в зависимости от конкретных обстоятельств дела и предусмотреть его заранее невозможно. Повторный обыск может иметь место и у знакомых, соседей и родственников преступника.

Обнаруженные во время обыска предметы необходимо зафиксировать не только протокольно, но и фотографически. Для изобличения преступника очень важно показать место и способ укрытия похищенных кожаных товаров. Важную роль иногда может сыграть упаковка, особенно обнаружение ее при обыске у соучастников.

В целях возмещения ущерба, нанесенного преступлением, а также в целях возможной конфискации имущества осужденного следователь обязан наложить арест на имущество обвиняемого. В соответствии со ст. 175 УПК Латвийской ССР наложение ареста на имущество может быть произведено одновременно с обыском. Арест на имущество накладывается непосредственно после окончания обыска. Опыт следственной работы показывает, что в случаях промедления с наложением ареста, имущество преступником переносится к соседям, к родственникам, продается, закладывается в ломбард и т. п., о чем следователь может не знать. Если у преступника не окажется имущества, на которое мог быть наложен арест, необходимо путем допроса родственников, соседей, сослуживцев установить, имел ли преступник имущество, какое, его признаки и возможное его местонахождение. Следователь обязан принять меры для обеспечения гражданского иска по делу. Спрятанное имущество может быть также обнаружено обыском. Так, например, ценные бумаги, ломбардная квитанция, ценности могут находиться у соседа преступника, соучастника, родственников, они могут быть припрятаны на дворе, в подсобных помещениях, на чердаке, закрыты в огороде, подвешаны в колодце, лестничных клетках, трубах, шахтах, лифтах и т. п. Следует иметь в виду, что преступники нередко, приобретая такие ценности, как дачи, автомашины, дома и т. п., оформляют их на имя родственников или знакомых. Выяснить эти обстоятельства можно путем допроса соседей, сослуживцев, родственников, членов семьи, обнаружением при обыске различного рода записей, договоров, счетов, копий решений исполкомов и т. д.

Нельзя упускать из виду личный обыск. Так, например, у г-на В., подозреваемого в соучастии сбыта похищенных кожаных товаров, во время обыска на его квартире, большая сумма денег была обнаружена при его личном обыске, в специальном поясе под верхней одеждой. Еще до окончания обыска к

В. явился Д. Обыск производился в первой половине дня, т. е. в рабочее время. Подозревая, что Д. явился «на связь» к В., следователь тут-же обыскал его и обнаружил 4 куска мягкой кожи, обернутой вокруг тела Д., оказавшегося впоследствии одним из соучастников хищения кожаных товаров.

Другой пример. При личном обыске Л., задержанного работниками милиции на вокзале ст. Рига-пасс. по подозрению в краже чемоданов у пассажира, было обнаружено 145 пар подошв. Немедленно произведенным обыском на квартире Л. было обнаружено облигаций 3% займа на сумму 1790 рубл. и 9 пар новых модельных туфель. Преступник может хранить при себе не только ценности (деньги, облигации, золотые вещи и т. д.), но различного рода документы, записи, письма, фотографии, свидетельствующие о его связях с другими преступниками, об адресах сбыта, количестве похищенного и т. п.

3. Назначение экспертиз

Заключения специалистов по делам о хищениях кожевенных товаров являются весьма важным источником доказательств не только в стадии расследования, но, как правило, они необходимы и при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в процессе проверки материалов. Например, при задержании лица по подозрению в краже кожевенных товаров, зачастую, вначале нужно установить, являются ли они промышленными изделиями. И в ряде других случаев для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, как-то при обнаружении трупа, нанесении телесных повреждений, выпуска недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции, происшествий на транспорте, необходимо иметь заключение специалиста по существу происшествия. Так, например, при умышленном нанесении телесных повреждений возбуждение уголовного дела зависит от характера телесного повреждения. В настоящее же время в обход закона встречаются такие резолюции следователю: «Назначить судебно-медицинскую экспертизу и в зависимости от заключения решить вопрос о возбуждении уголовного дела». Целесообразно было бы в законодательном порядке разрешить назначение и проведение экспертиз до возбуждения уголовного дела, если для решения вопроса о возбуждении уголовного дела требуется заключение эксперта. Такое заключение даст возможность следователю более эффективно начать расследование и вместе с тем отпадет надобность в назначении экспертизы.

Почти по всем делам о хищениях кожевенных товаров и

обувной промышленности, назначается та или иная экспертиза, так как приемы хищения порой очень сложны, а случаи хищения искусно маскируются.

Какие экспертизы могут быть проведены по делам о хищениях социалистического имущества в обувной промышленности?

Это, в первую очередь, — товароведческая экспертиза, которая может решить следующие основные вопросы:

1. Является ли обувь фабричного или кустарного производства?

2. К каким артикулам и сортам относятся кожтовары?

3. Какое предприятие изготовило кожтовары?

4. Какая стоимость (цена) кожтоваров?

5. Какими деталями обуви являются кожтовары?

6. На какие детали обуви могут быть использованы кожтовары?

7. Каковы характер и причины брака обуви и возможно ли было обнаружить дефекты при выпуске этой продукции?

8. Правильно ли с точки зрения методов и формы была произведена разбраковка и проверка качества продукции заказчиком?

9. Соответствовала ли стандарту и доброкачественна ли была тара и упаковка?

10. Время изготовления кожтоваров.

11. Из каких сортов кож изготовлена обувь и не была ли использована кожа, бывшая в употреблении?

12. Какое количество кожтоваров потребовалось для изготовления данной обуви?

13. Правильно ли определены сорт и цена готовой продукции?

14. Была ли обувь в употреблении?

При наличии данных о совершении хищений с использованием технологического процесса может представиться необходимость в назначении и производстве судебно-технологической экспертизы.

Эксперт-технолог может дать ответы на следующие основные вопросы:

1. Правильно ли построен технологический процесс и обеспечивает ли он выполнение заданий, поставленных перед предприятием?

2. Правильно ли сформлялась технологическая документация на отдельных этапах технологического процесса и в целом с момента поступления сырья и полуфабрикатов на предприятие, включая выпуска готовой продукции?

3. Позволял ли характер технологического процесса, создавать излишки кожтоваров и на каком именно этапе?

4. Соответствуют ли установленному государственному стандарту лекала и трафареты, применяемые или применявшиеся на предприятии?

5. Соответствуют ли детали обуви размерам и форме лекал, трафаретов, чертежей и т. п.?

6. Не завышались ли нормы расхода кожтоваров и не могли ли быть созданы таким путем неучтенные кожтовары.

7. Не установлены ли вообще завышенные нормы расхода кожтоваров против реально необходимых норм?

8. Правильно ли производился учет кожтоваров на складах и в процессе их обработки? Правильно ли осуществлялся обмер, взвешивание и определение качества кожтоваров при поступлении их на предприятие?

9. Обосновано ли списаны по документам отходы кожтоваров и правильно ли они были реализованы?

10. Обеспечивали ли условия на предприятии сохранности качества готовой продукции?

11. Обеспечивала ли упаковка готовой продукции ее сохранность без повреждения пломбы?

Опыт расследования показывает, что в большинстве случаев хищения кожтоваров применялась фиктивная документация в оформлении рабочих нарядов, списании кожтоваров в расход, учете кожтоваров на складе и т. д.

Во всех этих случаях, как правило, бухгалтерская ревизия не в состоянии ответить на все интересующие следователя вопросы, поэтому неизбежно требуется производство судебно-бухгалтерской экспертизы.

Кроме общих, свойственных судебно-бухгалтерским экспертизам вопросов по любому уголовному делу, как-то: о правильности выводов ревизии, о правильности постановки бухгалтерского учета и т. д. по делам о хищениях в обувной промышленности могут быть разрешены следующие основные вопросы:

1. Правильно ли ревизия определила количество и сумму прокроя жестких кожтоваров и кто несет материальную ответственность за прокрой?

2. Соответствовали ли рабочие наряды и расценка работ фактически выполненным работам?

3. Не нарушался ли порядок отпуска и оформления документов по выдаче кожтоваров в производство и если нарушался, то была ли возможность в результате нарушений расхищать кожтовары и в каком размере?

4. Правильно ли определялась площадь кожтоваров в приемных актах?

5. Соблюдались ли установленные нормы списания кожтоваров?

6. Допустима ли была и в каких размерах замена одного сорта кожтоваров другим сортом?

7. Оправданы ли были изменения артикулов и цен в накладных на отпущенную в торговую сеть обувь?

8. Допустимо ли было перекрытие между разными артикулами жестких кожтоваров?

9. Правильно ли был организован учет жестких кожтоваров после их разуба?

10. Был ли прокрой кожтоваров, у кого, в каком объеме и каких именно кожтоваров?

11. Как учитывалась продукция, возвращенная заказчиком в порядке рекламации, и как оформлялась замена бракованной обуви доброкачественной?

Отдельные вопросы, относящиеся к компетенции специалиста-бухгалтера, могут быть разрешены на основе заключения судебно-технологической экспертизы. Поэтому целесообразно к моменту назначения бухгалтерской экспертизы иметь уже заключение специалиста технолога.

Полнота заключения экспертизы, а иногда и достоверность выводов зависит, во многом, от материалов, предоставленных в распоряжение эксперта. Сбор же этих материалов входит, как известно, в обязанности следователя. Ввиду сложности и необычности для следователя указанных видов экспертиз рекомендуется до назначения экспертизы проконсультироваться у соответствующего специалиста относительно содержания и формулировок вопросов, а также по количеству и качеству материалов, направляемых на исследование.

Нередко по делам рассматриваемой категории возникает необходимость в проведении криминалистических экспертиз.

Так, например, при обыске у рабочего комбината «Сомдарис» О. было обнаружено большое количество стелек, якобы им приобретенных у неизвестного гражданина на улице. На шести стельках видны были следы головок гвоздей или шпилек. У следователя возникло предположение, что О. похищал стельки на комбинате и выносил их в своих ботинках. Следователь изъял ботинки О. и назначил криминалистическую экспертизу, на разрешение которой поставил следующие вопросы:

1. «Оставлены ли следы, имеющиеся на лицевой стороне стельки «1—1» в виде вмятин и оттисков, правой ногой О.?»

2. «Не оставлены ли следы на оборотной стороне стельки

«1—3» головками и другими неровностями, имеющимися внутри правого ботинка О.?»

3. «Установить по форме деформации, не была ли стелька с обозначением «1—2» вложена внутри ботинка О. между стельками «1—1» и «1—3»?»

Аналогичные вопросы касались и остальных стелек.

В качестве сравнительного материала были предоставлены оттиски подошв правой и левой ног О., выполненные мастикой черного цвета на двух листах белой бумаги.

В своем заключении эксперт указал, что следы на лицевой стороне стельки «1—1», вероятно, оставлены правой ногой, а следы на лицевой стороне стельки «1—1», вероятно, оставлены левой ногой О.

В категорической форме эксперт дал заключение о том, что следы на внутренней стороне стельки «1—3» оставлены головками гвоздей и шпилек внутренней стороны правого ботинка, изъятых у О. К таким же выводам пришел эксперт, исследуя стельки со следами левого ботинка О. Ответить на третий вопрос не представилось возможным по причине отсутствия признаков, пригодных для идентификации.

Другой пример. Преступники Б., У., В. и другие из артели «Яунайс цельш» по договоренности с заведующими обувными магазинами подделывали накладные, производя дописки и изменения первоначальных текстов после продажи обуви, т. е. изменяли записи о проданной обуви I сорта на записи о, якобы, проданной обуви II и III сортов. Для установления первоначальных записей была проведена криминалистическая экспертиза, в результате которой представилось возможным установить размер похищенного социалистического имущества. На разрешение криминалистической экспертизы могут быть поставлены вопросы об установлении слабо видимых, нечитаемых маркировок кожтоваров; о вторичном употреблении ярлыков и этикеток, целостности пломб, об идентификации орудий взлома, штампов кожтоваров и другие вопросы.

Большую работу в разоблачении шайки преступников сыграло заключение криминалистической экспертизы об установлении тождества резака, изготовленного одним из преступников для разреза жестких кожтоваров. Эксперт установил, что именно этим резаком были изготовлены подошвы, обнаруженные при обыске у другого преступника.

В ряде случаев, когда необходимо исследовать кожтовары всесторонне или ряд взаимосвязанных объектов, целесообразно назначить комплексную экспертизу. Так, например, для установления качества и способа изготовления обнаруженных

у преступников кожтоваров необходимо заключение двух специалистов — товароведа и технолога.

Назначив экспертизу, необходимо продумать вопрос о специалисте, привлекаемом в качестве эксперта. Товароведческую, бухгалтерскую, технологическую экспертизы должны осуществлять лица, хорошо знающие особенности кожевенного производства и систему учета в обувной промышленности. Направляя материалы для товароведческой экспертизы в бюро товарных экспертиз, необходимо проследить, чтобы экспертом было назначено лицо, имеющее необходимые познания, и чтобы были соблюдены процессуальные гарантии, так как бюро товарных экспертиз, в отличие от научно-исследовательских криминалистических лабораторий, институтов и лабораторий судебных экспертиз, не является учреждением судебной экспертизы.

Выводы экспертов являются доказательством по делу и подлежат оценке. Следователь обязан проверить, насколько заключение экспертизы обосновано, действовали ли соответствующие нормативные акты, ГОСТ-ы, приказы, распоряжения и т. д., которые легли в основу заключения.

Другие экспертизы, как-то судебно-психиатрическая, химическая, дактилоскопическая и т. д., не являются характерными по делам о хищениях в обувной промышленности и поэтому не затронуты в данной работе.

Поскольку товароведческая и технологическая экспертизы по делам рассматриваемой категории являются сложными и в процессе исследования могут возникнуть новые обстоятельства и вопросы, интересующие следствие, следователю рекомендуется присутствовать при производстве экспертиз. Особенно важно присутствие следователя при исследовании таких объектов, как готовая обувь. Так, например, в процессе исследования может выясниться, что отдельные детали ботинок изготовлены из кожи, уже бывшей в употреблении, о чем следователь ранее мог и не догадаться. В таком случае следователь может поставить дополнительный вопрос перед экспертом.

4. Допрос свидетелей

Показания свидетелей являются важным источником доказательств особенно по делам о хищениях в обувной и кожевенной промышленности. Это объясняется следующим.

Хищения в обувной промышленности совершаются, как правило, группой преступников. Процесс изготовления обуви

состоит из многочисленных отдельных и порой весьма мелких операций, в которых участвуют и материально-ответственные лица и лица, имеющие в своем распоряжении материальные ценности, но не являющиеся материально-ответственными. В процессе изготовления обуви кожа и другие материалы проходят через руки большого количества людей без учета материальных ценностей на каждой стадии технологического процесса. Поэтому наиболее легко (и незаметно по документам) хищению поддаются детали для обуви. Малые размеры деталей дают возможность легко их украсть и вынести с предприятия. Хищение, как уже сказано, совершается в таких случаях за счет снижения качества или используя неточный учет кожтоваров. Так, например, вместо семь фликов преступник кладет 5 фликов, а два похищает. Отсутствие двух фликов для работников отдела технического контроля проходит практически незаметным. Следовательно, факт хищения могут подтвердить только свидетели.

На такие детали, как кожаная подошва, стелька и верха, не имеющиеся в розничной торговле, имеется большой спрос, особенно со стороны жителей сельской местности, кустарей и других лиц, ремонтирующих или для себя изготавливающих обувь.

Показания лиц о продаже или покупке похищенных кожтоваров являются таким образом необходимыми и важными доказательствами. Эти лица подлежат установлению и допросу.

Значение свидетельских показаний не снижается и в тех случаях, когда в целях сокрытия хищений используются фиктивные документы, неправильная расценка работ, халатное отношение к служебным обязанностям бухгалтеров, учетчиков, сторожей и т. д.

Шкуры животных и из них изготовленные кожи в настоящее время не поддаются точным измерениям и, следовательно, невозможен их точный учет и тем более невозможно организовать всеобъемлющий контроль за каждой операцией и каждым лицом.

Путем допроса свидетелей могут быть выяснены: вопросы учета поступления и реализации сырья; порядок обмера кожтоваров; характер отдельных этапов технологического процесса; порядок хранения сырья и готовой продукции; порядок охраны предприятия; производство бухгалтерских операций и т. д.

Свидетелями могут быть заведующие складами, кладовщики цехов, начальники цехов, мастера, бригадиры, учетчики, нормировщики, бухгалтера, экспедиторы, грузчики, уборщицы, подсобные рабочие, работники отдела технического контроля,

технологи, инженеры, представители администрации. Ценными являются показания соседей, знакомых и родственников преступника об образе его жизни, по фактам хранения и сбыта кожтоваров, о его связях, материальной обеспеченности и т. д.

Наметив круг допрашиваемых свидетелей, следователь должен собрать по возможности подробные сведения о свидетелях: об их взаимоотношениях с подозреваемым или обвиняемым; не являются ли они родственниками, соседями или друзьями; какая у них связь по работе; общественное положение свидетелей и т. п.

При определении очередности допроса свидетелей необходимо учитывать степень заинтересованности их в ответственности за хранение материальных ценностей или в качестве изготовления обуви. В числе первых нужно допросить тех, в отношении которых есть предположение, что их показания будут правдивыми и полными и что они лично не заинтересованы в исходе дела. В правильном определении очередности допроса немаловажную роль играет осведомленность следователя с основными узлами производства и технологическим процессом в целом, так как каждое предприятие имеет свои особенности.

Известно, что вопрос об очередности допроса имеет важное значение, и успех допроса следующего свидетеля зависит также от того, какими данными располагает следователь. Очередность допроса — это элемент тактики допроса.

Например, при расследовании хищения жесткой кожи штамповщиком, свидетели могут быть допрошены в следующем порядке: бригадир смены, учетчик, кладовщик, уборщица, обмерщицы кожтоваров, работники охраны, начальник цеха, работники отдела технического контроля, члены семьи, соседи по месту жительства и др..

В случае задержания заготовщика с похищенными верхами обуви, в первую очередь подлежат допросу: лицо или лица, задержавшие преступника; задержанный; учетчик или кладовщик цеха и бригадир.

Если хищение совершено подсобным рабочим цеха, то свидетелям могут быть другие подсобные рабочие цеха, бригадир, учетчик, работники склада; лицо, в распоряжении которого находились похищенные кожтовары и др.

Если преступник похищал кожтовары, накапливая их за счет «внутренних резервов», очередность допрашиваемых свидетелей может быть следующая: нормировщик, уборщица, очевидцы задержания, бригадир.

Выясняя причины недогрузки в ящиках или пересортицу

готовой продукции, полученной торгующей организацией, следует в первую очередь допросить рабочих склада готовой продукции предприятия — изготовителя обуви о порядке загрузки и оформления ящиков вообще и конкретно о расследуемом факте.

В некоторых случаях целесообразно в начале допросить родственников и соседей подозреваемого или обвиняемого.

Так, например, на ст. Рига-пассажирская был задержан Л. с двумя чемоданами с подошвенной кожей. Л. не признал чемоданы и кожу своими и утверждал, что он по просьбе задержавшего его работника милиции помог чемоданы принести в милицию. Произведенный обыск на квартире Л. не дал результатов. После обыска следователь допросил соседей Л., которые показали, что Л. предлагал им купить подметки и они видели его с упомянутыми чемоданами. Соседи показали, что Л. в последнее время нигде не работал и часто получал денежные переводы. Так было положено начало раскрытию крупного преступления — хищения кожтоваров на Рижском комбинате «Блазма».

Установив лица, которые приобрели похищенные кожтовары, необходимо их немедленно допросить о том, какие кожтовары, где, когда и у кого они их приобрели. Сложность допроса заключается в том, что покупатель мог один раз видеть лицо, которое ему продало кожтовары и не запомнить его внешность, а с другой стороны покупатель иногда заинтересован в неустановлении этого лица, боясь ответственности за приобретение похищенного.

Основными вопросами, кроме общих вопросов, выясняемых по всем делам о хищениях социалистической собственности, которые могут быть выяснены по делам рассматриваемой категории путем допроса свидетелей, являются следующие:

- 1) как производился обмер кожтоваров и какой порядок оформления результатов обмена соблюдался при этом;
- 2) как производились прием и передача материальных ценностей в производственном процессе;
- 3) какие были установлены нормы расходования сырья и как фактически выполнялись эти нормы;
- 4) о порядке списания кожтоваров в производство;
- 5) как использовались и оформлялись сэкономленные кожтовары;
- 6) о порядке учета и реализации отходов кожтоваров;
- 7) в каких условиях хранились кожтовары и кто фактически имел к ним доступ;
- 8) были ли похищенные кожтовары маркированы и имеют ли они какие-либо явные, отличительные признаки;

9) были ли ранее недостатки материальных ценностей, у кого, в каком объеме, по какой причине и как решался вопрос об ответственности;

10) замечались ли ранее случаи хищения материальных ценностей;

11) как выполнялись производственные задания определенным лицом;

12) соответствовала ли изготавливаемая обувь артикулу по документам (нарядам, накладным и т. д.);

13) были ли рекламации на продукцию, их характер и результаты;

14) были ли случаи замены высшего качества кожтоваров низшим и как это оформлялось;

15) можно ли выйти с территории предприятия, минуя охрану в проходной;

16) какой порядок контроля существует при входе и выходе, въезде и выезде с предприятия;

17) какие обстоятельства способствовали хищению;

18) какое было поведение подозреваемого лица до и после факта хищения.

Разумеется, что данный перечень вопросов является ориентировочным и неизчерпывающим и в каждом конкретном случае могут возникнуть дополнительные вопросы. Необходимо всегда иметь в виду, что хищение кожтоваров, как правило, влечет за собой снижение качества обуви, поэтому и следует выяснять: случаи и характер рекламаций; порядок контроля качества выпускаемой продукции; уровень выполнения производственного плана предприятием в целом и цехами, бригадами, участками в отдельности. В этом отношении особенно ценны могут быть показания юрисконсульта предприятия, работников бухгалтерии и планового отдела, нормировщиков и работников вышестоящей организации.

Допрос свидетелей по делам о хищениях в обувной промышленности является, как правило, сложным, требующим тщательной подготовки и планирования.

Здесь изложены наиболее характерные особенности допроса свидетелей. В остальном необходимо соблюдать общие требования тактики допроса, достаточно разработанные в криминалистике.

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
17	6 снизу	42 Бюллетень Верховного Суда СССР, 1956, № 1,5	42 Труды научной сессии ВИЮН, М., 1960, стр. 121; см. также Бюллетень Верховного Суда СССР, 1959, № 1, стр. 1—5.
41	15 снизу	уголвноправовую	уголовноправовую
45	8 снизу	закона	законы
46	6 сверху	основы	основные
52	26 сверху	в статьи	в статье
93	20 снизу	из того	из этого
104	14 сверху	чения	назначения
105	8 сверху	зывается	зывает
146	4 сверху	презвятого	предвзятого
148	6 снизу	продлиться	продлить
152	23 сверху	обвинений	обвиняемый
157	20 сверху	убежрению	убеждению
159	1 снизу	законодательность	законность
162	2 сверху	правоподобных	правдоподобных

Ученые записи, 93 том

Handwritten signature
Цена 98 коп.

44/5489

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509023667